

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XX Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы IX Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Красноярск, 25 апреля 2019 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2019

Редакционная коллегия:

Т.А. Полуэктова (отв. ред.)

С.П. Васильева

С.Г. Липнягова

Т.В. Мамаева

А 437 Актуальные проблемы современной филологии: материалы IX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 25 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Т.А. Полуэктова; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-325-8

Материалы конференции предназначены студентам-филологам, педагогам, специалистам гуманитарного профиля и всем, интересующимся вопросами современного литературоведения, литературной критики, лингвистики, методики преподавания русского языка и РКИ.

ББК 80

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ащепкова Л.Д. СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕСТИ ЮРИЯ КОВАЛЯ «ПОЛЫННЫЕ СКАЗКИ»	6
Букал И.С. ЧЕРТЫ НОВОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ.....	9
Ветренко А.В. СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»	12
Голосова А.Ф. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ ЖАН-ЖАКА РУССО В РОМАНЕ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА «ТАЙПИ».....	15
Гонтарева А.И. ОБРАЗ «СИРОТЫ ДУХА» В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ИСКРЕННЕ ВАШ ШУРИК».....	18
Козлова С.С. ПРОБЛЕМА НАЗАРЕЙСТВА В ПОЭМЕ Г. ГЕЙНЕ «ГЕРМАНИЯ. ЗИМНЯЯ СКАЗКА»	23
Кондакова О.А. МОТИВ СНА В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»	25
Лисова У.А. НОВЕЛЛЫ РЮНОСКЭ АКУТАГАВЫ «УБИЙСТВО В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ» И «МАНДАРИНЫ» В СВЕТЕ ВЛИЯНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	28
Матвеевко А.О. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБРАЗ РЕБЕНКА-ПОДРОСТКА В ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ»).....	31
Муравская Т.Н. ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА НОВЕЛЛЫ В. ВУЛФ «КОРОЛЕВСКИЙ САД».....	34
Новикова Е.О. ПРЕОДОЛЕНИЕ МИФА «КРЕСТЬЯНСКОЙ АТЛАНТИДЫ» В РОМАНЕ «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ» Р. СЕНЧИНА	37
Пудова О.А. РОМАН Т. Л. ПИКОКА «УСАДЬБА ГРИЛЛА» – «РОМАН-ОПЕРЕТКА»	40
Степаненко Ю.Н. ОБРАЗ ЛОНДОНА В «ОЧЕРКАХ БОЗА» Ч. ДИККЕНСА	44
Сургутская Ю.В. МОТИВ ПОБЕГА В РУССКОЙ ПОСТУТОПИИ 1980–1990-х ГОДОВ	47
Толкачникова К.К. КАТЕГОРИИ ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО В ПОЭЗИИ ЗИНАИДЫ ГИППИУС	50
Третьякова Е.В. ТЕМА ПОДРОСТКА-ИЗГОЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	53

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Артемяева А.Б. ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ В.А. ЖУКОВСКОГО	56
--	----

Бадьина Д.А., Сухарева А.С. ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗОВ «СЛАДКОЙ» РЕКЛАМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ КОНФЕТ В. МАЯКОВСКОГО И СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ СЛАДОСТЕЙ).....	59
Базаржапова М.С. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	62
Боброва А.Д., Дьяченко М.С. СРАВНИТЕЛЬНО-ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА «РОДИНА» НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	65
Большагина О.Д. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ОТДЫХ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА	67
Бондаренко А.И. ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)	70
Гладкова А.К. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ЖИТИЙНОМ ЦИКЛЕ ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО.....	72
Гончарова А.Д. ФОРМИРОВАНИЕ ТАКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ, КАК ЯСНОСТЬ, ПОНЯТНОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ В ДИАЛОГЕ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА	74
Иванова М.В. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	77
Ковалева А.Д. КЕТСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ В НАШИ ДНИ.....	80
Макова Е.Р. ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА В ПРОЗЕ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА.....	83
Мюллер Е.Д. СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ	86
Мянамшева Т.Ю. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО САДА	89
Ротарь А.М. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕИНГАШСКОГО РАЙОНА.....	92
Солусенко П.С. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ С. ДОВЛАТОВА	95
Субботина Д.В. КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ШМЕЛЕВА	98
Тан Кэсинь РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О СЕМЬЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРОПОЗИЦИЙ	101
Федоркина К.С. КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	105
Хэ Синьюй ИНТЕГРИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА В МЕТОДИКУ РКИ.....	109
Царинная Т.В. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРОТОИЕРЕЯ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА.....	113

Чжан Сяоминь КИТАЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ (СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)	116
Черкасова А.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАГОВОРОВ	119
Чэнь Кэюй КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЛЮРАЛИЗМ И ТЕРПИМОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ)	122
Шакирова Г.К. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАВЫ «ДЕТИ» В КНИГЕ МИХАИЛА ЛАБКОВСКОГО «ХОЧУ И БУДУ: ПРИНЯТЬ СЕБЯ, ПОЛЮБИТЬ ЖИЗНЬ И СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ»	126
Шамовская А.А. ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЖА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	129
Шинкоренко Ю.С. КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА ПОЭТИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВИКТОРА ТЕПЛИЦКОГО	132

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, РКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бардакова А.В. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА «ТРУДНОГО РЕБЕНКА» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ	135
Голощанова Т.А. МЕТОДИКА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ С РАССКАЗОМ В.П. АСТАФЬЕВА «АХ ТЫ, НОЧЕНЬКА!»	138
Молчанова С.С. ТЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)	141
Монгуш Б.О. РАБОТА ПО ОБОГАЩЕНИЮ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА БИЛИНГВОВ ЛЕКСИКОЙ ПО ТЕМЕ: «ВРЕМЕНА ГОДА»	144
Риве К. ОСВОЕНИЕ ШКОЛЬНИКАМИ ТОПОСА «ОГОРОД» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА (СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД)	147
Сорокина Д.Н. ТЕМА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВОГО ЧТЕНИЯ	150
Суровцева К. ШКОЛЬНАЯ ТЕМА В АБСУРДИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА А. ГИВАРГИЗОВА «ЗАПИСКИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДВОЕЧНИКА»)	153
Дубинина М.А. ЭПИТЕТЫ В ПЬЕСЕ Ф. ШИЛЛЕРА «РАЗБОЙНИКИ»	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕСТИ ЮРИЯ КОВАЛЯ «ПОЛЫННЫЕ СКАЗКИ»

ORIGINALITY OF NARRATIVE MODEL OF THE STORY YURY KOVAL «WORMWOOD FAIRY TALES»

Л.Д. Ащепкова

L.D. Ashchepkova

Научный руководитель Е.В. Данилова
Scientific adviser E.V. Danilova

Литературоведение, нарративный анализ художественного текста, повествовательное событие, образ нарратора.

В статье представлено описание повествователя и повествовательной модели повести Юрия Коваля «Полынные сказки». Авторы обращаются к возможностям нарративного анализа художественного произведения.

Literary criticism, narrative analysis of the art text, narrative event, image of a narrator.

The description of the storyteller and narrative model of the story Yury Koval “Wormwood fairy tales” is presented in article. Authors address to opportunities of the narrative analysis of a work of art.

Прозаические произведения Юрия Иосифовича Коваля – необычайно самобытная и логически завершенная художественная система, в которой полно отразилась авторская художественная картина мира. Первое повествовательное событие повести «Полынные сказки» начинает разворачиваться с появления нарратора-взрослого, автора, который, используя прием ретроспекции, создает впечатление мгновенного погружения в глубины прапамяти: «Это было... Давно это было. Это было, когда я еще любил болеть, <...> тихо болеть, по-домашнему, когда ты лежишь в постели, а тебе чай с лимоном несут». «А потом мама рассказывала мне сказки...». И уже в этих начальных строчках мы видим появление как минимум еще двух повествователей: нарратора – мальчика и нарратора-маму, которая рассказывала маленькому сыну истории своего детства, сохранив в повествовании особые переживания и впечатления ребенка, девочки Лели, которой была она сама когда-то.

В повести «Полынные сказки» писатель создает мифологическую художественную модель мира, миф о мире, а значит, читателю, чтобы стать соучаст-

ником событий, стать «своим», нужно, в первую очередь, отказаться от деления образов и событий художественного мира на реалистичные и фантастические и принять как аксиому, что здесь все может быть, и довериться автору: «Шел год за годом, пролетали дни. И вот этим летом я сильно заболел. Обидно болеть летом. Я лежал на кровати, глядел на макушки берез и вспоминал мамины сказки». Автор прибегает к инспиративной стратегии текста, которой и принадлежит обрамляющий текст нарратора всей повести (обозначим его **N-1**).

Мы отметили, что названия сказок, а их в повести Ю. Ковалю 43, своеобразны (например, «Сказка об огромных существах», «Сказка о какой-то штуке с золотым носом», «Сказка о снежных часах» и другие). Они акцентируют внимание на значимых, с точки зрения нарратора-рассказчика, индивидуально-авторских художественных деталях. Каждый нарратив – повествовательное событие – новая сказка из детских воспоминаний нарратора-мальчика (назовем его **N-2**, по отношению к нарратору-автору – **N-1**). Он основной транслятор (рассказчик), и он рассказывает сказки читателю. Нарратор-мальчик (**N-2**), поддерживаемый голосом нарратора-автора (**N-1**), являясь основным транслятором, определяет способ и последовательность подачи событий в каждом нарративе. Голос нарратора-мальчика (**N-2**) ведущий, но не единственный: в каждой отдельной главе может быть свой нарратор (**N-3, 4...**), свой транслятор событий. Это и постепенно взрослеющая девочка Леля (образ мамы Оли в детстве), и девочка Марфуша, которая когда-то училась в 3 классе и помогала Татьяне Дмитриевне (маме Лели), и сама мама Татьяна Дмитриевна, и Дед Игнат, и две любимые племянницы Татьяны Дмитриевны – Дуня и Ольга, и мальчишки Максим и Мишка, и сестры Натакай и Еленакай. Это многоголосье создает единый образ Сказителя Полынных сказок.

В повести Ю. Ковалю можно выделить несколько уровней текста в каждой отдельной сказке в зависимости от того, кто является транслятором интратекста и как распределены повествовательные события. Большая часть сказок в повести содержит 3 основных уровня текста:

1 уровень: повествование нарратора-мальчика (**N-2**) о каком-то событии (все события связаны с воспоминаниями о детстве девочки Лели). Его глазами (глазами ребенка) мы видим происходящее;

2 уровень: передача состояния, эмоционально-образное переживание события самой девочкой (**N-3**);

3 уровень: нравственный урок, меткое обобщение нарратора-автора (**N-1**).

Приведем в пример эпизод, в котором благодаря такому многоголосью постепенно разворачивается и углубляется художественная картина мира:

«**N-2** : И она (Леля) толкнула дверь и вышла на крыльцо. Свет, зеленый и золотой, ослепил ее, а за светом – зеленым и золотым – она увидела луг и одуванчики и **N-3**: очень обрадовалась. **N-2**: Так обрадовалась, как будто раньше их не видала. Но раньше-то ее приносили сюда на руках, а теперь она сама дошла. **N-1**: Это важно – дойти самому до того, до чего хочешь» («Сказка о крыльце и завалинке»).

Такое многоголосье делает восприятие авторской картины мира более объемным и глубоким. В один голос сливаются голоса рассказчиков – автора, мальчика, Лели и загадочных полыновцев. Нарративная стратегия рассказчика такова, что предполагает спектр самостоятельных мнений. Все они, хотя и разделены во времени, существуют в хронотопе единого мифа как «свои».

Нужно также отметить, что героями повести становятся не только люди, но и предметы: часы («штука с золотым носом», «этакая нос-нога», которая умеет, как и Леля, «стоять и ходить»), и завалинка с крылечком («Крыльцо. Хоть и не крыло, а, наверно, летает»), и кафедра, что «покрашена масляной краской» и хранит массу самых фантастических вещей, и даже «зеленая лампа» («Это была керосиновая лампа с абажуром из тонкого стекла особого какого-то зеленого цвета – лесного цвета, соснового»).

Художественное время в повести «Полынные сказки» во многом условно. В повествовательной модели повести указание на время является отправной точкой каждого нарратива. И при этом оно, во-первых, вписывает жизнь полыновцев в извечный круговорот природы: лето сменяется осенью, осень – зимой, на смену зиме приходит весна; день сменяется ночью. Во-вторых, время отмечает вехи постепенного взросления маленькой девочки Лели (например, «Это было, когда Леля научилась летать» или «А уж это было, когда Леля перестала стенные часы за нос дергать»). Прошлое, настоящее и будущее в художественном мире произведения существуют в едином пространственно-временном континууме.

Пространство в повести, скорее всего, мифопоэтическое. Взрослеет маленькая Леля, и все больше расширяется ее мир, наполняясь новыми деталями окружающего мира («обжитыми» девочкой, а значит, особенными, полынными). Пространство в повести можно разделить на внутреннее пространство (Полыновка, «близкое», родное пространство) и внешнее пространство (бескрайняя степь со всех четырех сторон и другие места, в которых Леля никогда не была, это в модели мира «чужое»).

Рассмотрев текст повести Ю. Ковалья с позиции нарративного анализа, мы сделали предположение, что коммуникативной целью автора может быть утверждение, что Чудо и Сказка живут рядом, в нашей жизни, а показываются они тому, кто включается в процесс Жизнестроительства на основах Любви, Дружбы, Добра. И это настоящее искусство жизни – научиться быть счастливыми и торжествовать, так, как это умеют делать герои повести.

Библиографический список

1. Коваль Ю. Полынные сказки. Повесть о давних временах. М.: Детская литература, 1987. 126 с.

ЧЕРТЫ НОВОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

THE TRAITS OF NEOSENTIMENTALISM IN THE WORKS OF LYUDMILA ULITSKAYA

И.С. Букал

I.S. Bukal

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Актуальная отечественная литература, новый сентиментализм, поэтика, Улицкая.

В статье рассматриваются генезис и эволюция актуального течения в отечественной литературе – нового сентиментализма, раскрываются его поэтика и проблематика на материале произведений Л. Улицкой.

Actual Russian literature, neosentimentalism, poetics, Ulitskaya.

This article discusses the genesis and evolution current trend in Russian literature – Neosentimentalism, specifics and problems are revealed on the material of the creation of L. Ulitskaya.

Специфика развития актуального литературного процесса в современной России является объектом пристального внимания критики и литературоведения. Рубеж второго тысячелетия был отмечен сломом художественной парадигмы, что привело к единовременному сосуществованию разнообразных литературных систем, объединенных общим феноменом – интересом к традиционализму [1, с. 52–56].

Подчеркнем, под традиционализмом мы понимаем не механическое следование той или иной исторически сложившейся художественной парадигме (что, по сути своей, является скорее консерватизмом), но заимствование наиболее выразительных и продуктивных его приемов с последующим перенесением оных в поле актуальной словесности, а также переосмыслением и расширением их содержательных и формальных признаков [2, с. 172–179]. По мнению Чагина, ориентация на традицию оказывается одной из наиболее значительных тенденций развития современной русской литературы [3]. Лейдерман, в свою очередь, отмечает, что литературные течения начала XX в. не прервали своего существования, а лишь были оставлены на время, необходимое для осуществления творческого поиска [4]. Одним из таких течений является сентиментализм.

Литературное течение конца XVIII в. формировалось как осознанная необходимость противоборства с классицистическим каноном. По мнению Кочетковой, сентиментализм складывался в тесной связи с идеологией просвещения, утверждающей внесловную ценность личности. Герой сентиментализма буквально являлся идеалом новой гуманистической эпохи, совершенным в своем умении чувствовать. Сентиментализм отразил новое мироощущение людей, продемон-

стрировал, что взаимоотношения между человеком и окружающим миром сложны, противоречивы, изменчивы [5].

Зарождение и формирование нового сентиментализма происходит в схожей ситуации. Рассматриваемое течение возникло на литературной арене в качестве оппозиции в отношении ведущих художественных принципов постмодернизма. Заимствуя у сентиментализма подчеркнутую субъективность видения мира, культ чувства и отражения природной естественности в человеке, а также тенденцию к утверждению богатого духовного мира каждой личности, авторы нового сентиментализма предприняли попытку осмысления и преодоления кризиса самоидентификации личности – важнейшей экзистенциальной проблемы рубежа XX–XXI вв.

Хаосу социального мира авторы нового сентиментализма противопоставили способность людей объединяться в нечто более устойчивое и цельное, открывая основания для этого в ресурсах нового языка – сексуальности, осмысляемой в литературных текстах как поиск диалога, преодоление условностей и границ. Так, например, в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» полисемантический, контекстуально несвободный знак сменяется моносемантическим физиологическим чувством.

Задача преодоления кризиса самоидентификации личности требует введения в художественную парадигму принципиально нового типа героя, способного к конструктивному взгляду на окружающий мир, к ответственности за пространство и время, в котором он пребывает, а также к осмыслению насущных проблем при помощи актуализации памяти древнейших общекультурных кодов (романы Л. Улицкой «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Искренне Ваш Шурик»). Герой нового сентиментализма озадачен поиском смысла бытия, однако в его сознании постепенно формируется понимание простой истины: он сам – человек, личность – является этим смыслом.

Рефлексия героев нового сентиментализма, основанная на глубинных ассоциациях, интуитивном узнавании архетипов и мифологем, может иметь не только интерспективный характер. Давая герою право голоса, автор предоставляет ему возможность осмыслить и разрешить ряд проблем, волнующих самого писателя и его современников, что обуславливает историчность повествования. В таких текстах художественная реальность максимально сближается с объективной, референтирует к исторически достоверным событиям (Роман Л. Улицкой «Зеленый шатер»).

Историчность текстов обуславливает собой такую тенденцию литературы нового сентиментализма, как ретроспективная направленность повествования. Выражается это в первую очередь в активном обращении к феномену памяти, воспоминания, наделенных чертами инопространства, способного стать альтернативой реального мира. Другими вариантами инобытия, выполняющего сходные функции, являются: процесс чтения («Сонечка»), сон («Медея и ее дети»), коматозные состояния («Казус Кукоцкого»).

Вышеизложенные художественные тенденции нового сентиментализма дают основание для обозначения спектра актуальных проблем рассматриваемого течения, таких как: поиск пути преодоления кризиса самоидентификации личности, противоборство с непознаваемостью и хаосом окружающего мира, легитимизация чувства и чувствительности, осмысление исторических реалий и утверждение приоритета судьбы конкретной личности, окрест которой и наращивается бытие.

Библиографический список

1. Ковтун Н.В. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В. Распутина, «Учение ЕПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) // LITERATURA (RusisricaVillnensis) 2016. № 58 (2). С. 52–56.
2. Ковтун Н.В. Судьба отечественной классики в интертекстуальном поле ранних текстов Л. Улицкой // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, вып. 2. С. 172–179.
3. Чагин А.И.. Русская литература сегодня // Вестник российской академии наук. 2008. № 4. С. 324.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е гг.: учебное пособие для вузов: в 2 т. М.: Академия, 2002. Т. 2. 688 с.
5. Кочеткова Н.Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. 1980. 288 с.

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL OF T. TOLSTAYA «KYS»

А.В. Ветренко

A.V. Vetrenko

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Татьяна Толстая, Бенедикт, система персонажей, «Кысь», наставник.

В статье рассматривается система персонажей романа Т. Толстой «Кысь»: положение главного героя Бенедикта в системе взаимоотношений: наставник и воспитанник.

Tatiana Tolstaya, Benedict, character system, “Kys”, mentor.

**The article discusses the system of characters in the novel of T. Tolstaya “Kys”:
the position of the main character Benedict in the relationship system mentor and foster child.**

Действие романа «Кысь» происходит после Взрыва – точки отсчета антиутопической действительности. Человек в своем развитии отброшен назад, в средневековое время. Люди превратились в мутантов – всякий испытывает на себе чудовищные последствия: у одних на теле растут петушиные гребешки или уши; у других на руках не по пять, а по десять, по пятнадцать пальцев, извивающихся, словно щупальца. С момента катастрофы прошло двести лет, сменились несколько поколений, но мир интеллектуально, духовно не развивается. Цивилизация так далеко отброшена назад, что люди не знают даже коромысла, общество находится на примитивнейшем уровне.

Главный герой романа – Бенедикт – сын женщины из Пржежных, Полины Михайловны, получившей «оверсетское абразование» [4, с. 25]. Она рассказывала Бенедикту о прошлой жизни, о культуре, но все истории были для мальчика лишь сказкой, интересной, но невероятной. Отец героя – из голубчиков, не любил рассказов о прошлом, частенько бил жену за инакомыслие, при этом научил Бенедикта работать руками: «Каменный топор изготовить – шутки ли? А он может. Избу срубить – срубит... Печь сложить умеет. Баньку спроворить... Умеет скорняжить, сырмятные ремешки из зайца резать, шапку сшить – ему все с руки» [4, с. 27]. В характере Бенедикта сочетаются противоположные черты, герой изначально задан как амбивалентный. Имя Бенедикт означает «благословенный» (лат.) [3, с.75]. На «избранность» указывает то, что герой служит писарем в Рабочей Избе, переписывает свитки, читает их, пытается анализировать суть прочитанного, но остается исключительно на уровне формальном, не проникая в СМЫСЛ.

Е.В. Хворостьянова одновременно указывает на сатанинские слагаемые самого слова «Бенедикт». Ссылаясь на текст романа «Имя розы» Умберто Эко (данный роман – один из претекстов «Кыси»), исследователь установила апо-

каллиптическую семантику имени персонажа: «Число же зверя, если сочтешь по греческим литерам, – Бенедикт» [5, с. 115]. В перевернутом мире кыси божественное и дьявольское теряют всякое значение, формализуются. Из лучших побуждений героя, жаждущего жить по писанному, и выстраивается апокалиптический сценарий [1, с. 539–555].

В характере Бенедикта сплетаются человеческое и животное, доброта и жестокость, жажда впечатлений и примитивность... Расстановка персонажей вокруг Бенедикта подчинена тому же принципу дуализма, что и его характер. Стоящий в центре системы действующих лиц Бенедикт окружен героями различного происхождения – Прежними, которые помнят жизнь до Взрыва, и голубчиками, родившимися после катастрофы. Оба сословия оказывают на него непосредственное влияние, склоняя на свою сторону, лишая внутреннего равновесия.

В детстве Бенедикт целиком находился под влиянием матери и Никиты Иваныча, ее старого друга из Прежних, гуманистически ориентированного истопника, «дедушки» [4, с. 136]. После гибели матери Никита Иваныч взял на себя обязательства по воспитанию и опеке мальчика. Но подопечный далек от того, чтобы унаследовать нравственные ориентиры Прежних, живущих представлениями классической русской литературы. Бенедикт видит в истопнике лишь пример властного лидера, возвышающегося над голубчиками, ибо он может добывать огонь. Сам мотив огня, добываемого чудесным образом, – ироническая отсылка к временам варварства и сюжетам волшебных сказок о Змее Горыныче. Бенедикта привлекает не человеколюбивая сущность Никиты Иваныча, а «почет и уважение», когда перед истопником «все шапки ломают, а он идет – никому не кланяется, чванливый такой» [4, с. 88]. Пытаясь взрастить в Бенедикте черты личности, пробудить духовную память о матери, Никита Иваныч терпит поражение – как показывает финальная сцена, все старания истопника были «без толку...» [4, с. 56].

В системе персонажей романа «Кысь» Татьяна Толстая раскрыла и контрастный характер Главного санитаря Кудеяра Кудеярыча. Это представитель карательных органов, мечтающий о собственной власти. Образ будущего тестя Бенедикта, отца Оленьки, то пугает героя, то очаровывает. Перед Главным Санитаром буквально трепещут все голубчики, в значительно большей степени, чем должность Главного Истопника, Бенедикта привлекает могущество Санитаря, в образе которого отразились образы Революции, как ее видели русские модернисты. Бенедикт примыкает к Главному Санитарю, сменив «стило» переписчика на крюк преследователя инакомыслящих. Татьяна Толстая показывает, как в герое побеждает не человеческая, но звериная природа.

Система персонажей в романе подчинена авторской задаче развенчания надежд на торжество человеческого в человеке. Автор не разделяет утопические теории просветителей, откровенно иронизируя над ними. Главный герой в поисках истины, терзаемый выбором между наставниками-антиподами, Никитой Иванычем и Кудеяром Кудеярычем, отдает предпочтение властности, силе и доминированию над голубчиками. Бенедикт оказывается погруженным в тем-

ноту и невежество. В поисках Главной книги как Книги Бытия он творит самые нелепые и страшные вещи, выбирает сторону деструктивной силы и жестокости в противовес осмысленной духовности и гуманизму. Автор, однако, сохраняет веру в силу Слова, утопия звучащего слова как ритма оказывается спасительной для Прежних, которые способны воспринимать Прекрасное и потому буквально «воспаряют». Интересно, что этот же эскапистский сценарий, когда герои убегают, улетают из катастрофического настоящего, оказывается общим для русской литературы рубежа XX–XXI вв., маркированной антиутопическими интенциями [6, с. 185–193].

Библиографический список

1. Kovtun N.V. EUROPEAN NIGDEYA AND RUSSIAN TUTOPIA (ON THE ISSUE OF INTERACTION) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Т. 1, № 4. С. 539–555.
2. Ковтун Н. В. «Русь «постквадратной» эпохи» // Respectus Philologicus. 2009. Т. 20, № 15. С. 85–98.
3. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. «Словарь русских личных имен». М.: Школа-пресс, 1995. 736 с.
4. Толстая Т. Кысь. М.: Эксмо, 2004. 368 с.
5. Хворостьянова Е.В. «Имя кыси: сюжет, композиция, повествователь романа Татьяны Толстой «Кысь» // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. СПб.: Европейский дом, 2002. 298 с.
6. Ковтун Н.В. Трансформация утопии в малой прозе рубежа XX–XXI веков (на материале повести В. Маканина «Лаз») // Русская литература. 2012. № 3. С. 185–193.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ ЖАН-ЖАКА РУССО В РОМАНЕ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА «ТАЙПИ»

REDEFINING JEAN-JACQUES ROUSSEAU'S IDEAS IN HERMAN MELVILL'S „TYPEE”

А.Ф. Голосова

A.F. Golosova

Научный руководитель Т.М. Никанорова
Scientific adviser T.M. Nikanorova

Герман Мелвилл, романтизм, руссоизм, Руссо, американская литература.

В данной статье рассматривается система взглядов Г. Мелвилла на основные идеи руссоизма, высказанная в романе «Тайпи».

Herman Melville, romanticism, rousseauism, Rousseau, american literature.

This article examines H. Melville's framework on russoism depicted in «Typee».

Руссоизм – система взглядов французского писателя и философа Жан-Жака Руссо. Учение Руссо основано на принципе сентиментализма в сочетании с индивидуализмом и натурализмом; определяется как культ чувства, человеческой личности и природы. Руссо утверждал, что действительность познается при помощи интуиции, чувств. Так, одним из основных положений руссоизма является противопоставление буржуазной цивилизации простой жизни людей на лоне природы, вдали от городов, в которых царят эгоизм и лицемерие. Цивилизация не дает людям счастья, поэтому утверждается идея «естественного человека», человека природы.

Наследие Руссо затронуло идеологию американского романтизма, идеи трансценденталистов. Ранние американские романтики были убеждены, что приблизившись к природе, став «естественным», человек обретет изобилие, благодать, чистые, простые и вновь и вновь возрождающиеся наслаждения.

Но «естественный» человек понимался не просто как беглец от цивилизации, а прежде всего как интеллектуально сильная личность, которая способна противопоставить убожеству торгашеской морали богатство своего духовного мира и отвергнуть ханжеское понимание жизни, чтобы жить по законам своего разума. В этом смысле последователем Руссо был и автобиографический герой полинезийских повестей Мелвилла – бунтарь, предпочитающий жизнь среди «варваров» общественному порядку и нравственному кредо, которые утвердились в буржуазной Америке.

«Тайпи» (1846) – это бесхитростный рассказ простого матроса о том, как он сбежал с китобойного корабля, попал в плен к каннибалам и прожил среди них несколько месяцев, присматриваясь к их нравам, образу жизни, характеру, психологии и т.п. Важно отметить, что в «Тайпи» и «Ому» преобладает строгая факто-

логия [1]. Вместе с тем изображенные картины жизни свободных и счастливых дикарей, сознание которых не обременено и не искажено противоестественными законами цивилизации, основанной на собственности, – классический образец романтической утопии. Интерес повествователя сосредоточен не столько на «добродетелях» людоедов, сколько на пороках цивилизации, от которых они избавлены. Именно в этом заключено важнейшее условие их благоденствия и свободы. Контрастное сопоставление «дикости» и «цивилизации» – неумолкающий лейтмотив повести [2].

Центральная проблема «Тайпи» – осуществимость руссоистского идеала. Мелвилл первым поставил под сомнение реальность бегства на лоно природы как пути восстановления гармонии и целостности человеческого опыта. Ни сказочное роскошество природы, ни желанная естественность нравов не могут удержать героя в долине тайпи. Когда перед ним всерьез обозначается выбор между жизнью среди аборигенов и возвращением к цивилизации, его решение можно предугадать. Герой отказывается уродовать себя татуировкой, которая должна приравнять его к коренным жителям, из-за этого ему угрожает опасность быть съеденным. Он спасается бегством на подошедшем к острову корабле. Ужас героя перед мыслью, что его тело покроет татуировка – по сути, речь о невозможности, неосуществимости утопии. Сколь ни притягателен идеал, проверка «эмпирикой» показывает его полную несостоятельность. Татуировка по своей сути – та черта, демаркационная линия, последний шаг перед полным отказом героя от «мира цивилизации», обратного пути не будет.

Прежде всего, это произведение о глубокой дисгармоничности цивилизации, в которой господствуют грубость морали и социальное неравноправие. Не стоит считать романтическим самообманом стремление тонко чувствующей души найти для себя приют, укрывшись среди более счастливых народов или в архаичной культуре. Это достоверное отражение тогдашних побудительных мотивов общественного сознания. «Тайпи» истолковывается как книга, в которой господствует «принцип реальности»: здравый смысл побудил героя к бегству, и он «не позволил безраздельно отдаться тому привлекательному, что таит в себе первобытная жизнь» [3].

В своей книге Мелвилл создавал картину жизни полинезийских дикарей для сравнения с цивилизацией, а отнюдь не для того, чтобы предложить человечеству путь перестройки социального бытия. Строй жизни туземцев для Мелвилла не некий безусловный идеал, а только материал для сравнения с нормами цивилизации, раз за разом проигрывающими на таком фоне. Когда Мелвилл сравнивает эти два типа общественного устройства, «дикость» нередко оказывается им идеализирована, чтобы резче оттенить пороки цивилизации. Однако судьба повествователя, очутившегося в этом «естественном» мире, показана без иллюзий, традиционных для романтической утопии, в которой ничто не препятствует герою пережить безоблачное счастье, едва он попадет в светлый мир торжествующих добрых начал жизни. Среди неиспорченных цивилизацией людей герою нет места – не оттого, что он слишком «порочен», а оттого, что слишком велики,

практически непреодолимы различия между мелвилловскими беглецами и приютившими их аборигенами Маркизских островов.

Утопия, созданная в «Тайпи», тут же и развенчана мыслью о ее невозможности для человека, воспитанного цивилизацией, как бы искренне ни стремился он освободиться от ее «безграничной тирании» и начать жить на совершенно новых, «естественных» основаниях.

Так, уже в «Тайпи» завязывается полемика Мелвилла с некоторыми широко распространенными убеждениями его эпохи, уже здесь дают себя знать будущие тяжелые конфликты, которые воплотятся в произведениях Мелвилла, – характерные конфликты романтического сознания, оказывающегося не в ладу с объективным порядком вещей в мире и с движением времени.

Через все творчество Мелвилла пройдут долгие, напряженные искания истинной правды о природе и о человеке. В первой же мелвилловской книге чувствуется недоверие к романтической философии, которая устами Эмерсона провозгласила, что «природа протягивает руки» человеку и обнимает его, «лишь бы его мысли были не менее величественны»[4, с. 577], а человеку необходимо только доверять природе и голосу своего сердца, чтобы восторжествовали разум и справедливость. В дальнейшем это недоверие усилилось, а в «Моби Дике» перешло в открытый спор.

Библиографический список

1. Засурский Я.Н. Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. М.: Наука, 1982.
2. Зверев А.М.: Герман Мелвилл и XX век. М.,: 1985.
3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977.
4. История всемирной литературы. М., 1989. Т. 6.

ОБРАЗ «СИРОТЫ ДУХА» В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ИСКРЕННЕ ВАШ ШУРИК»

THE IMAGE OF THE «ORPHAN SPIRIT» IN THE NOVEL BY L. ULITSKAYA «SINCERELY YOURS SHURIK»

А.И. Гонтарева

A.I. Gontareva

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Людмила Улицкая, сирота духа, Шурик Корн, ранняя проза, неосентиментализм.

В статье рассматривается образ главного героя романа Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик». Автор статьи разворачивает характеристику главного героя как «сироты духа», находящегося в постоянном поиске истины.

Lyudmila Ulitskaya, the orphan spirit, early prose, neo-sentimentalism, Shurik Korn.

The article deals with the image of the main character of L. Ulitskaya's novel „Sincerely your Shurick”. The author of the article presents his interpretation as „orphans of the spirit”, the hero who is in constant search of the truth.

Роман «Искренне ваш Шурик» был опубликован в 2004 г. Прозу Л. Улицкой исследователи относят к миддл-литературе, адресованной образованному читателю, способному «читать между строк» [1, с. 32]. Зрелое творчество автора принято анализировать под знаком «неосентиментализма», чья поэтика направлена на преодоление идеологии постмодернизма, с присущими ей апатией, скепсисом, иронией и господством «мира симулякров»: «Субъективная жизнь отдельного человека в сентиментально-реалистической прозе оказывается важнее исторических событий, жизнь духа доминирует над жизнью социума» [2, с. 10]. Сентиментальность здесь становится средством проявления свободы как способности человека противостоять давлению общества, т.е. не только через неприятие свойств общественной системы, но также и через желание нравственной чистоты при отсутствии любых нравственных табу.

Это и объясняет появление сентиментального героя в романе – Александра Корна, или Шурика. Персонажа чувствительного, чувствующего, но остающегося одиноким вплоть до финала произведения. Одиночество в жизни Шурика сродни сиротству, на которое он обречен с рождения – мальчик появляется на свет после гибели отца и воспитывается мамой и бабушкой: «Мама и бабушка, два ширококрылых ангела, стояли всегда ошую и одесную <...> с самого раннего возраста у Шурика выработалось неосознанное чувство, что и само добро есть начало женское, находящееся вовне и окружающее его, стоящего в центре» [3, с. 51]. Е.А. Яблоков отмечает: «Сирота для писателя – метафора человека вообще, не знающего связи с мировым Целым и держащего свою жизнь в своих руках.

Но одиночество, сиротство – это и важнейший стимул к душевному творчеству, к восстановлению некогда оборванных связей» [4]. Такое изображение героя становится логичным в условиях «переломной эпохи», о которой говорит Н. Лейдерман, когда остро ощущается необходимость заполнения образовавшейся пустоты новыми смыслами [5].

Для сокровенных героев Л. Улицкая тщательно выбирает имена. По С. Булгакову, процесс выбора имени «есть акт рождения» [6, с. 28], ведь имя в произведении функционально значимо не только в номинативном, но и в онтологическом, эстетическом аспектах. Александр – с лат. «защитник людей» – в тексте именуется чаще Шуриком, Л. Улицкая осознанно использует кинематографические коды, отсылающие к образам советских кинокартин «Операции Ы и другие приключения Шурика» и др., которые настраивают читателя на юмористический сюжет. Помимо кинематографичности, прозе писательницы свойственна интертекстуальность. Ряд исследователей отмечают связь текстов Улицкой с произведениями В. Набокова, в частности Н. Ковтун соотносит роман «Искренне ваш Шурик» с новеллой «Ультима Туле»: «The main characters, like Falter, are described as from Gorgon's head. Their fates also remind a move from the truth to truth which impress by their ordinary or even absurdity» [7, с. 132]. Приметы истины писательница находит в частной жизни, вне истории, только изнутри человеческого духа может быть раскрыта картина Вселенной.

В романе Л. Улицкой главный герой становится своеобразным «стержнем мира», основой сохранения бытия, ибо мужское традиционно соотносится с Логосом в противовес женскому хаосному началу: «*Мужская жизнь была для них загадка, даже священная тайна, и обе они ждали с нетерпением, как в один прекрасный день их Шурик станет вдруг взрослым Корном <...> с властью над глупым окружающим миром, в котором все постоянно ломалось <...> и только мужской рукой могло быть починено, преодолено, а то и создано заново*» [3, с. 55]. Шурик, как и Медея в романе «Медея и ее дети», обладает лингвистической грамотностью и понимает первоначальный смысл слов, что изображено в эпизоде отпевания Валерии Адамовны польскими священнослужителями: «*Смысл слов, действительно, открылся – Господь освобождал от смерти. Непонятно было, как именно он освобождал, но Шурик яснейшим образом понял, что смерть существует только для живых, а для мертвых, перешагнувших этот порог, ее уже нет*» [3, с. 375]. В текстах эпохи Просвещения древнегреческий и латинский воспринимаются как языки посвященных, они применяются в случае поиска земли обетованной. Только после похорон герой задумывается о смысле бытия: «*Да и что такое „собственная жизнь“? Чего-то хотеть, достигать... Сам же он ровным счетом ничего не достиг. А хотел чего-нибудь? Нет, и не хотел!..*» [3, с. 384].

Шурик существует в постоянном движении, его образ сродни фигуре странствующего Одиссея, который ищет «земли обетованные» – многочисленные женщины в жизни персонажа выступают в качестве новых земель, которые ждут своего защитника: «One man's life shadow impacts the memory, creation of other people

<...> The chain of such truths grounds the momentum of a person development and the world dynamics which is fragile and may well become empty if no one creates, throws the shadows/ornaments in the space» [7, с. 138]. Излюбленный прием Улицкой – ирония – отрезвляет читателя и наводит на мысль – действительно ли Шурик в поиске Истины: *«Все прочее было ущербным, ложным, суетным. Глупая беготня жизни: из аптеки на рынок, из прачечной в редакции, глупые переводы, глупая служба одиноким женщинам»* [3, с. 423]. Шурик, как герой чувствительный, все же неосознанно улавливает тени Истины в повседневности: *«...Шурику казалось, что за любым объяснением остается неразгаданная тайна личных отношений между веществами. Того и гляди, выпадет в осадок философский камень или какая-нибудь другая алхимическая мечта средневековья»* [3, с. 84].

Женские образы в романе цитатны, смысл их обозначается в момент встречи с героем, взаимоотношения с ними занимают большую часть текста. Всем Шурик пытается помочь: *«А от жалости ко всему этому бедному, женскому, у него самого внутри что-то твердело. Он давно уже догадывался, что это и есть главное чувство мужчины к женщине – жалость»* [3, с. 136]. В рецензии, посвященной роману, критик Н.Д. Александров пишет: *«На шахматной доске в строгом порядке расставлены „сильные” и „слабые”, достойные жалости и умеющие жалеть»* [8]. И Шурик умел жалеть, и делал это с чувством «общемужского долга», «по поручению». Даже в бреду, боля ветрянкой, герой переживает за своих «подопечных»: *«И ему представлялось, как все они его обступают, узнаваемые, но немного искаженные, как в слегка кривом зеркале <...> и такая жалость его охватила, что он просто потонул в ней... <...> Бедные женщины... Ужасно бедные женщины... И сам он заплакал»* [3, с. 327].

Среди женских персонажей особенно выделяются бабушка Елизавета Ивановна, мама Вера Александровна и Лиля Ласкина – первая любовь Шурика. Если первых двух он воспринимает как обожествленных созданий, ангелов во плоти, то образ Лилии Ласкиной является для главного героя открытием женственности. Подобно Лолите В. Набокова, Лиля отождествляется с бабочкой, выпархивающей из кокона, и являет собой истину, сокрытую в красоте. Тени этой истины Шурик позже ищет и в других персонажах: *«И Аля выжидательно смотрит на него подведенными японскими глазами, и он готов, вполне готов потрудиться, чтобы выпустить из плохонькой Алиной оболочки чудесную Лилю»* [3, с. 267]. Ускользящий образ Лили, как и набоковской Лолиты, ее марионеточный характер не раз подчеркивается в тексте: *«крутила стриженной, плюшевой на ощупь головой», «как заводная игрушка», «маленькое существо», «лохмы неопрятного меха», «игрушечные, как у плюшевого зверька, глазки», «как Филипок»* [3, с. 113].

Неожиданная разлука влюбленных происходит одновременно со смертью бабушки героя. В этот момент Шурик вновь осиротел: *«И тут Шурик понял, что он потерял гораздо больше, чем университет, он потерял эту Лилю, потерял все»* [3, с. 198]. Эмиграция в тот период воспринималась как загробный мир, что Л. Улицкая реализует в мироощущении главного героя. В сознании Шурика пе-

реезд Лили и загробное царство, где находится бабушка, постоянно переплетаются: *«Отъезд Лили так прочно соединился в его памяти со смертью, что даже возле гроба ему приходилось делать некоторое усилие, чтобы отогнать от себя странное смешение: ему все казалось, что хоронят Лилю»* [3, с. 408]. Связь с загробным миром осуществляется через письма, которые *«как с того света»* [3, с. 407]. В финале романа можно наблюдать картину, изображающую волшебника, очаровывающего змею – Лилю, скинувшую золотые тапочки (как метемпсихоз – сбрасывание змеиной кожи), свернувшуюся клубочком на коленях Шурика: *«И все черно-белое, серое вдруг превратилось в цветное, как будто поменяли пленку. Шурик сидел на лавке, а Лиля устроилась у него на руках»* [3, с. 431]. Мотив змеиной корзины как аллегории женщины – сквозная идея в литературных произведениях Улицкой [9, с. 65].

Показательно, что при встрече после эмиграции Шурик не сразу узнает Лилю, она обрастает коконом: *«Перед ним стояла маленькая чужая женщина, очень загорелая, с длинными и пышными почти африканскими волосами. Она улыбнулась мартышечьей улыбкой, и из нее, как бабочка из куколки, выпорхнула Лилька, и чужая женщина в то же мгновение перестала существовать»* [3, с. 375]. Мир, который завораживал героев в период университетской юности, теперь не восхищает Лилю. Все вокруг она воспринимает как театр, по кулисам которого ее водит Шурик-демиург: *«Шурик! Да здесь такое кино показывают, что Феллини делать нечего... Слушай, это всегда так было или только сегодня началось? – Что началось? – не понял Шурик. – Театр абсурда, вот что»* [3, с. 427]. Трагичным становится расставание героев и вердикт Лили в отношении Шурика: *«Шурик – трогательный», «ужасно нежный и совершенно асексуальный», «старомодный», «постарел, растолстел», «ветхость и пыль».* Но при этом девушка наделяет избранника и чертами святости: *«Интересно, есть ли у Шурика какая-то личная жизнь. Не похоже. С трудом могу себе представить. Но вообще-то в нем есть что-то особенное – он как будто немного святой. Но полный мудака <...> Бедный Шурик»* [3, с. 443].

Однако именно главный герой Улицкой способен к глубинной рефлексии: *«<...> я чувствую себя поездом, который прицепили к чужому паровозу, и он летит со страшной скоростью, но сам не знает куда»* [3, с. 381]. Именно он является силой духа, несмотря на внутреннее одиночество, умеет сочувствовать ближнему. Поиск истины происходит в жизни Шурика сам собой, напоминает игру [10, с. 217]. Важное отыскивается в обыденном: *«Я почти ничего не выбираю, разве что в кулинарии, что купить на обед – бифитекс рубленый или антрекот в сухарях»* [3, с. 381]. Заполняя свою духовную пустоту, он дарит поддержку и защиту «бедным женщинам», предлагая *«самые чистые отношения: никакой корысти <...> одна только радость тела»* [3, с. 264]. Блуждая в поисках красоты, Шурик становится опорой, на которой держится хрупкое мироздание. Имплицитно явленная в творчестве Л. Улицкой мысль о мире как о едином целом, позволяет обозначить сиротство как нарушение онтологической целостности мира, что логично в условиях «переломной эпохи» начала XXI в.

Библиографический список

1. Богданова О.В., Ковтун Н.В. Коммуникативные стратегии в «Миддл-литературе» рубежа XX-XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. № 1. С. 31-47.
2. Лю На. Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой: на материале сб. «Люди нашего царя»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2009. 179 с.
3. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 444 [4] с.
4. Яблоков Е.А. О типологии персонажей А. Платонова // Творчество Андрея Платонова. URL: <http://platonov.kkos.ru/bio/28>
5. Лейдерман Н.Л. Траектории «экспериментирующей эпохи»// Вопросы литературы. 2002. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html>
6. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Философия имени. Икона и иконопочитание. СПб.: Инапресс. 1999. Т.2. 330 с.
7. Kovtun N., Razumovskaya V. Nabokov's code in the early works by L. Ulitskaya: literary criticism and translation aspects // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts / SGEM. Vienna. 2017. С. 132–145.
8. Александров Н.Д. Личный блог. URL: http://www.kulturaportal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp
9. Ковтун Н.В. Сонечки в новейшей русской прозе: к проблеме художественной трансформации мифологемы софийности // Ковтун Н.В. Literatura. 2011. Т. 53, № 2. С. 53–70.
10. Ковтун Н.В. Игра как способ миропостижения в повести Л.Е. Улицкой «Веселые похороны» // Русская литература. 2013. № 1. С. 210–217.

ПРОБЛЕМА НАЗАРЕЙСТВА В ПОЭМЕ Г. ГЕЙНЕ «ГЕРМАНИЯ. ЗИМНЯЯ СКАЗКА»

THE PROBLEM OF NAZARENE IN THE POEM BY H. HEINE „GERMANY. WINTER TALE”

С.С. Козлова

S.S. Kozlova

Научный руководитель Т.М. Никанорова
Scientific adviser T.M. Nikanorova

Генрих Гейне, назарейство, поэма, Германия, эллинизм.

В статье рассматривается проблема назарейства в поэме Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка». Интерес Г. Гейне к проблеме назарейства объясняется общественно-политической ситуацией в Германии XIX в.

Heinrich Heine, Nazarene, poem, Germany, Hellenism.

In this article author considers the problem of Nazarene in the poem by H. Heine «Germany. Winter Tale». H. Heine's interest in the problem of Nazarene is explained by the sociopolitical situation in Germany of the 19th century.

Для Генриха Гейне абсолютным авторитетом в литературе был Иоганн Вольфганг Гете. Сравнив Гете с его оппонентами, Гейне высказывает мысль, которую затем он будет повторять на протяжении всей своей жизни: «Все люди – или иудеи, или эллины; или это люди с аскетическими, иконоборческими задатками, или же это люди жизнерадостные, гордящиеся способностью к прогрессу, реалисты по своей природе»[1].

Слово «назарянин» в библейской традиции связано с фигурой Иисуса Христа и служит примером самоотвержения и святой жизни. В антитезу «назарейство – эллинизм» Гейне не вкладывает религиозного смысла, сталкивая в ней окостеневшее мышление и свободный интерес к жизни. Вслед за Гёте, Гейне относит себя к эллинам, которые из античного мира восприняли широту интересов, раскованность мысли и мудрую жизнерадостность.

Впервые проблема назарейства была затронута Гейне в поэме «Атта Тролль», где назаряне были наделены такими чертами, как уравнилельный радикализм (распространение лозунгов «все равны всем»), религиозный догматизм, поверхностное понимание искусства и распад семейных отношений. Гораздо более серьезно проблема назарейства раскрывается Гейне в его другой поэме «Германия. Зимняя сказка». Предпосылками написания поэмы становится необходимость поразмыслить над настоящим и будущим своей Родины, с которой он был разлучен на тринадцать лет.

Едва переступив границу, поэт слышит фальшивую песню маленькой арфистки: «И пела она о скорби земной, // О счастье, так быстро летящем, // О райских садах, где потонет душа // В блаженстве непреходящем» [2, с. 415].

Назарей не были склонны предаваться глубоким размышлениям на злобу дня, им было достаточно верить, что где-то в царстве грез им уготована лучшая

жизнь. Именно такую черту назарейского характера, как чрезмерная мечтательность, Гейне раскрывает с первых строк своей поэмы. Мечтания Гейне о новой жизни в Германии пошли прахом, все так же однообразна эта страна, в ней ничего не изменилось за все эти годы. На всем лежит печать средневековых верований и обычаев: «Французам и русским досталась земля, // Британец владеет морем. // Зато в воздушном царстве грез // Мы с кем угодно поспорим» [2, с. 429].

Еще одним характерным признаком назарея была тевтономания. По определению Энгельса, тевтономания – это извращение патриотизма, она отбрасывает немецкую нацию «вспять, к германскому средневековью» [3, с. 367]. Несостоятельность тевтономании выявляется в ее националистических заявлениях: весь мир создан для немцев. Тевтономания привела к отрицательным последствиям не только в культурно-просвещенческом плане, но и в общественно-политическом, явившись, в известной степени, первым шагом к зарождению фашистских настроений в немецком обществе.

В тексте поэмы вся ненависть Гейне к пруссакам объединена вокруг образа «скверной птицы» – главного символа Пруссии. Гейне вскрывает все характерные черты пруссака: «Смертельно тупой, педантичный народ! // Прямой, как прежде, угол // Во всех движеньях. И подлая спесь // В недвижимом лице этих пугал» [2, с. 419].

Для германского народа XIX в. была характерна тяга к консерватизму, которая сформировалась как реакция на «ужасы Французской революции» [4]. В центральных главах «Германии» Гейне повествует о Фридрихе Барбароссе, сталкивая свой вариант легенды с традиционным. Миф подает императора как защитника несчастных и обиженных, ныне дремлющего в горе Кифгейзер. Но настанет час пробуждения, и Барбаросса придет на помощь своему народу. В поэме Гейне Барбаросса – это глупый старичок, сильно отставший от жизни. На призыв лирического героя выйти освобождать Германию от гнета, старик отвечает: «Тише едешь, дальше будешь» [2, с. 446]. Излюбленный образ немецкой мифологии оказывается комически сниженным и насквозь устаревшим. Не ему суждено даровать Германии освобождение, а «веселой коннице будущих дней» [2, с. 472]. Так прошлое сквозь настоящее вызывает к будущему.

Из круга социокультурных признаков назарея Гейне переходит в круг общественно-политических и в «Германии» делает акцент на таких истинно назарейских качествах, как излишняя мечтательность, консерватизм, тевтономания и мифологизация прошлого, поскольку именно они сейчас представляют наибольшую опасность для родины поэта. Глубоко переживая за будущее своей страны, Гейне обращается к немецкому обществу со страниц своего произведения, надеясь на то, что в будущем Германию ждет новая жизнь, сотканная по эллинскому образцу.

Библиографический список

1. Гейне Г. Собрание сочинений: в 8 т. / ред. П. Вейнберга. Спб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1898–1902. Т. 2: Людвиг Берне. 1898. 532 с.
2. Гейне Г. Избранные сочинения: пер. с нем. / редкол.: Л. Андреев, Г. Бердников, Г. Гоц и др.; сост., вступ. ст. А. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1989. 702 с.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. 419 с.
4. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. 177 с.

МОТИВ СНА В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

THE DREAM MOTIF IN THE NOVEL GUZEL YAKHINA „ZULEIKHA OPENS HIS EYES”

О.А. Кондакова

O.A. Kondakova

Научный руководитель В.А. Степанова
Scientific adviser V.A. Stepanova

Сон, мотив сна, пограничное состояние, сон – явь, предсказание, видение.

Дебютный роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» [1] оказался интересен как профессионалам, так и простым читателям. В рамках данной статьи рассматривается *мотив сна* как значимый и устойчивый мотив мировой литературы. Целью работы является формирование и описание структуры и функций *мотива сна*, выявление границы рассматриваемого мотива и особенности его функционирования. Актуальность изучения темы продиктована относительной неисследованностью мотива сна у Г. Яхиной, что позволяет глубже понять сюжет и образную систему романа.

Sleep, sleep motif, borderline state, dawn, prediction, vision.

The debut novel by G. Yakhina “Zuleikha opens his eyes” [1] turned out to be interesting both to professionals and ordinary readers. In this article the motive of sleep as one of the most stable in the world literature is considered. The purpose of this work is the formation and description of the structure and the functions of the motive of sleep, identifying the boundary of the motive in question and the peculiarities of its functioning. The relevance of studying the topic is dictated by the relative lack of research into the sleep motive of G. Yakhina, it allows to understand the plot and figurative system of the novel.

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» мотив сна является одним из сюжетообразующих конструктов. Можно выделить несколько вариаций мотива: сон как физиологическое явление; сон – смерть; сон как пограничное состояние. В рамках данной статьи сосредоточимся на последнем мотиве.

Мотив **сна как пограничного состояния** интересен тем, что помещает героя на границу сна и яви, реальности и инобытия. В подобном состоянии оказываются в романе практически все главные герои: Зулейха, Игнатов, Юзуф, Лейбе, иногда и не по одному разу, показывая динамическое развитие сюжетных линий (сны и «визиты» Упырихи) и представляет собой своеобразный «текст в тексте» (яйцо Лейбе). Зулейха окажется в состоянии *сна-яви* после смерти Муртазы, когда в одночасье рухнет ее мир и дальнейшие действия будут долго вызывать у Зулейхи странные чувства не пробудившегося ото сна человека: «Что это? Сон или явь? Если сон – почему свет так режет глаза? Если явь – почему звуки и запахи доносятся издалека, словно из подпола?» [1, с. 79]; «Зулейха слышит шум – далекий, еле различимый, будто сквозь пуховую перину. Но

нет сил оторвать глаза от потолка. Пусть Муртаза встанет и отворит. Не женское это...» [1, с. 78]. В таком состоянии она будет пребывать всю дорогу до Казани: «Глаза – видят, но будто сквозь завесу. Уши – слышат, но как издалека. Тело – двигается, дышит, но словно не свое» [1, с. 102].

В подобное состояние беспамятства дважды впадал Игнатов: от истощения, после первой голодной зимовки и в результате полученных травм на воде, после большого кутежа. Юзуф «четыре дня горел в бреду» [1, с. 36], после неудачной вылазки в лес: «Я видел сны, много снов. Все, что рисовал Илья Петрович, – и Ленинград, и Париж. Как ты думаешь, когда-нибудь я смогу туда поехать?» [1, с. 452]. Каждый из них побывал в переходном состоянии и познал какую-то тайну, изменившую их жизнь: Игнатов отныне бросил пить, а Юзуф приобрел мечту «расширить горизонт» и увидеть Ленинград и Париж.

Вещий сон, или *сон-предсказание*, – «окно в таинственное будущее...» [2, с. 125] – представлен снами Упырихи, которые непременно сбывались: «Свекровь редко видела сны, но те, что приходили к ней, оказывались вещими <...> происходило что-то, чаще – плохое, реже – хорошее, но всегда – важное, с извращенной точностью повторявшее картину полузабытого к тому времени сна» [1, с. 30]. Последний сон Упырихи один из самых важных и интересных сюжетных ходов, он определяет дальнейшее развитие событий в жизни героини, предсказывая будущее: «Старая ведьма никогда не ошибалась» [1, с. 31], «Умрешь ты скоро, во сне видела. Мы с Муртазой в доме останемся, а за тобой прилетят три огненных фэрэштэ и унесут прямиком в ад...» [1, с. 36]. Сбылся и ее последний сон: она осталась в доме с сыном, а ее ненавистную невестку увезли три красноармейца в место, названное «адам на земле».

Видения в лице Упырихи случаются у Зулейхи в важный или переломный момент. Впервые она отчетливо слышит ее голос «словно из подпола» [1, с. 104], в оскверненной мечети, где рушатся основные заповеди Зулейхи. Упыриха приходила к Зулейхе в землянку со словами: «Мой сын так не плакал» [1, с. 312], когда Юзуф умирал от голода. После этого визита, Зулейха смогла сохранить жизнь ребенку прикармливая его собственной кровью. Свекровь входила в лазарет, найдя, ощутив запах «фэхише» [1, с. 349], когда из-за болезни сына Зулейха перешла жить к доктору. Стояла «у заднего окна» [1, с. 446], дома Игнатьева, «когда Юзуф убежал в снежную тайгу на ее (Зулейхи) поиски» [1, с. 466], появилась свекровь и когда Юзуф уезжал от матери: «Покидает. Мир течет перед ее взором, струится. Не формы и линии – лишь цвета: плывут, утекают. Вдруг посреди потока – четкий образ, высокий и темный<...> Зулейха плачет, уткнувшись в грудь свекрови, долго и сладко» [1, с. 492]. Интересно, что вместе с метаморфозой Зулейхи меняется и ее реакция на визиты свекрови: сначала безмолвное повиновение, потом яростное отрицание, а в финале повествования, она впервые обратится к ней «мама», потому что с приобретенным жизненным опытом Зулейха отчасти поняла и приняла ее мудрость.

«Яйцо» профессора Вольфа Карловича Лейбе интересная находка автора, этот «текст в тексте» является элементом композиции, «яйцо» образует соб-

ственное время-пространство, подчиненное сновидческой семантике, логике сна: «Вольф Карлович жил в яйце. Оно выросло вокруг него само, много лет, а возможно, десятилетий назад, – он не утруждал себя подсчетами: в яйце время не текло и потому не имело значения» [1, с. 250]. Свойство психики, суметь вовремя уйти в «яйцо», чтобы выжить, абстрагироваться от мрачной действительности, очень помогло доктору сохранить свои знания и умения, но именно они, в свою очередь, вытащили Лейбе из «яйца» в суровую реальность, где он вновь стал востребован и признан: «...Его легкие вновь дышат, глаза – видят, уши – слышат. Отдышавшись, он оглядывается, ищет глазами ошметки разорвавшегося яйца – их нет» [1, с. 271].

После проведенного в данной работе исследования стало очевидно, что Гузель Яхина очень широко использовала *мотив сна*, так как именно посредством сна можно раскрыть характер героя, его мысли и желания, чувства и переживания, также удалось определить символическое значение и основную функцию сна для того или иного героя. Работа является попыткой изучить данную проблему и в то же время позволяет определить многие знаковые вещи как для понимания конкретного романа, так и для литературы в целом.

Библиографический список

1. Яхина Г.Ш. Зулехха открывает глаза: роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 508 с.
2. Лотман Ю.М. Сон семиотическое окно // Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 219–226.
3. Руднев В.П. Культура и сон // Даугава. 1990. № 3. С.121–124.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 160 с.
5. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX век. М., 1994. 263 с.
6. Пустовая В.Е. Большой роман с вишенкой // Вопросы литературы. Журнал критики и литературоведения. 2019. № 2. С. 125–138.

НОВЕЛЛЫ РЮНОСКЭ АКУТАГАВЫ «УБИЙСТВО В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ» И «МАНДАРИНЫ» В СВЕТЕ ВЛИЯНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

AKUTAGAWA RYUNOSUKE'S NOVELS “MURDER IN THE ‘AGE OF ENLIGHTENMENT’” AND “TANGERINES” UNDER THE INFLUENCE OF F.M. DOSTOEVSKY'S WORKS

У.А. Лисова

U.A. Lisova

Научный руководитель Т.М. Никанорова
Scientific adviser T.M. Nikanorova

Рюноскэ Акутагава, Ф.М. Достоевский, новеллы, прием психологизма в художественной литературе.

В статье на примере двух новелл исследуется влияние Ф.М. Достоевского на творчество Акутагавы Рюноскэ.

Ryunosuke Akutagawa, F. M. Dostoevsky, novel, method of the psychologism in fine literature.

The article shows the conclusions that were made during the analysis of Akutagawa Ryunosuke's novels of the early period concerning the influence of F. M. Dostoevsky's works.

Многие писатели в начале творческого пути ориентировались на конкретных авторов, стиль и мысли которых были близки им. Невозможно раз за разом изобретать велосипед – все, что создается, уже имело место быть в прошлом. Вопрос заключается лишь в том, как тот или иной автор интерпретирует наследие целого поколения. В данном исследовании был проведен анализ новелл Рюноскэ Акутагавы с целью выявления влияния творчества Ф.М. Достоевского.

На такое явление оказало влияние множество факторов. В первую очередь это общественно-политическая обстановка Японии в конце XIX – начале XX в. Политические события привели к коренным изменениям в культуре и, в частности в литературе. Революция Мэйдзи 1868 г. создала в обществе ощутимый раскол: народ делился на тех, кто поддерживал «западизацию» и видел в «открытии Японии» лишь положительные черты, и тех, кто считал насильственное открытие не благом, а непоправимой ошибкой, которая может привести к плачевным последствиям. Но именно благодаря этой межкультурной интеграции в Японии сформировались новые литературные направления, основы которых были заложены в произведениях зарубежных авторов: романтизм, натурализм и реализм [1].

Реалистической школе был более близок русский роман. Психологизм Достоевского, его взгляд на внутренний мир в контексте окружающей действительности

сти – идеи, которыми был воодушевлен Акутагава [2]. Именно поэтому он избрал «ориентиром» творческий подход Достоевского, применив характерные для русского классика приемы в контексте национального мировосприятия.

Сюжет новеллы «Убийство в век Просвещения» рассказывает историю одного преступления, но в необычном жанре: это исповедь убийцы, признание и раскаяние в письме близкому другу. Доктор Китабатакэ сознается в совершении преступления против супруга своей подруги детства Акико, в которую он был безотчетно влюблен. В письме он сожалеет о своем поступке, но вместе с тем сообщает, что планирует совершить преступление вновь. К концу письма Китабатакэ говорит, что уже принял ядовитое лекарство, и оно вот-вот должно подействовать.

Влияние Достоевского проявляется в данном произведении на тематическом уровне – соотнести новеллу можно с романом «Преступление и наказание». Тщательный самоанализ, рефлексия и осознание убийства – вот на что сделал акцент Акутагава, избрав для подачи этих аспектов особенности психологизма Достоевского. Исходный мотив также роднит Раскольников и Китабатакэ: они убивают не для себя, а «для общества», говоря обобщенно. Раскольников – чтобы доказать самому себе, что он «право имеет», чтобы на практике применить жестокую теорию. Китабатакэ – чтобы избавить не только Акико, но целый мир от тирании: «мною... руководило негодование, ибо я хотел покарать разврат, восстановить справедливость» [3, с. 47].

Проявляется влияние Достоевского на идейном, тематическом уровне; кроме того, использован прием психологизма для портретной характеристики и описания чувств и мыслей героя. На уровне мотивов также существуют сходства.

Стиль Акутагавы к 1918 г. меняется, становится более ясным и лаконичным: теперь он берет краткостью и точностью. «Мандарины» – прекрасное тому подтверждение; умение работать с малой формой – признак писательского мастерства. Рассказчик едет в поезде и наблюдает за девочкой, сидящей напротив. Облик девочки неприятен и скорее отталкивает, нежели заинтересовывает: «сухие волосы», «рябоватые щеки», «отмороженные руки», «мужицкое лицо» [4]. Автор обращает наше внимание на внешность, чтобы потом раскрыть настоящую сущность героини – ее чистую душу.

Влияние творчества Достоевского проявляется на идейном (основная мысль новеллы) и тематическом уровне (христианские сюжеты в бытовом свете, в повседневных историях); схожи используемые средства художественной выразительности – символические образы, психологизм в анализе мыслей и в портретной характеристике. К тому же в данной новелле можно проследить и единство в идеологическом плане – убеждения и мысли писателей здесь во многом перекликаются.

Таким образом, Акутагава заимствует характерные особенности творческой манеры Достоевского, но привносит на каждом уровне нечто новое, используя ранее известные приемы в необычных целях и наделяя их уникальными свойствами через призму японского национального видения и видения авторского.

Библиографический список

1. Рехо К. Романтическая школа: [Японская литература на рубеже XIX и XX веков] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. (История всемирной литературы).
2. Киносита Т. Творчество Ф.М. Достоевского: Проблема Рюноскеавторской позиции: сб. ст. СПб.: Серебряный век. 2017.
3. Акутагава Р. Мадонна в черном: рассказы, эссе. СПб.: Азбука-классика, 2008.
4. Акутагава Р. Мандарины [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. www-библиотека [сайт]. URL: <http://lib.ru/INOFANT/RUNOSKE/4a-11.txt>

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБРАЗ РЕБЕНКА-ПОДРОСТКА В ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ»)

FAMILY RELATIONS AND THE IMAGE
OF A TEENAGER IN PROSE BY L. ULITSKAYA
(FOR EXAMPLE, THE STORY „FUNERAL”)

А.О. Матвеевко

A.O. Matveenko

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

«Веселые похороны», Л. Улицкая, образ ребенка-подростка, семейная тема, психология, эмиграция, гендерный аспект, смысл жизни.

Цель настоящей статьи раскрыть образ подростка, рожденного в период сексуальной революции и волны эмиграции в США. Выявить значимость близкого взрослого в формировании человека в аспекте семейной темы, которая является ключевой в прозе Л. Улицкой. С точки зрения философии определить, в чем является смысл жизни (для героев) и ее (жизни) продолжения.

„Funerals”, L. Ulitskaya, image of a teenage child, family theme, psychology, emigration, gender aspect, meaning of life.

The purpose of this article is to reveal the image of a teenager born during the sexual revolution and the wave of emigration in the United States. To reveal the importance of a close adult in the formation of a person in the aspect of the family theme, which is key in L. Ulitskaya's prose. From the point of view of philosophy to determine what is the meaning of life (for the characters) and its (life) continuation.

Произведения Людмилы Улицкой востребованы не только в России, но и на Западе. Ее книги переведены на 25 языков. Творчество Улицкой становится объектом внимания критики и литературоведческих исследований (О. Побивайло, И. Корелова, Н. В. Ковтун, Н. Егорова, С. Беляков, М. Горелик и другие). В исследованиях произведений Улицкой выделяется несколько аспектов: мифопоэтика, этноэтика, гендерный аспект, семантический подход и «новейшая герменевтика», особенности жанра, наконец, социально-психологическая проблематика.

Обратимся к анализу повести «Веселые похороны», которая впервые была опубликована в журнале «Новый мир», в конце 1990-х гг. Местом действия в повести становится Нью-Йорк, по мнению Улицкой, эмиграция – «такое место где все обостряется: характер, болезни, отношения».

Сама Улицкая в интервью говорит об этом произведении: «Эта повесть связана с довольно значительным куском моей жизни. Мои дети десять лет прожи-

ли в Америке, и я из года в год приезжала, проживала вместе с детьми – очень отрывчато и очень избирательно – американскую иммиграцию. Общалась с одними и теми же людьми, десятилетие наблюдала развитие отношений, сюжетов, судеб...». Данная цитата отсылает нас к семейной теме, которая характерна для прозы Улицкой и в контексте семейной темы особую смысловую нагрузку несут образы детей.

При изучении гендерного аспекта повести остается без подробного комментария образ девочки-подростка, по прозвищу Тишорт, что обусловило *актуальность* нашего исследования. Обратимся к этому образу с точки зрения семейной темы и художественного раскрытия психологии подростков.

С Тишорт читатель знакомится на первых страницах повести: «...Майка, по прозвищу Тишорт, пятнадцатилетняя, неопределенно-толстенькая, в очках...». Для характеристики Тишорт важен возраст, так как с точки зрения психологии ведущей деятельностью старшего подростка является стремление приблизиться к миру взрослых, ориентация поведения на нормы и ценности этого мира, эмансипация от взрослых и группирование. На протяжении всей повести важное значение имеет описание отношений Тишорт со взрослыми. «Алик оказался первым взрослым, кого она удостоила общением... Она разговаривала только с детьми, с большой неохотой делала исключение для матери, остальные взрослые для нее просто не существовали».

Особенность Тишорт, заключающаяся в «странном поведении» очень интересовала психологов и психоаналитиков, они «...строили сложные и весьма фантастические гипотезы о природе ее странного поведения. Нестандартных детей они любили, это был их хлеб». Выдвинуто предположение, что у Тишорт «странная форма аутизма, которым страдала девочка лет с пяти».

Как уже говорилось выше, Тишорт общалась с людьми выборочно, но «Алик оказался первым взрослым, кого она удостоила общением...». На наш взгляд, причина такого внимания и живого интереса к Алику кроется в их связи на генетическом уровне. На протяжении всей повести появляются догадки о том, что Тишорт и Алика связывает что-то большее, а уже в конце повести, после смерти главного героя, читатель узнает, что догадки Тишорт о родстве с Аликом подтверждаются через ее диалог с матерью и внешним сходством с отцом «Ирина погладила *рыжую голову* дочери...».

Родственную связь ощущала не только Тишорт, но и Алик. Именно она становится «проводником» Алика в созданный им мир после смерти. Она размещает картины Алика в его квартире, создавая галерею и узнавая Алика как художника. Она же включает кассету, на которой записано послание Алика к своим друзьям. Выбор пал на Тишорт, так как она является продолжением его жизни и их связь нерушима, она воспринимается на онтологическом уровне, даже после его смерти. Тишорт уверена в том, что Алик не просто догадывался, а он точно знал, что она его дочь «...Он знал, конечно. – Голос у Тишорт был взрослый и усталый. – Ты думаешь, знал? – встрепенулась Ирина. Я не думаю, я знаю, – твердым голосом сказала Тишорт».

Диалог после смерти Алика и его посмертная запись на кассете послужили разрушением той стены недопонимания, что образовалась между Ириной и Тишорт. С ранних лет Тишорт была привязана к матери, но в силу своего замкнутого характера и, возможно, понимания того, что Ирина строит свою личную жизнь (напомним, что Тишорт родилась во время сексуальной революции и росла без отца), установили такие границы между ними, но «долгие годы Тишорт не могла засыпать одна, и Ирина неслась с другого конца города, чтобы это несчастное молчаливое существо уткнулось в ее плечо и заснуло...».

Мастерство Улицкой заключается в художественном раскрытии психологии общения взрослых и подростка. В контексте семейной, гендерной и эмигрантской темы реализуется идея о первостепенной роли близкого взрослого в формировании человека, в особенности ребенка-подростка, который нуждается в особом внимании. Ребенок, в данном случае Тишорт, становится не просто продолжением рода Алика, но проводником идеи бессмертия – биологического и творческого (через картины, оставшиеся после смерти Алика и проданные галерейщикам). Следовательно, художественный образ ребенка-подростка в повести «Веселые похороны» чрезвычайно значим для реализации комплекса онтологического смысла описываемых судеб.

Библиографический список

1. Улицкая Л. Веселые похороны: повесть. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 222 с.
2. Русская проза конца XX века: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Ага-несов, Т.М. Колядич, Л.А. Трубина и др.; под ред. Т. М. Колядич. М.: Академия, 2005. С. 369–391.
3. Соловьев В.А., Михайлов А.Л. Смысл жизни как проблема философии // Молодой ученый. 2017. № 19. С. 431–433.
4. Георгадзе М. Интервью с Л. Улицкой // НаСтойщая литература. 2003. Май.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА НОВЕЛЛЫ В. ВУЛФ «КОРОЛЕВСКИЙ САД»

PECULIARITIES OF CONSTRUCTING THE ART OF THE WORLD OF VIRGINIA«S VOLLEY WOLF „ROYAL GARDEN”

Т. Н. Муравская

T.N. Muravskaya

Научный руководитель С.Г. Липнягова
Scientific adviser S.G. Lipnyagova

Вирджиния Вулф, образ сада, новелла, метафора, символ, образ, композиция, художественный мир произведения, «Королевский сад».

Цель статьи – анализ особенностей построения художественного мира новеллы Вирджинии Вулф «Королевский сад». При анализе особое внимание уделяется временным и пространственным характеристикам, рассматриваются образы героев.

Virginia Woolf, image of the garden, short story, metaphor, symbol, image, composition, artistic world of the work, „Royal Garden”.

The purpose of this article is to analyze the peculiarities of the artistic world of the Virginia Woolf novel “The Royal Garden”. When analyzing, special attention is paid to temporal and spatial characteristics, the images of heroes are considered.

«Королевский сад» (*The Royal Garden*, ок. 1919) – одна из ранних новелл Вирджинии Вулф, которая была высоко оценена публикой и критиками. К написанию «Королевского сада» автора подтолкнула картина ее сестры Ванессы «Разговор». В небольшой по объему новелле значительное место занимают описания сада. В творчестве Вирджинии Вулф, как отмечают исследователи, например, Я.С. Коврижкина, очень богато представлены пейзажи, в том числе городские этюды [2].

В мифах многих культур образ сада символизирует рай, или изначальное время, мир в его первозданном состоянии (например, в Библии). Райский сад – символ совершенного или начального времени, времени космогонии, в нем еще нет никакой примеси хаоса. Образ сада и в литературе часто отождествляется с раем как местом, в которое приходят после смерти только люди, его достойные (например, в «Божественной комедии» Данте). Метафору сада в данном случае можно назвать философской. Данный образ часто встречается в произведениях Вулф. Например, «в „Комнате Джейкоба” (*Jacob’s room*, 1922) главный герой беседует со своим другом в Гайд-парке, Летиция и Уоррен, героини романа «Миссис Дэллоуэй» (*Mrs Dalloway*, 1925) беседуют на скамейке в Роджентс-парке» (здесь и далее курсив наш. – Т. Н.) [3, с. 92]. Сад является относительно замкнутым пространством, однако, имеющим выход в «реальный мир». В произведении присутствует символ (фигура) круга – клумбы, «хаотично блуждающие по кругу

люди», колеса автобусов, круглая монета. Данный символ можно рассматривать как метафору цикличности жизни, однако замкнутый круг может означать и невозможность выхода из каких-то жизненных ситуаций героев произведения. Интересно, что новелла имеет кольцевую композицию – начинается и завершается она подробным описанием сада. Для малой прозы В. Вулф характерны пейзажные и предметные описания (например, «Дом с привидениями» (*House with the ghosts, 1921*), когда неодушевленные предметы оживают на фоне общей неподвижности действия. Также можно предположить, что в новелле присутствует, помимо сада, хронотоп города («инога мира»), в котором протекает жизнь людей, пришедших в Королевский сад.

Сад словно противопоставлен городу как нечто прекрасное, наполненное воспоминаниями из жизни людей. Можно сказать, что образ сада «проходит» через всю их жизнь, как, например, в случае с Саймоном и Элеонор, когда мужчина вспоминает о бывшей возлюбленной. В случае с историей этих героев В. Вулф использует прием противопоставления: Саймон вспоминает о девушке Лили, которую он когда-то любил, а потом сразу обращается к жене, которую зовут совсем иначе. Происходит «обман читательских ожиданий». Новелла включает в себя нераскрытые истории четырех пар людей, последовательно включенных в структуру повествования. Объединяет этих людей место и время – нахождение одновременно в Королевском саду. Коммуникации между героями не происходят, каждая пара – отдельная история. Здесь находит отражение один из принципов романтизма – двоemiрие. Однако он модернистски изменен В. Вулф: *«ощущение границ между мирами размывается, происходит взаимопроникновение одного мира в другой»* [4, с. 133]. Первый (реальный) мир – Королевский сад, второй (ирреальный) – мир воспоминаний людей.

В новелле автором делается попытка разграничить реальную жизнь и мир аллюзий, воспоминаний. Однако видно, что эта грань очень тонка: *«Разве они не наше прошлое, не все, что от него осталось, эти мужчины и женщины, эти призраки под деревьями... наше счастье, наша жизнь?»* [1, с. 346]. Описание сада не прекращается по ходу повествования всей новеллы, он представлен как нечто большое, затмевающее людей, даже властвующее над ними: *«Они миновали клумбу и пошли дальше, теперь все четверо рядом, и скоро стали маленькими и полупрозрачными среди деревьев, среди больших и дрожащих солнечных пятен, которые, чередуясь с тенью, не спеша проплывали по их спинам»* [Там же]. Вулф соединяет моменты вечного и сиюминутного, стремительно меняет точку наблюдения, превращает неясные очертания в значимые объекты и, наоборот, десубъективизирует героев. Переход от описания одних героев к другим почти мгновенен.

Можно отметить «кольцо» в очередности появления пар: мужчина-женщина, мужчина-мужчина, женщина-женщина, мужчина-женщина. Интересен тот факт, что героев произведения автор называет «фигурками». Здесь встает вопрос об авторе – повествователе – рассказчике. Следует говорить о трехмерной картине повествования в данном тексте: автор (рассказчик) – герои – читатель. В новелле

разграничиваются рассказчик и главный герой, повествование ведется от третьего лица, что свидетельствует о позиции автора «над текстом». Обращаясь к анализу языка новеллы, можно отметить, что в некоторых случаях происходит смешение прямой и косвенной речи героев.

В новелле не очень явно выражен прием «потока сознания», встречаются лишь некоторые его элементы (ассоциации, воспоминания героев), структура повествования в новелле достаточно четкая, несмотря на обилие описательных элементов. Небольшая по объему новелла включает в себя четыре мини-истории разных людей, что расширяет повествовательную структуру произведения.

Библиографический список

1. Вулф, В. Избранное. М.: Художественная литература, 1989. 558 с.
2. Коврижкина Я.С. Живописное начало в творчестве Вирджинии Вулф // Вестник ТГПУ 2014. № 7(148). С. 211–217.
3. Соснин А.В., Ситникова Е.А. По лондонским маршрутам Вирджинии Вулф // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 91–104.
4. Спивак-Лаврова И.И. Особенности модернистской эстетики двоемирия в малой прозе В. Вулф и Ю. Олеси // Вестник ОГУ. 2014. № 3 (164). С. 133–136.

ПРЕОДОЛЕНИЕ МИФА «КРЕСТЬЯНСКОЙ АТЛАНТИДЫ» В РОМАНЕ «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ» Р. СЕНЧИНА

OVERCOMING THE MYTH OF „PEASANT ATLANTIS” IN THE NOVEL „THE FLOOD ZONE” R. SENCHIN

Е.О. Новикова

E.O. Novikova

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Зона затопления, потоп, Сенчин, гидра.

Статья посвящена анализу художественного мира Р. Сенчина на материале романа «Зона затопления». В тексте сделана попытка преодоления мифопоэтического, традиционалистского восприятия мира, характерного для творчества Распутина. Апеллируя к наследию классика, современный автор предлагает иной способ описания действительности, подчиненный идейно-художественным принципам «нового реализма», который позволил увидеть ключевую ситуацию затопления земель с иных позиций.

The article is devoted to the analysis of artistic world of R. Senchin on basis novel „The Flood Zone”. In his novel, Senchin attempts to overcome the mythopoetic, traditionalist perception of the world characteristic of Rasputin’s work. Appealing to the creativity of the classic writer, the modern author offers another a way to describe reality, subordinated to the artistic principles of “new realism”, which allowed to see a fundamentally new image of human existence.

Спустя почти полвека после выхода повести В. Распутина «Прощание с Матерой» Р. Сенчин – представитель «нового реализма», направления, сформировавшегося в литературе на исходе 1990-х гг., пишет роман «Зона затопления», полемически развернутый в сторону текста предшественника.

«Зона затопления» – роман об ушедшей эпохе, где прочерчены новые грани в жизни деревенских людей. Автор отказывается от мифопоэтики как структурообразующего принципа, уходит в сторону публицистики. Если у Распутина погружение острова под воду подсвечено мотивами града Китежа, Небесного Иерусалима [1, с. 78–87], то у Сенчина затопление деревни характеризует конец очередной эпохи, которая лишена всякой перспективы. У Распутина остров Матера – прообраз праведной земли, у Сенчина деревня лишена сакрального ореола. «Пылево», как и многие другие поселения, – просто местность, зона затопления. Автора в большей степени интересуют социальные проблемы, несправедливость, жестокость, царящие в обществе, бытовое рабство или проблема отчуждения в отношении человека к власти. Главный враг насельников острова – государство. Этот тезис тождествен идее Томаса Гоббса, который в нашумевшем сочинении «Левиафан <...>» рассматривает государство в качестве преобладающей силы над обществом, задающей правила и устои [2]. В романе государство – мощная всеохватывающая машина с непоколебимой системой управления.

В повести «Прощание с Матерой» возникает конфликт между прошлым и будущим, порождающий вопрос: действительно ли прогресс (построение гидроэлектростанции) обеспечивает счастье человечества? и какова цена этого счастья? Ответ на вопрос автор дает в эсхатологической перспективе – создает миф об ушедшей под воду крестьянской Атлантиде.

Сенчин разрушает миф о возможности спасения в инопространстве (в пределах легендарного Китежа или Беловодья), что предлагали традиционалисты [3, с. 539–556]. В настоящем люди подчиняются таким понятиям, как глобализация, стандартизация человеческого уклада, влекущим за собой разобщенность, заброшенность. Крестьянский мир замещается гражданским обществом, где личность тесно взаимосвязана с государством, при этом теряет связь с человечеством в целом, культурой прошлого. Господство технологий привело к отчуждению людей друг от друга.

В России переход от родового общества к гражданскому исторически происходит через локальные общины. Однако переход был нарушен политической системой, которая зачастую стремилась подавить общинные формы самоорганизации (что блестяще показано и в романе С. Залыгина «Комиссия»). В советский период власть практически устранила горизонтальные социальные связи. Как раз это Сенчин и пытается донести до читателя. Единство народа нарушено. «Зона затопления» – роман о «разобщенности». Люди, которые совсем недавно были друг другу почти родными, не способны отстоять свои интересы при переселении. На вопрос: «А почему вы не стали сопротивляться, когда сказали, чтоб уезжать?» – герой романа, Алексей Брюханов, не может дать ответа, оправдывая себя тем, что в советское время спорить было нельзя [4, с. 198]. И, действительно, раньше верили в прогресс и города строили для народа. В новой реальности народа в его духовно-нравственном понимании нет, есть население, которое властью воспринимается как «мусор», «маргиналы», «человечки».

С наступлением индустриальной эпохи деревни сменяют огромные города, уходят традиционная культура и верования, на которых прежде и держалось бытие. Деревня «Пылево» – обитель между прошлым и будущим, образ слепого мира. Мотив «обетованной земли» маркирует прошлое, когда люди думали, что выбирают поселение навсегда, «обживая дикое место». В Сибири осталось огромное количество поселков, которые стоят теперь опустевшие, заброшенные в кромешной тишине: «...ржавеют трубы котельных, качели на детских площадках, обваливаются памятники» [4, с. 191]. «Генеральный план», разработанный на перспективу развития затопляемых поселений вплоть до 2030 г., оборачивается фикцией. Вместо земного рая, обещанного людям, человечество получило искусственный мир.

Р. Сенчин детально изображает картину земли после потопа, где «Гидра» подобно ларнейскому чудовищу, пожирает все на своем пути: Большаково, Кутай, Усово... «Гидра» распространяется повсюду и повсеместно, она не только вторгается в природу, но и в человеческие жизни. Как некое чудовище, которое породила система и которому противостоять уже некому (люди утратили веру, власть

же воспринимается враждебно). Обещание цивилизационного процветания оборачивается гибелью земель, людей, экологическим бедствием. У отчаявшихся персонажей появляется страшное желание – «уснуть и не проснуться». Мотив конца, гибели деревень совпадает с концом жизни героев романа. «Перед нами не метафизический конец, не конец света. Перед нами пусть болезненный, но конец очередной эпохи, который, в отличие от конца эпохи предшествующей, оказался вдруг лишенный перспективы» [5].

Автор рисует эсхатологическую картину настоящего, где «саркастически оттеняет решение темы спасения в литературе конца XX в., где акцентируется не Богочеловеческая сущность Христа, а человекобожеская природа новой миссии, что связано с «идеей воскрешения духовной природы человека, т.е. Самоспасения» [6, с. 87]. Конечно, будучи современным человеком, Р. Сенчин не пытается отрицать прогресс, он напоминает о его цене, о необходимости нравственной оценки преобразований, о сохранении культуры и памяти, без которых будущее невозможно. Особую ответственность автор возлагает на писателей-предшественников, слово которых лишается силы, не может поддержать насельников затопляемых земель или отрезвить власть. Выход из патриархального мифа, созданного традиционалистами, обнаружил нищету, трагизм настоящего, но и заставил задуматься о необходимости взросления, осознания ответственности человека за творящееся окрест.

Библиографический список

1. Ковтун Н.В. Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI вв. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 77–87.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>
3. Ковтун Н.В. European «Nigdeya» and Russian «TUtopia» (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2008. №1 (4). P. 539–556.
4. Сенчин Р. Зона затопления. М., 2016.
5. Морозов С. Хроники «потопа». URL: <http://moloko.ruspole.info/node/53684>
6. Ковтун Н.В. Историзация мифа: от «благословенной» Матеры к Пылево (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник ОмГПУ. 2017. № 4 (17). С. 81–87.

РОМАН Т.Л. ПИКОКА «УСАДЬБА ГРИЛЛА» – «РОМАН-ОПЕРЕТКА»

NOVEL BY THOMAS LOVE PEACOCK GRILL GRANGE –
“NOVEL-OPERETTA”

О.А. Пудова

O.A. Pudova

Научный руководитель С.Г. Липнягова
Scientific adviser S.G. Lipnjagova

Роман-оперетка, Томас Лав Пикок, литературный жанр, художественные приемы, изображение художественного мира, сюжет.

В статье рассмотрен роман Т.Л. Пикока «Усадьба Грилла». Выявлены черты музыкального жанра оперетки, проявление особенностей данного жанра на уровне композиции, сюжетостроения, особого строения диалогов и действий в романе. Сложное сочетание музыкального жанра в рамках литературного романа достигается посредством вставочных элементов (песен, историй, фрагментов пьесы), посредством обрамляющей роли образа хора, песен, танцев. Особое расположение содержания 35 глав синхронизирует с 35 песенными куплетами со своими законченными сюжетами. Автор свободно оперирует элементами разных искусств, органично сочетая их в структуре романа.

Novel-operetta, Thomas Love Peacock, literary genre, literary receptions, image of the artistic world, plot.

The article deals with the novel by T. L. Peacock Grill Grange. The features of the musical genre of operetta, the manifestation of the features of this genre at the level of composition, plot, special structure of dialogues and actions in the novel are revealed. The complex combination of the musical genre within the framework of the literary novel is achieved through the insertion elements (songs, stories, fragments of the play), through the framing role of the image of the choir, songs, dances. A special arrangement of contents 35 heads synchronize with 35 song verses with their complete stories. The author freely operates with elements of different arts, organically combining them in the structure of the novel.

Роман величайшего писателя Томаса Лава Пикока «Усадьба Грилла» содержит в себе мифологический тип повествования. В этом произведении автор отражает свое мироощущение, и делает это с помощью различных художественных приемов.

Для романа характерна особая тональность, в которой прослеживается юмористическое начало. Именно это явление характерно для жанра «оперетка». Сам Пикок относил свое произведение к этому разряду. Для того чтобы подтвердить его слова, необходимо проанализировать основные положения и законы построения музыкального жанра оперетки.

Важно отметить, что этот роман впервые был напечатан в журнале «Фрейзерз» в XIX в., в период с апреля по декабрь 1860 г., а отдельная книга была издана в 1861 г. В этом же веке исследователи начинают изучать оперетку как самостоятельный жанр [5].

Нечто похожее на оперетку существовало еще в античные времена, именно тогда современные актеры создавали представления, в которых разыгрывались сцены, касающиеся жизни богов.

Интересно, что на протяжении всего романа Пикок обращается к античным аллюзиям, которые обогащают всю структуру романа. Для него характерно сравнение героев произведения с различными античными мифологическими образами.

К примеру, даже сам мистер Грилл считает себя потомком того, кто был тесно связано с Улиссом. Главный герой является критиком пороков современного общества. Прототип такого персонажа присутствовал в «Одиссее» Гомера.

Также один из главных героев, преподобный отец Опимиан, регулярно обращается к трудам известных античных писателей.

Так, например, в шестой главе романа «Наука об электричестве» говорится: «Он цитировал Гомера, Эсхила, Аристотеля, Плутарха, Атенея, Горация, Персия и Плиния в доказательство тому, что все ныне известное об электричестве было известно уже и древним» [3].

Известно, что в первой половине XIX в. жанр «оперетка» трактовался не так, как в настоящее время. Под этим термином понимались оперы, маленькие по объему.

Сейчас же этот жанр многие исследователи определяют таким образом. Оперетка – вид музыкального театра, который сочетает вокальную и инструментальную музыку, танец, балет с элементами эстрадного искусства.

Форма и содержание жанра оперетки очень многообразны. Известно множество ее видов:

- пародийная;
- пародийно-сатирическая;
- лирико-комедийная;
- лирико-романтическая;
- героико-романтическая [5].

Чаще всего финал произведений в жанре оперетты счастливый, что характерно и для произведения Пикока.

Родство оперетты с другими видами искусства и отсутствие жестких границ между опереттой и оперой с разговорными диалогами, а также между опереттой и пьесой с пением и танцами (водевиль) вносят путаницу в определение жанра.

С одной стороны, это позволяют относить к оперетте некоторые схожие по характеру жанры, с другой – самой оперетте это позволяло и позволяет выступать под названием комической оперы, музыкальной комедии и мюзикла.

Для жанра оперетки характерен любовный или комический сюжет. Он является не только музыкальным, но и содержательным в отношении танцев и самой постановки.

Роман Пикока также отвечает этим требованиям. Иными словами, оперетка – это разносторонне академическое произведение, в основе которого лежит легкий, шуточный характер. Зачастую в ней скрывается ироничный и саркастичский подтекст или иногда драма.

Сюжет романа частично отражает взаимоотношение ожидания и реальности в жизни супругов. Понятие терпимости рассматривается как обязательный фактор для благоприятных отношений между людьми.

Известно, что в жизни самого автора случались подобные проблемы, поэтому он был заинтересован в том, чтобы разобраться в этом вопросе.

Основой музыкальной драматургии оперетки являются куплетная песня и танец. Необходимо отметить, что кульминацией каждой сцены является популярный в данное время и в данной стране танец, который зачастую определяет всю музыкальную атмосферу спектакля.

В романе Пикока также каждая сцена имеет определенную сюжетную структуру, всего в романе 35 глав. Как правило, каждая из них начинается с небольшой предыстории (развязки), которая с развитием действия переходит к кульминационному моменту, а позднее так же плавно, как танец оперетки, прекращается.

Важно рассмотреть сюжет и фабулу в романе «Усадьба Грилла». Все 35 глав расположены таким образом для того, чтобы полноценно раскрыть суть образов главных героев. Мистер Грилл, миссис Грилл, преподобный отец Опимиан, миссис Опимиан, мистер Принс – главные действующие лица романа.

Некоторые события, происходящие с ними, расположены в романе не в хронологическом порядке. Важнейшую роль играют именно диалоги между этими героями. Каждый из них дарит осознание чего-то особенного друг другу. Ведь все они – полноценные зрелые личности.

Несмотря на то, что в оперетке присутствуют традиционные оперные жанры и типичные разряды вокальной и инструментальной музыки – ария, дуэт, ансамбль или хор, они чаще всего носят более упрощенный характер [1].

Все музыкальные и текстовые элементы оперетки необходимы для развития действия.

Именно они в конечном итоге представляют собой взаимосвязанное целое. Этот фактор помогает отличить данный жанр от водевиля и других разновидностей музыкальной комедии.

Свое начало оперетка берет из традиций музыкально-комедийных спектаклей, ее историческими предшественниками принято считать комическую оперу, оперные пародии, австрийский и немецкий зингшпиль, а также французский водевиль [4].

Характерными особенностями оперетки считаются:

- развлекательность;
- присутствие разговорной речи.

Роман построен по принципу пьесы. Практически на протяжении всего повествования присутствуют диалоги. Это свидетельствует о том, что изначально произведение готовилось для постановки на сцене.

На протяжении всего романа присутствует множество эпиграфов. Это цитата, которая помещается перед главой или в начале произведения, для того чтобы раскрыть суть того, что будет описано далее. Раскрываются смысл романа, отношение автора к его героям и т.п.

Сам Пикок отмечает, что эпитафии в его романе иногда соответствуют главам, перед которыми они расположены. Однако чаще всего они предназначены для раскрытия общего замысла. Автор в описании своих эпитафий употребляет термин «мотив оперетки» [1]. Именно ему соответствуют эпитафии произведения.

«Всегда и везде я так провожаю день, будто он уже не вернется» – гласит первый эпитафия, встречающийся в произведении. Действительно, позднее окажется, что герои осознают важность каждой минуты в жизни. Данная цитата описывает суть всего произведения и дает читателю некую подсказку.

Интересно, что эпитафия, расположенная перед второй главой, несет в себе примерно такой же смысл. Ранее мы сказали, что Пикок зачастую обращался к античным мотивам. Такая же тенденция прослеживается при выборе эпитафий. Большинство из них является цитатами античных философов.

Глубокий философский смысл позволяет читателю задуматься о некоторых основах бытия. Например: «В отчаянье у чистого ручья пастух, покинутый лежал» [2]. Все перечисленные эпитафии отвечают на замысел романа о быстротечности жизни.

Такую же функцию выполняют некоторые оперетки, несмотря на условие легкости в подаче материала.

Именно эти факторы помогают сделать вывод о том, что роман Пикока напрямую связан с этим жанром.

Библиографический список

1. Кастрель В.Д. Литературные проекции оперы Р. Вагнера «Тангейзер» (О. Уайльд, М. Кузьмин) // Новый филологический вестник. 2014. № 3 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/literaturnye-proektsii-opery-r-vagnera-tangeyzer-o-uayld-m-kuzmin> (дата обращения: 01.05.2019).
2. Пикок Т.Л. Усадьба Грилла / Пер. Е. Суриц. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1023421/Pikok_-_Usadba_Grilla.html (дата обращения: 30.04.2019)/
3. Полякова Е.А. Театральность в литературе // Новый филологический вестник, 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teatralnost-v-literature> (дата обращения: 30.04.2019).
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 612 с.
5. Смирнов Е.А. Музыкальные аспекты романа Джека Керуака «На дороге» // Вестник Томского государственного университета, 2011. С. 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/muzykalnye-aspekty-romana-dzheka-keruaka-na-doroge> (дата обращения: 29.04.2019).

ОБРАЗ ЛОНДОНА В «ОЧЕРКАХ БОЗА» Ч. ДИККЕНСА

THE IMAGES OF LONDON IN THE SKETCHES OF BOZ BY C. DICKENS

Ю.Н. Степаненко

J.N. Stepanenko

Научный руководитель С.Г. Липнягова
Scientific adviser S.G. Lipnjagova

Образ Лондона, очерковый роман, английская литература, городское пространство, типичные образы англичан, любительские театры.

В статье говорится о том, что образ города является одним из центральных образов в произведениях мировой литературы. Показано, как постепенно расширяется городское пространство, описаны типические образы лондонцев, лондонские театры.

The image of London, description of the novel, English literature, urban space, typical images of Englishmen, amateur theater.

The article says, that the image of the city is one of the Central image in the works of world literature. It is shown how the urban space is gradually expanding and the typical images of Londoners, London theatre.

Необходимо отметить, что образ города издавна является одним из значимых в творчестве мировых писателей, в работах русских и зарубежных исследователей. Если говорить об английской литературе, то в произведениях английских авторов образ города чаще всего представлен Лондоном.

Образ Лондона чаще рассматривается на примере романов Чарльза Диккенса. Это работы Н.П. Михальской, О.С. Шуруповой, Т.Н. Шевелевой [3; 6; 7].

«Очерки Боза» Чарльза Диккенса («Sketches of Boz», 1836) упоминаются в исследованиях Т.И. Сильман, И.В. Егоровой, Е.С. Старшовой [2; 4; 5].

На сегодняшний день одним их самых масштабных английских произведений о городе является книга Питера Акройда «Биография Лондона». Это не путеводитель и не исторический очерк. Это – биография. Питер Акرويد описал все черты Лондона, какими они только могли быть. Запах Лондона, шум Лондона, цвет Лондона – все смешалось под мастерским пером Питера Акройда. Но прежде чем, появилось это произведение, были написаны многие другие о Лондоне, в частности очерковые и традиционные романы Чарльза Диккенса, тщательно изученные Питером Акройдом. Одним из таких романов является очерковый роман Ч. Диккенса «Очерки Боза».

Лондон Боза – это типичные образы англичан; социально-политическая жизнь; ностальгия по прежнему городу, не тронутому цивилизацией; городские пейзажи, любительские театры.

На примере двух разделов «Наш приход» («Our parish») и «Картинки с натуры» («Scenes») автор показывает, как постепенно расширяется городское пространство. «Наш приход» – раздел «Очерков Боза», изображающий небольшой лондонский мирок со своим укладом, благотворительными обществами, приход-

ским начальством, горестями и радостями. Жизнь здесь бедна яркими событиями, каждый новый человек вызывает у прихожан интерес и любопытство. Образ Лондона появляется только в финальном очерке раздела. Последний очерк «Наш ближайший сосед» заканчивается эпизодом, в котором умирающий юноша на последнем издыхании говорит своей матери, что это улицы Лондона убили его.

«Картинки с натуры» открываются описанием утренних и вечерних улиц. Перед нами уже не замкнутое пространство прихода, а большой город с большим скоплением людей на улицах, порой равнодушный и жестокий.

На страницах очерков Лондон представлен галереей типичных представителей многих городских приходов и горожан, встречающихся на улицах города и в социальных учреждениях. Автор подробнее останавливается на приходских чиновниках и некоторых прихожанах в «Нашем приходе».

Рассказом о приходском надзирателе начинается первый очерк. Это человек, от которого зависит общий порядок, сама атмосфера прихода. Описание надзирателя Симмонса лишено индивидуальности. Перед нами должностное лицо: парадный мундир, треуголка, длинный жезл в левой руке для парада, коротенькая трость для работы.

Сложнее образ нового приходского надзирателя Банга. Этот персонаж вызывает смешанные чувства. Бангу дается слово, он наделяется собственной жизненной позицией, он не лишен способности чувствовать, оценивать. Несмотря на то что это человек «тертый», он не равнодушный. Его манера рассказывания самобытная, но чем-то близка Бозу. Они сходятся в оценке людей, поступков, мистер Банг, так же как Боз, обладает чувством юмора, способен посмеяться над собой.

Старая леди изображена доброй, религиозной, любящей вязать и принимать гостей, занимающейся благотворительностью.

Предметный мир, с помощью которого создает образ прихожан Диккенс, не просто дополняет описание, а является продолжением жизни героев, ее важнейшей частью. Гостиная в доме старой леди представляет собой пристанище покоя: ковер покрыт суровой холстиной, рамы зеркал и портретов в желтой кисее, подарочные сувениры, старинные часы, показывающие разное время.

В «Картинках с натуры» горожане – это уличная толпа и отдельные люди, наиболее привлечшие внимание очеркиста. Маленький человечек в синем фартуке из очерка «Доктор-Коммонс» еле нашел завещание среди документов пятидесятилетней давности и слушает читающего чиновника. Привлекает внимание старик, тоже изучающий завещание. Худоба, ветхая одежда, повадки, сосредоточенность на завещании и подробное записывание причитающихся ему средств, говорит о крайней его скупости богатого человека, не имеющего других ценностей, кроме потребности к обогащению.

В очерке «Последний кэбмен и первый кондуктор» описывается извозчик. Автор отзывается о скромной и располагающей наружности кэбмена: «он имел темные бакенбарды, темный цилиндр, неформенную одежду, нос его обычно был пунцовым. Летом он держал в зубах цветок, зимой – соломинку. Кэб его был ослепительно красного цвета».

Несмотря на то что все лондонцы в «Очерках Боза» обладают типическими чертами, автор наделяет каждый образ индивидуальностью, создавая опре-

деленный психологический портрет каждого горожанина. С помощью акцента на мелких деталях портрета, использованием юмора, иронии показано авторское отношение к персонажам и то, как городской быт меняет людей, нивелируя их и встраивая в свой ландшафт.

Образ Лондона был бы не полным без разговора о городских театрах. Изображение каждодневного, как спектакля действия, особенно ярко проявляется в тех очерках, повествование которых выстраивается вокруг сферы популярных развлечений в очерках– «Лондонские развлечения», «Цирк Астли», «Любительские театры», «Гринвическая ярмарка».

Эти темы в творчестве писателя не случайны, так как в XIX в. подобные развлечения были чрезвычайно популярны у лондонцев. В очерке «Лавки подержанных вещей» театр пронизывает все вокруг и определяет жизнь: «На жизни этих кварталов сильно сказывается близость театров. Мальчишки-посыльные и сыновья мелких лавочников бредят подмостками; они ставят любительские спектакли в чьей-нибудь кухне, снятой на один вечер...». Игра, подражание в очерках писателя воспринимается как измерение городской жизни, выводятся на первый план. В «Гринвической ярмарке» описывается «Балаган Ричардсона», который представляет собой дощатое сооружение с широкими подмостками, весело мерцающее разноцветными фонариками и площадками. Здесь потчуют зрителя мелодрамой, пантомимой, комическими куплетами, увертюрой. «На подмостках ярмарочного театра, что ни день, то идет новый спектакль, но сюжет трагедии почти всегда один и тот же...».

Очерк «Любительские театры» открывается афишей. Речь идет о второразрядных любительских театрах. Таких театров в Лондоне множество. Каждый из них собирает свою публику.

Итак, Диккенс не мог писать о Лондоне, не упоминая театральную тему и не пользуясь театральными приемами, так как и сам являлся поклонником театра. В своих скетчах он пишет и о любительских и о профессиональных представлениях, и везде одинаково насмешлив. В качественном театральном представлении он видит основу для нравственного становления человека.

Можно заключить, что образ Лондона в «Очерках Боза» складывается из образов англичан, постепенно расширяющегося городского пространства, описания городских театров.

Библиографический список

1. Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 1: Очерки Боза. Мадфоргские записки. 747 с.
2. Егорова, И.В. Форма и смысл ранних произведений Чарльза Диккенса: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 189 с.
3. Михальская Н.П. Чарльз Диккенс: кн. для учащихся. М., 1987. 126 с.
4. Сильман Т.И. Диккенс: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1975. 406 с.
5. Старшова Е.С. Русская англистика в журнале «Современник» 1840–1850 годов: дис. ... канд. филол. наук. Псков. 2003. 231 с.
6. Шевелева Т.Н. Изучение творчества Ч. Диккенса в духовно-нравственном аспекте образования высшей школы // Вестник Минского университета. 2014. № 4. С. 20–26.
7. Шурупова О.С. Строгий, многоводный, темный город. Петербургский и лондонский тексты // Русский язык за рубежом. 2011. № 3. С. 78–83.

МОТИВ ПОБЕГА В РУССКОЙ ПОСТУТОПИИ 1980–1990-х гг.

ESCAPE MOTIVE IN RUSSIAN POST-UTOPIA 1980S–90S

Ю.В. Сургутская

Y.V. Surgutskaya

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Постутопия, метатутопия, мотив побега, государство, уход.

Статья посвящена анализу мотивной структуры постутопических текстов. Это маленькие повести и рассказы с антиутопической подоплекой, написанные в 1980–1990-х гг. В классификации утопий и антиутопий некоторые из этих произведений включены в группу эскапистских, т.е. мотив побега для них является сюжетообразующим. Но, проанализировав другие постутопические тексты, мы выяснили, что и в них присутствует этот мотив. Это позволяет говорить о взаимосвязи текстов на мотивном уровне.

Post-utopia, meta-utopia, escape motive, state, leaving.

This article is devoted to the analysis of the motivic structure of post-utopic texts. These are small novels and stories with a dystopian background, written in the 1980s – 1990s. In the classification of utopias and dystopias, some of these works are included in the escapist group. Those the escape motive for them is plot-forming. But, after analyzing other post-utopic texts, we found out that this motif is present in them. This allows talking about the relationship of texts at the motivic level.

Литература всегда остро реагирует на изменения в жизни общества и государства. В переломные моменты истории появляются тексты-предвидения (антиутопии), которые не только прогнозируют будущее, но и проясняют настоящее в рамках авторского понимания событий [1, с. 539–556].

В конце 80 – начале 90-х гг. XX в., в кризисный момент перестройки в России в литературе создается особая ситуация. Эта обстановка напоминала давнюю, но еще не забытую эпоху – 1920-х гг. И опять в дело вступает утопия, только, в отличие от той, которая рождена Революцией, теперь это – сплошная негативная утопия. Появляются маленькие повести и рассказы с антиутопической подоплекой. Речь идет о произведениях Л. Петрушевской («Новые Робинзоны»), В. Маканина («Лаз»), А. Кабакова («Невозвращенец»), А. Курчаткина («Записки экстремиста»), В. Рыбакова («Носитель культуры», «Не успеть») и др. [2, с. 185–193]. В русской литературе данного периода приобретает значимость эстетика постмодернизма.

Н. Ковтун считает, что постмодернизм отгалкивается от утопизма и обнаруживает с ним тесную связь: «Постмодернизм – фиаско веры в Утопию, что, впрочем, еще не гарантирует преодоление утопического дискурса. Современные художники стремятся освободиться от завораживающей власти «Нигдеи» (по-

нятие введено Т. Мором – остров «Нигде»), перевести проблему в иную плоскость – чистой игры, профанации, но тем только подчеркивают свою тесную связь с предшествующей утопической традицией» [3, с. 8]. А.Н. Воробьева обозначила антиутопические тексты, появившиеся в 80-90-х гг., как постутопию [4, 2009]. Это повести и рассказы, в которых явственно различаются черты социальной фантастики, предстающие в новом эстетическом аспекте.

А. Воробьева создает классификационную систему утопических и антиутопических текстов, одна из групп этой системы – эскапистская метаутопия. Ее представляют утопии и антиутопии бегства, которые изображают вариант ухода от большого мира (государства) в изолированное пространство. Характер бегства может быть и добровольный, и насильственный. К этой группе исследовательница относит произведения Л. Петрушевской «Новые Робинзоны», А. Гладилина «Французская ССР» и др. [4]. В них мотив побега является сюжетообразующим. Но он встречается и в других постутопиях. Мы рассмотрим проявление мотива побега в постутопических текстах и его влияние на сюжет.

Рассказ Л. Петрушевской «Новые Робинзоны» основан на «руссоистской» идее побега из цивилизации в природу: «Мои папа с мамой решили быть самыми хитрыми и в начале всех дел удалились со мной и с грузом набранных продуктов в деревню, глухую и заброшенную, куда-то за речку Мору» [5, с. 299]. Герои начинают строить собственную цивилизацию, но постоянно вынуждены бежать и осваиваться в новых местах, более диких. Государство в лице хозкоманды и продотряда гонят их все дальше и дальше.

В отличие от классических антиутопий, государство в постутопии предстает в образах обыкновенного потерянного человека (Кабаков, Рыбаков), жадной хозкоманды (Л. Петрушевская), толпы (В. Маканин) и др. Силы государства и человека теперь равны. Герой постутопии видит в государстве соперника, которого можно победить, но выбирает побег и уход. Выстраивается сюжет постоянно бегущего человека.

Побег героя является следствием длительного воздействия государства на личность. Формируется убеждение, что сопротивление бесполезно. Герой повести А. Кабакова «Невозвращенец» – экстраполятор. Он умеет переноситься в будущее. У Юрия Ильича появляется возможность изменить свою жизнь, и он выбирает побег в будущее, где государство не боится и борьба с ним не нужна: «Проживем, – сказал я, сунул руку в карман куртки и вытащил твердый бумажный прямоугольничек. Телефон, адрес...з, «...Если захотите изменить свою жизнь – милости прошу...», «С трудом перегибая толстую бумагу, я мелко изорвал карточку и швырнул обрывки на водосток» [6, с. 125].

У В. Маканина в повести «Лаз» главный герой Ключарев, обнаруживая лаз, раздумывает о том, чтобы уйти жить в подземный мир, который кажется лучше, чем наземный. Но спуститься под землю навсегда Ключарев не может из-за большого сына-подростка, слишком крупного, чтобы протиснуться в лаз [7].

В повести Рыбакова «Не успеть» мотив побега частично трансформируется: под воздействием невыносимых условий жизни у людей (против их воли) вы-

растают крылья, которые переносят героев за пределы страны в неизвестном направлении. Это является символом протеста уже самой биологической природы человека [8].

Одним из ведущих признаков жанра метаутопии А. Воробьева считает эскапистский уход в другое пространство, переход в другое время [4]. В постутопических текстах прослеживается мотив побега. Это позволяет говорить о взаимосвязи текстов, которые «тяготеют друг к другу, логически сплавляясь в метатекст, задача которого обнаруживается сразу: это художественное продолжение классической антиутопии после объявленного ею конца – Великой операции [9].

Библиографический список

1. Ковтун Н.В. European «Nigdeya» and Russian «TUtopia» (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2008. № 1 (4).
2. Ковтун Н.В. Трансформация утопии в малой прозе рубежа XX–XXI веков (на материале повести В. Маканина «Лаз») // Русская литература. 2010. № 3.
3. Ковтун, Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
4. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара: Изд-во Самар. научного центра РАН, 2009. 268 с.
5. Петрушевская Л. Новые Робинзоны // Петрушевская Л. Бал последнего человека. М.: ЛОКИД, 1996. С. 299–309.
6. Кабаков А. Невозвращенец. Приговоренный. М.: Вагриус, 2003. 126 с.
7. Маканин В. Лаз. М.: ИВО-СиД, 1991. 176 с.
8. Рыбаков В. Не успеть // Нева. 1989. № 4. С. 115–125.
9. Воробьева А.Н. Личность в переходной «зоне» русской антиутопии конца 1980–1990-х годов. URL: http://apdavydov.info/discuss/forum_posts.asp?TID=46

КАТЕГОРИИ ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО В ПОЭЗИИ ЗИНАИДЫ ГИППУС

CATEGORIES OF EARTHLY AND HEAVENLY IN THE POETRY OF ZINAIDA HIPPIUS

К.К. Толкачникова

K.K. Tolkachnikova

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

Категории земного и небесного, Зинаида Гиппиус, поэзия, земное, небесное.

Цель настоящей статьи – проследить динамику развития философско-религиозных категорий земного и небесного в поэзии Зинаиды Гиппиус. Это требует обращения к специфике рассмотрения сопутствующих тем: смерть и воскресение, Бог и человек, свет и тьма, дух и тело.

Categories of earthly and heavenly, Zinaida Gippius, poetry, earthly, heavenly.

The aim of the article is to trace the dynamics of the development of philosophical and religious categories of the earthly and heavenly in the poetry of Zinaida Hippus. This requires an appeal to the specifics of the consideration of related topics: death and resurrection, God and man, light and darkness, spirit and body.

Зинаида Николаевна Гиппиус – поэтесса, литературный критик, одна из наиболее видных представителей Серебряного века русской поэзии. Категория земного и небесного так или иначе встречается на каждом этапе ее творчества, эта категория не статична, особым образом эволюционирует. В творчестве Зинаиды Гиппиус можно выделить три периода. Первый – период становления, ранний (до 1905), второй – период переживания революционных событий (до 1917), и третий – период эмиграции, заключительный (до 1945).

Обратимся к **ранним стихотворениям** З.Н. Гиппиус и рассмотрим, как в них раскрываются категории земного и небесного и сопутствующие темы.

Для начала рассмотрим отдельно категорию небесного. Она осмысливается неоднозначно. С одной стороны, **НЕБО** предстает как мрачная, давящая, пугающая «могильная плита». Небесное холодно и безмолвно к земному. Например: «*кажется пустым и бледным*» (Песня), «*Небеса унылы и низки*» (Посвящение), «*Зловещий небосклон*» (Снежные хлопья), «*Слепые давят небеса*» (Крик) »*Полна бесстрастья, холода и света Бледнеющая высь*» (Вечерняя заря). Но с другой стороны, небо хранит в себе свет, который освещает и дает надежду на чудо. «*Мне бледное небо чудес обещает,*»(Песня), «*к солнцу руки простираю*»(Бессилие). Так, небо, заключая в себе дневные светила, туманы, облака и ночной мрак, прекрасно передает двойственное чувство, которое мы испытываем вглядываясь в небесную высь.

Земля же предстает в раннем творчестве Гиппиус более однозначно. Она ассоциируется с могилой: *«но веет оттуда землю могильною»*(Земля), как и небо, с холодом *«Кто-то из мрака молчания / Вызвал на землю холодную»* (Молитва), также это своего рода тюрьма для лирической героини *«к земле прикованный»* (Бессилие), которая не дает отдаться бесконечности.

Земля и небо существуют отдельно. Их отделяют расстояние, пропасть, темное стекло: *«Разъединяя нас, легло / Меж нами темное стекло»*. И самое главное, внутренний, душевный разрыв в мироощущении лирической героини. Она не знает, где ей закрепиться. Ее неопределенность можно наблюдать в стихотворении *«Песня»*: *«Стремлюсь к тому, чего я не знаю», «Мне нужно то, чего нет на свете»*. Что ищет внутреннее «Я»? Пока ответа нет, но путь намечен, вечное близко.

Важными темами для раскрытия этих категорий являются **темы смерти и воскресения**. Уже в раннем творчестве смерть представляется как нечто желаемое, героине *«отрадно умирать»* (Отрада), ее *«сердце радуют безмолвие и смерть»* (Снежные хлопья), но при этом смерть воспринимается как нечто пугающее, когда за ней не следует воскресения. Героиня ждет чуда, но оно не наступает, от этого смерть предстает перед нами в новом зловещем свете. *«Но ждать все страшнее.../Стою без защиты я... / Смеется, чернея,/Могила открытая; / Я требую чуда/Душою всесильною... / Но веет оттуда – / Землю могильною...»* (Земля). Героиня теряет жизненные силы *«нет смелости ни умереть, ни жить»*(Бессилье).

Не менее важной является **тема Бога и человека**. В раннем творчестве можно увидеть, что между Богом и человеком пропасть. *«Мне близок Бог – но не могу молиться»* (Бессилье). Человек безмолвствует, он нем перед Богом, хотя и чувствует с ним связь. А Бог предстает бесчувственным властителем. Например в отчаянном стихотворении *«Крик»* *«Без ропота, без удивления / Мы делаем, что хочет Бог. / Он создал нас без вдохновения / И полюбить, создав, не мог.»*

В следующем периоде нами отмечены большие перемены в представлении категории земного и небесного.

Земное, с одной стороны, снова появляется с мрачной символикой *«Пустынный шар в пустой пустыне, / Как Дьявола раздумие...»* (Земля) и *«Ужас. И стоны. И тьма...»* (Свет) . Но и раскрывается совершенно по новому в стихотворениях *«Журавли»* и *«Божья»*. Лирическую героиню переполняет любовь к «своей земле» и надежда переходящая в твердую уверенность в воскресении. *«О дай мне, о дай мне верить/В счастье моей земли!»*(Журавли) *«Божьим дыханьем к любви разбуженная,/Радость моя – Земля!»*, *«Вместе воскреснем, за гранью таинственной,/Вместе, – и ты, и я!»*(Божья) . В отличие от стихотворения *«Земля»*, в этом лирическом тексте **воскресение** наступает. Намечаются точки соединения совместного бытия небесного и земного. Единение человека и земли, счастье и безусловная надежда на перерождение земли звучат в этом стихотворении.

Категория небесного во многом тоже наполняется светлыми красками и утрачивает темные. Мы видим, как *«солнце встает вдали»* в стихотворении *«Журавли»*, – это знамение чего-то нового и прекрасного. В стихотворе-

нии «Свет» небесное являет собой спасение, защиту и упование на Божественную защиту. **Бог** наконец перестал безмолвствовать, он не покинул человека, а несет свой свет, спасая землю. *«Господи, Господи, – нет! / Вещее сердце верит! / Боже мой, нет! / Мы под крылами Твоими. / Ужас. И стоны. И тьма... А над ним / Твой немеркнущий Свет!»*.

В заключительном периоде, в отличие от всех последующих, имеет смысл разбирать земное и небесное вместе, так как в произведениях эти категории теперь существуют неразрывно одна от другой, тому доказательством множество стихотворений: *«Будет» «Кругом несчастье, / Но радость будет / Близкая радость, / Нездеишня – здесь»*. Гиппиус «строит мостик» между двумя мирами и в этом согласии ее лирическая героиня обретает внутреннюю гармонию. *«И я люблю мою родную Землю, / Как мост, как путь в зазвездную страну»*. *«Одну Нездеишнюю люблю я в zdeишней, / Люблю Ее... Она и ты – одно»* (Прорезы). По-новому осмысливается и **смерть**. Теперь она представляется лирической героине не мрачным и далеким местом, а родным, знакомым. Небесное становится домом. *«Господи! Иду в неизвестное, / но пусть оно будет родное. / Пусть мне будет небесное / такое же, как земное...»*(Когда?) *«Ну, а теперь – домой! домой!»*(домой).

Можно заметить, что на смену «темного стекла», которое разъединяет два мира, приходит новый образ – «зеркало», которое, наоборот, сливает воедино два мира. *«Друг друга они повторяли, / Друг друга они отражали...(..) И были, в зеркальном мгновеньи, / Земное и горнее – равны»* (Зеркала).

Чаяния на слияния божественного и человеческого, в свой черед, звучат в стихотворениях заключительного этапа. *«Увы, разделены они –/ Безвременность и Человечность. / Но будет день: совьются дни / В одну – Трепещущую Вечность»* («ÉTERNITÉ FRÉMISSANTE»).

На протяжении всех трех творческих периодов в поэзии Гиппиус происходило постепенное образное слияние всего со всем: человека с землей, земли с небом, неба с Богом, а Бога с человеком. И круг *«трепещущей вечности»* замыкается.

Библиографический список

1. Гиппиус З.Н. Последние стихи (1914–1918). Пг.: Наука и школа, 1918. 66 с.
2. Гиппиус З.Н. Сияния, Париж, 1938. Вып. 2. (Русские поэты).
3. Гиппиус З.Н. Собрание стихотворений. М.: Скорпион, 1904. Кн. первая. 1889–1903.
4. Гиппиус З.Н. Собрание стихотворений. М.: Мусажет, М., 1910. Кн. вторая. 1903–1909.
5. Гиппиус З.Н. Стихи. Дневник 1911–1921. Берлин, 1922.
6. Епифанов П. Из жизни одной души. Взгляд на личность и творчество Зинаиды Гиппиус // Крылья голубиные: альманах. 2006. № 1. С. 40–64.
7. Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. С. 129–139.

ТЕМА ПОДРОСТКА-ИЗГОЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE THEME OF A ROGUE TEEN IN RUSSIAN LITERATURE

Е.В. Третьякова

E.V. Tretyakova

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Детская литература, современная литература, тема изгойства, подросток-изгой, традиции писателей, конфликт «изгой и коллектив».

В статье рассмотрена специфика раскрытия темы подростка-изгоя в русской литературе с XIX по XXI век. Выявлены традиции изображения изгойства и новаторство авторов современной детской литературы в раскрытии темы.

Children's literature, modern literature, the theme of an outcast, a teenage outcast, the traditions of writers, the conflict „outcast and the collective”.

The article deals with the specifics of the disclosure of the theme of a rogue teenager in Russian literature from the 19th to the 21st century. The traditions of the image of outrages and the innovations of the authors of modern children's literature in revealing the theme are revealed.

В современном обществе актуальна проблема взаимоотношений между подростками. Дети подросткового возраста вступают в конфликты, часто граничащие с жестокостью и негативизмом. Эти конфликты иногда приводят к тяжким последствиям. Не случайно к этой теме неоднократно обращались писатели разных эпох в своих произведениях. Однако в литературоведении тема изгойства исследована мало. Наблюдается отсутствие концептуальных трудов. Отдельные аспекты темы затрагивают авторы учебников детской литературы: Т.Д. Полозова [4], И. Арзамасцева [2], Е.Е. Зубарева [3]. В последнее время к образу ребенка-изгоя обращаются педагоги-практики и предлагают свои варианты изучения проблемы жестокости и самоопределения личности [5].

Цель исследования – выявить специфику раскрытия темы подростка-изгоя в произведениях отечественной литературы с XIX по XXI век.

Начав изучение темы изгойства, мы решили обратиться к ее истокам, проследить традиции русских писателей, которые уже обращались к образу изгоя. Анализ строился на основании нескольких критериев, наиболее раскрывающих и помогающих при выявлении традиций заявленной темы, а именно: ключевые проблемы; художественное изображение причин изгойства; специфика конфликта и его разрешение (финал).

Первый текст, к которому мы обратимся, – это волшебная повесть А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители», написанная в 1829 году. Тема изгойства прослеживается мотивами, главный герой Алеша сам выбирает этот путь, причина кроется в характере мальчика. Поскольку повесть детская, она носит поучительный характер – детей высокомерных, гордых в коллективе

принимать не будут. Главный герой, поняв это, решает исправиться. Разрешение конфликта объясняется спецификой жанра, развязка счастливая.

Следующим анализируемым произведением стал рассказ А. Куприна «На переломе», в котором тема изгоя отчетливо прослеживается. Автор говорит об исследуемом нами явлении как о социокультурной проблеме образовательных учреждений царской России. У Куприна проблема выходит за рамки одного класса. Причина кроется в физическом желании быть выше слабых. Заданная проблема в «Кадетах» не решается, финал трагичен, автор высказывает мысль о том, что пережитые в детстве унижения искалечили душу главного героя и оставили в ней печальный след. В «Кадетах» Куприн показывает переход главного героя из класса угнетенных в класс угнетающих. Можно предположить, что это своеобразного рода выход: накопленная в душе жестокость выплескивается на вновь пришедших учеников.

Следующими рассматриваемыми нами произведениями стали повесть В. Железникова «Чучело» 1981 года и маленькая повесть А. Богословского «Верочка» 1982 года. Тема изгойства в вышеуказанных текстах является центральной. В «Чучеле» истинными причинами конфликта главной героини с коллективом стали ее мягкосердечность, доброта, непривлекательная внешность. Не случайно Лене Бессольцевой дают кличку Чучело. У Богословского главную героиню травят в классе, насмехаются над ее внешностью, физической неразвитостью. Автор активно использует портрет девочки, описывает ее болезненность. Богословский точно передает в своей повести психологию подросткового возраста: невозможность идти против толпы-коллектива.

Оба автора показывают в своих произведениях возможный для подростка путь преодоления изгойства в коллективе благодаря дружбе, тем самым намекая на возможность пережить и разрешить конфликт. Однако эти пути только намечены. Помимо этого, в текстах Железникова и Богословского зарождается мотив осознания своих поступков и раскаяния в них «угнетателей».

К одним из современных писателей, который решил вывести на страницы образы подростков с их страхами, обидами и надеждами, можем отнести Андрея Щупова (он пишет книги под псевдонимом Олег Раин). В произведениях Раина читатель найдет подсказки, в каком направлении двигаться.

Рассмотрев повесть Олега Раина «Человек-дейтерия», написанную в 2011 году, можно сказать, что тема изгойства является одной из центральных. Главный герой ведет жизнь школьного изгоя, вечной жертвы побоев и издевательств. Автор акцентирует внимание на том, что его герой физически отличается от своих одноклассников, Гриша чувствует себя невидимкой, лишним в коллективе. Вслед за Железниковым и Богословским, Раин намечает путь спасения своего героя при помощи дружбы, но, в отличие от предшественников, Раин в своей повести доводит мотив спасения изгоя до конца. Образ главного героя представлен в поисках себя, своего пути. Автор показывает реальный выход из сложившейся ситуации. Финал повести счастливый: Гриша нашел свое место в жизни, обрел друзей и наладил отношения с семьей.

Следующее анализируемое нами произведение современной детской литературы – рассказ Александра Костюнина «Рукавичка», написанный в 2006 году. В рассказе Костюнин выходит за пределы подросткового коллектива и включает в конфликт не только учеников, но и учителей. Центральной темой является отверженность главного героя всеми окружающими. После того как учительница ставит на ребенка клеймо вора, все в классе начинают издеваться над Юркой. Финал рассказа трагичен – главный герой покончил жизнь самоубийством [1]. При всей важности сюжета приоритетное значение в рассказе имеет описание раскаяния одного из «гонителей». Таким образом, в современной детской литературе тема изгойства получает новое звучание, авторы не просто выводят ее в центр повествования и рассматривают возникающие конфликты в коллективе. Опираясь на традиции предшествующей литературы – изображения героя-изгоя, физическая слабость и внешняя непривлекательность как причина отверженности, мотивы раскаяния «угнетателей», – современные писатели предлагают реальные пути решения намеченных проблем или же показывают, к каким трагическим последствиям может привести пережитое в детстве унижение.

Библиографический список

1. Аникина В.В. Анализ рассказа А. Костюнина «Рукавичка». URL: <https://www.prodlenka.org/>
2. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: учебник. 4-е изд., испр. М.: Академия, 2008.
3. Детская литература: учебник / Е.Е. Зубарева, В.К. Сигов, В.А. Скрипкина и др.; под ред. Е.Е. Зубаревой. М.: Высшая школа, 2004.
4. Русская литература для детей: учебное пособие / под ред. Т.Д. Полозовой. М.: Академия, 1998.
5. Хакимова Г.Г. Урок-конференция по книге В. Железникова «Чучело»: «Уроки жизни, уроки доброты». URL: <http://festival.1september.ru/articles/518740/>.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ В.А. ЖУКОВСКОГО

PHONETIC MEANS OF EXPRESSION
IN THE POETRY OF V.A. ZHUKOVSKY

А.Б. Артемьева

A.B. Artemeva

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Фонетические средства, поэзия, рифма, звуки, речь.

Цель настоящей статьи – рассмотреть систему выразительных звуковых средств в стихотворениях В.А. Жуковского. Проанализировав 39 его баллад, мы увидели, что он очень часто использовал различные виды повторов, хотя они являются наименее изученной стороной творчества поэта. В зависимости от принадлежности к уровню языка все повторы можно разделить на фонетические, морфемные, лексические, синтаксические и лексико-синтаксические, однако в данной статье будут рассмотрены фонетические повторы на примере разных баллад.

Phonetic means, poetry, rhyme, sounds, speech.

The purpose of this article is to consider the system of expressive sound means in the poems of V.A. Zhukovsky. After analyzing 39 of his ballads, we saw that he very often used various types of repetitions, although they are the least studied side of the poet's work. Depending on the belonging to the level of the language, all repetitions can be divided into phonetic, morphemic, lexical, syntactic and lexical-syntactic, however, this article will consider phonetic repetitions using the example of different ballads.

Язык обладает яркой палитрой средств выразительности на всех уровнях системы. Одним из изобразительно-выразительных средств является звуковая организация речи. Применение разнообразных фоностилистических приемов для усиления звуковой выразительности называется звукописью, которая достигается искусной фонетической организацией речи: подбором слов близкого звучания, сочетанием звуков, употреблением слов, которые напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления.

Актуальность исследования состоит в обращении к проблеме выразительности и информативности звуковых единиц. С XX века внимание ученых-лингвистов привлекает изучение фонетического значения. Проблема информативности звука до сих пор является спорной в лингвистике и решается неоднозначно.

В работе рассматривается фонетическая организация поэзии В.А. Жуковского с точки зрения использования фоностилистических приемов, о которых писал поэт в литературно-критических статьях, и их реализации в его стихотворениях.

Объект исследования – звуковые средства выразительности в стихотворениях В.А. Жуковского, **предмет** исследования – анафора, эпифора, аллитерация, ассонанс, звукоподражание в его произведениях.

Материалом для исследования стали баллады В.А. Жуковского, написанные в разные годы его творчества.

Фоника (греч. *phonikos* – звуковой, *phone* – звук) – наука об искусстве звуковой организации речи. Она выражается в повторении фонетически близких звуков для усиления звуковой выразительности.

Из повторов фонетического уровня, которые традиционно именуется звуковыми, в балладах В.А. Жуковского встречается повтор гласных звуков (ассонанс):

Тускло светится луна

В сумраке тумана –

Молчалива и грустна

Милая Светлана (2, с. 24).

Повторяющийся гласный звук [у] усиливает состояние тоски и печали героини баллады.

Также в балладах Жуковского встречается повтор и согласных звуков (аллитерация). Так, фрагмент баллады «Адельстан» построен на чередовании согласных звуков [б], [р], [п], [л]:

Вдруг плывет, к ладье прикован,

Белый лебедь по реке;

Спит, как будто очарован,

Юный рыцарь в челноке.

Алым парусом играет

Легкокрылый ветерок,

И ко берегу приплывает

С спящим рыцарем челнок (2, с. 36).

Подбор согласных звуков в отрывке используется как средство звукописи, поскольку данная группа звуков имитирует плеск воды, легкое хлопанье паруса на ветру.

Таким образом, в балладах В.А. Жуковского используются повторы различных типов, которые выполняют различные функции (делают речь благозвучной, используются как средство звукописи, служат для создания общей тональности произведения, акцентируют внимание на ключевых образах, выражают авторское отношение к объекту речи).

Мы исследовали рифму баллад – одного из центральных жанров творчества В.А. Жуковского. Рифма была, говоря словами А.С. Пушкина, постоянной «звучной подругой» Жуковского-балладника, но он не был, по словам Лермонтова, «без ума от тройственных созвучий»: «тройственные созвучия» у него время от времени появляются в лирике, в балладах рифмующиеся строки образуют одни пары.

Приблизительные рифмы ограничиваются несколькими случаями чередования **е-и**: предвидит-приидет («Кассандра»), дышит-колышет («Громобой»), дышит-пышет («Роланд оруженосец»), гнетущей-живущий («Торжество победителей»); **и-о**: быстроногий-дорогой («Вадим»), дикой-великий («Торжество победителей»), далекой-жестокий («Королева Урака»).

Богатство балладных рифм определяется в заударной и предударной части. В предударной части, помимо опорных звуков, есть и другие, знакомые читателю по лирическим рифмам звуковые анафоры: потух-петух («Людмила»), матерями-мольбами, слезам-сиротам («Громобой»).

Таким образом, контрастные рифмы участвуют в создании универсальных оппозиций добра и зла, темных и светлых начал в мире и душе человека, составляющих основу балладного мирообраза В.А. Жуковского.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Была изучена поэзия В.А. Жуковского. Анализ показал, что фонетические (звуковые) повторы используются как средство звукописи и делают речь благозвучной; повторы создают определенный ритмико-интонационный рисунок, концентрируют внимание читателя на конкретных образах или сторонах явления, выделяют основное в определенном понятии и служат для выражения чувств лирического героя.

«Слова без звука нет. Прежде чем появиться слову, возник звук. Так и в произведении: прежде, чем возникает сюжет, оформится замысел, вещь должна «звучать», родиться в душе звуком, слиться в единую мелодию, навеянную внутренней потребностью и самой жизнью» (1, с. 80).

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Всему свой час. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 75–91.
2. Жуковский В.А. Баллады. Поэмы и сказки. М.: Правда, 1982.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗОВ «СЛАДКОЙ» РЕКЛАМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ КОНФЕТ В. МАЯКОВСКОГО И СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ СЛАДОСТЕЙ)

LINGUISTIC EMBODIMENT OF THE IMAGES
OF „SWEET” ADVERTISING: A COMPARATIVE ANALYSIS
(FOR EXAMPLE, ADVERTISING TEXTS
OF V. MAYAKOVSKY’S SWEETS
AND MODERN ADVERTISING OF SWEETS)

Д.А. Бадина, А.С. Сухарева

D.A. Badyina, A.C. Suhareva

Научный руководитель С.М. Васильева
Scientific adviser S.M. Vasileva

Язык рекламы, реклама сладостей В. Маяковского, современная реклама сладостей, методы и приемы создания рекламного образа, товар.

В статье приведены результаты сравнительного анализа языкового содержания образов «сладкой» рекламы в рекламных текстах В. Маяковского и современных рекламных текстов «сладостей».

The language of advertising, advertising sweets by V. Mayakovsky, modern advertising of sweets, methods and techniques for creating an advertising image, product.

This article draws conclusions about the comparative analysis of the linguistic content of images of “sweet” advertising in the advertising texts by V. Mayakovsky and modern advertising texts „sweets”.

В настоящее время наряду с коммерческой свое развитие получила реклама, построенная исключительно на образах. «Сладкие» изделия – пищевые продукты, обладающие хорошими вкусовыми свойствами и красивым внешним видом. Эти продукты активно рекламируют, они престижны, важны для хорошего настроения и оптимизма, а также для получения удовольствия.

Эмпирическую базу исследования составили тексты рекламы «сладких» изделий, функционирующие в аудиовизуальных СМИ в период написания работы (2017–2019), и тексты В.В. Маяковского «для оберток» карамели «Красноармейская звезда», «Красная Москва», «Новый вес», «Новые меры», «Наша индустрия», печенья «Красный авиатор», выполненные Маяковским в период с декабря 1923 по апрель 1924 года.

Мы разделили тексты Маяковского «для оберток» на две группы: стихи пропагандистские и стихи просветительские.

К первой группе мы отнесли тексты «для оберток» карамели «Красноармейская звезда», «Красная Москва» и печенья «Красный авиатор». В этих стихах и рисунках Маяковский славит подвиги Красной Армии в Гражданскую войну, призывая крепить обороноспособность Страны Советов. Сегодня картинки на этих фантиках были бы маркированы возрастным цензом в силу их жестокости, пусть и карикатурной. Чего, например, стоит упаковка, на которой изображен красноармеец, поднимающий на штыке Деникина. Эти рисунки сегодня довольно странно видеть на упаковках детского лакомства.

Ко второй группе – просветительские тексты – относятся тексты для карамели «Новый вес», «Новые меры», «Наша индустрия». Они стали своеобразным источником информации о новых метрических мерах веса, объема, длины, площади, принятых взамен старых мер. Тексты карамели «Наша индустрия» знакомят народ с новинками техники. Они носили злободневный и агитационный характер, впервые в своем творчестве Маяковский начал использовать «скрытую» рекламу.

Яркость языковой формы рекламного текста достигается благодаря использованию многообразных средств экспрессивности. Маяковский активно использует побудительные конструкции («Заруби на носу, торговый люд: три дециметра – один фунт»), реклама карамели «Новые меры»), восклицательные и вопросительные предложения («Где конфеты дешевле и лучше? Убедись сам! Беги по этим адресам»), неполные предложения, разговорную лексику, индивидуально-авторские окказионализма, олицетворения, метафоры.

В ходе работы мы выделили некоторые лингвистические правила создания убедительного «сладкого» рекламного образа в современных рекламных текстах. Эффективным приемом для создания рекламного образа является использование метафоры. Мы выделили следующие типы метафор:

- магические метафоры, создающие соответствующую атмосферу вокруг предлагаемого товара, например: «Все дело в волшебных пузырьках»;
- сенсорные метафоры. Базисными словами для этих метафор являются: вкус, аромат, запах, прикосновение и т.д., например: «Вкус желаний»;
- аква-метафоры, связанные со словами «море», «океан», «капля» и т.д., например: «Одна жемчужина. Море наслаждения».

Для усиления воздействия на потенциального покупателя используются:

- олицетворение, оживляющее воображение покупателя, например: «В нем так много молока, он того и гляди замычит»;
- эпитеты, подчеркивающие характерное свойство предлагаемого продукта, что оказывает воздействие на память потребителя, например: «Milka – сказочно нежный шоколад»;
- эмотивно-оценочная лексика, например: «Вкуснотища!», «Идеальное сочетание вкусов!» и другие.

Еще одним приемом создания образов «сладкой» рекламы мы определили профессионализмы и жаргонизмы, например: «Не тормози, сникерсни!».

Мы также выделили психологические методы и приемы создания «сладкого» образа. Это использование профессионального статуса, волшебность в рекламе, усиление возможностей, зооморфность, загадочность и т.д.

Проведенный нами анализ рекламы В.В. Маяковского и современной рекламы сладостей показал, что сейчас, как и во времена зарождения рекламы, активно используются олицетворения, гиперболизация, профессионализмы и жаргонизмы, индивидуально-авторские окказионализмы, метафора. В современных рекламных текстах сладостей активно используются эпитеты. Маяковский же не использует эпитеты по отношению к продукции.

Вклад Маяковского в становление и развитие рекламного дела в России велик. Приемы, опробованные поэтом, до сих пор остаются актуальными, проверенными не одним поколением рекламистов. Маяковский боролся с неграмотностью путем своих рекламных текстов. Особенность его рекламы – воспитательная роль в процессе продвижения товаров. При создании рекламного текста Маяковский использует не один, а несколько различных методов и приемов, воздействующих на различные психические структуры человека, как на сознательном, так и на бессознательном уровне. В рекламных текстах поэта побудительные конструкции занимают 90 % от всех других приемов, в отличие от рекламы современной, что можно объяснить общим авторским напористым стилем и революционным строем, решительным настроением советского общества.

Современная реклама использует минимум императивных конструкций, воздействуя на индивидуальное и массовое сознание потребителя с помощью различных психологических приемов (использование профессионального статуса, волшебность в рекламе, усиление возможностей, зооморфность, загадочность, символичность и др). Современные рекламные тексты сладостей часто построены с помощью тех же приемов и средств выразительности, что и реклама Маяковского (гипербола, олицетворение, употребление метафоры, окказионализмов, разговорной лексики и т.д). Сочетание лингвистических и психологических приемов и методов в современной рекламе способствует продвижению продукта, мощному воздействию на потенциального покупателя путем создания «нужных» ассоциаций, положительного образа рекламируемого продукта, а значит, и высоким продажам.

Библиографический список

1. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 12 т. 1919–1930. М.: Правда, 1978. Т. 8: Агитплакаты, лозунги, реклама.
2. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. М., 2002.
3. Щуклина Т.Ю. Лингвистические средства создания экспрессивности русских рекламных текстов // Вестник ТГПУ. 2008. С. 22–25.

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ

LINGUISTIC INTERFERENCE IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

М.С. Базаржапова

M.S. Bazarzhapova

Научный руководитель А.Г. Тимченко
Scientific supervisor A.G. Timchenko

Русский язык, бурятский язык, заимствования, языковая интерференция, межкультурная коммуникация.

В статье рассмотрены характерные черты русского литературного языка, функционирующего на территории Республики Бурятия, заимствования определены неотъемлемой частью процесса коммуникации.

Russian language, Buryat language, borrowings, linguistic interference, intercultural communication.

The article focuses on certain features of literature Russian language functioning in the Republic of Buryatia and proves the fact that borrowings are an integral part of the communication process.

Взаимодействие русского и бурятского языков связано с историей отношений коренных народов края с русскими переселенцами, начавшими заселяться вокруг Байкала около 350 лет назад [3, с. 62]. Однако в послереволюционное время заимствование бурятских слов русским населением стало постепенно сокращаться [5, с. 97]. В наше время население Республики Бурятия говорит на литературном русском языке, который вобрал в себя региональную, этническую лексику, поэтому изучение взаимообогащения русского и бурятского языков актуально и в наше время.

Рассмотрим отдельные слова из бурятского языка, являющиеся сегодня наиболее употребительными на территории республики. Примеры разделены на несколько групп: слова, относящиеся к сфере религии (буддизму), быта и традиций, к сфере природы.

Религия

Дацан – это буддийский монастырь-университет.

Субурган – буддийская ступа, а также место хранения реликвий.

Лама – религиозный учитель, монах.

Бурхан – священное место, в некоторых случаях – изображение бурятского божка.

Зурхай – древняя астрология, предсказание судьбы, подобие гороскопа.

Хадак – ритуальный длинный шарф, который подносят в знак почтения, дружбы, благопожелания.

Быт и традиции

Милан – празднование первого дня рождения ребенка, обычно подразумевает под собой большое торжество.

Сагаалган – буддийский Новый год, также его называют праздником Белого Месяца. Является официальным праздником республики.

Сурхарбан – бурятский спортивный народный праздник.

Ехор – национальный бурятский танец.

Аха – брат. Многие заимствованные слова могут подстраиваться под язык, в который они вошли, например, слово «аха» в уменьшительно-ласкательной форме звучит как «*ахэшка*».

Одхон – младший ребенок в семье. Это слово так же, как и предыдущее, подверглось изменениям: уменьшительно-ласкательная форма для него – «*одхончик*».

Архи – арак или водка. С помощью словообразовательных суффиксов русского языка сформировался и глагол: «*архидачить*», то есть употреблять спиртной напиток.

Буузы – национальное бурятское блюдо. Также есть адаптированное название для носителей русского языка – *позы*.

Шара – гуща, которая остается после заваривания чая.

Природа

Аршан – целебный источник, ключ.

Баргузин – холодный северо-восточный ветер.

Саган-дайля (даля) – растение из рода рододендронов. В переводе с бурятского «белое крыло».

В разговорной речи присутствуют заимствования наречий в составе устойчивых выражений: «*хамаугэ*» в значении все равно, безразлично. Например: «Ему все *хамаугэ*», то есть «Ему все равно». Также наблюдаются заимствования междометий, а именно: «*а-ео-хада*» или «*а-ео-да*», они употребляются для выражения боли или досады.

Все эти слова и выражения для жителей региона не являются экзотическими, потому как с течением времени они прочно укоренились в языке и используются в различных функциональных стилях языка [1, с. 42].

Бурятский язык также претерпевал ряд изменений, и самым ярким и новым является появление из русского языка таких слов, как: *самолет, вертолет, ракетэ*. Также новыми являлись для бурятского литературного языка аббревиатуры государственного и политического характеров: *РФ, МВД, ГИБДД, ЖКХ* и другие. Заимствования из русского языка появляются и в бытовой лексике. Ярким примером является заимствование названий головных уборов: для обозначения легкого головного убора с козырьком чаще употребляются слова *фураажка* – «фуражка» и *кепкэ* – «кепка». Так, в быту можно услышать подобный вопрос: «Хаана минии *кепкэ?*», в переводе – «Где моя *кепка?*». Удивительным явлением можно назвать проникновение в бурятский язык слова «варежки», которое еще в прошлом веке подвергалось фонетической ассимиляции (*баарижха*), но среди современных бурят большей популярностью пользуется не трансформировавшееся слово. В речи

молодежи мы можем услышать такой вариант: «энэ минии варежки», что в переводе означает «это мои варежки» [4, с. 10]. В среде представителей молодого поколения можно услышать слово «*головар*». Интересна его этимология: так в конце XX века называли молодых людей с низким социальным статусом, отличавшихся деструктивным и порой агрессивным поведением. Местом их встречи являлся памятник В.И. Ленину, выполненный в виде головы вождя мирового пролетариата. Но стоит отметить, что данное слово является пренебрежительным, так как им зачастую характеризуют также еще грубых, глупых выходцев из глубинки, в речи которых изобилует брань. Пример употребления: «*Смотри, опять головары собрались!*». Как можно заметить, заимствования из обоих языков присутствуют в речи не только старшего, но и молодого поколения.

Заимствование слов – это естественный и необходимый результат контактов между языками. Это один из основных каналов пополнения лексики новыми словами (наряду с созданием их на основе внутренних словообразовательных – корневых и аффиксальных – ресурсов языка и посредством семантических изменений) [2, с. 91].

Изучение процессов языковой интерференции важно, потому как состояние языка зависит от состояния общества, и именно общество определяет развитие языка.

Библиографический список

1. Бухаева О.Д. О лексическом взаимодействии русского и бурятского языков (на материале диалектной лексики) // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ, 1995. 40–49 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф, 2001. 448 с.
3. Егодурова В.М. Региональные черты русского языка в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2013. 62–65 с.
4. Цыренов Б.Д. О некоторых ранних русизмах в бурятском языке // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. 9–14 с.
5. Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья (на материале устного народного творчества Сибири) // Развитие литературных языков Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965. 96–103 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА «РОДИНА» НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE LEXICAL ANALYSIS OF THE WORD „MOTHERLAND” ON THE BASIS OF PROVERBS AND SAYINGS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

А.Д. Боброва, М.С. Дьяченко

A.D. Bobrova, M.S. Dyachenko

Руководитель А.О. Понамарева

Head A.O. Ponomareva

Научный руководитель Ю.В. Климук

Scientific adviser Yu.V. Klimuk

Родина, пословицы, концепт, когнитивная лингвистика, языковая картина мира.

В предлагаемой статье анализируются пословицы со словом «Родина» на английском и русском языках, приводятся примеры пословиц.

Motherland, proverbs, concept, cognitive linguistics, language picture of the world.

The given article deals with proverbs with the word „Motherland” in English and Russian, examples of proverbs are presented.

В русском языке понятие «Родина» является частью неразрывной «патриотической триады»: «Родина-мать», «родина-отечество-отчизна». Однако, в то время как понятия «отчизна» и «отечество» чаще употребляются в военной тематике, понятия «Родина-мать», «Родина» используются в различных контекстах и встречаются не только в разговорной речи, но и в различных пословицах и поговорках.

Для русского человека Родина всегда была чем-то очень важным, без чего невозможно жить. Подтверждением этому факту служат множество поговорок и пословиц.

В русской речи активно употребление выражения как «Родина-мать», из чего также следует, что в русском подсознании понятие «Родина» имеет сакральное значение и ассоциируется с матерью.

В английском языке синонимичным рядом единиц, обозначающих идею родной земли, эквивалентных русским понятиям «Родина», «отчизна», «отечество», является такие концепты, как «homeland», «motherland», «fatherland». Однако в повседневной, разговорной англоязычной речи данные слова практически не употребляются. Лексема «motherland» не имеет такого глубокого значения, как лексема «Родина-мать» в России, а «fatherland» больше связано с особой эрой в истории германских народов. Самой нейтральной является лексема

«homeland»), которой в английском называют страну происхождения. В американском английском понятия «Родина» и «страна» синонимичны, поэтому для обозначения родного края общепринятым является выражение «my country».

Изучая идиоматические выражения и пословицы английского языка, можно заметить, что среди них тема родины встречается намного реже, чем в русском. Причина такого различия заключается в разном менталитете двух культур.

С целью обобщения информации была составлена таблица, в которой наглядно показано сопоставление Родины с матерью, в отличие от английских, где понятие «родина» обезличено.

Язык	Русский (общее кол-во 28)	Английский (общее кол-во 21)
Женский род	13	8
Мужской род	5	-
Обезличенность	10	13

Таким образом, понятие родины у русского народа пробуждает много положительных эмоций. «Родина» – женского рода, часто воспринимается как мать (Родина-мать). В русских пословицах и поговорках другое отношение к своей стране, нежели в английских, так как в них идет олицетворение матери, а не земли, на которой человек родился.

Библиографический список

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17–33.
2. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. 1996.
4. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. С. 26–34.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ОТДЫХ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

ASSOCIATIVE FIELD “RECREATION” AS A REFLECTION OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE MODERN SCHOOLCHILD

О.Д. Большагина

O.D. Bolshagina

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasileva

Языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, формальная структура, смысловая структура.

В статье анализируется ассоциативно-смысловое поле как репрезентация языковой картины мира, фрагмента памяти обучающегося средней школы, отраженного в сознании носителя языка, его мотивов и оценок, его быта и стереотипов.

Language consciousness, free associative experiment, associative field, formal structure, semantic structure.

In materials of the thesis the associative and semantic field as representation of a language picture of the world, a fragment of memory of the middle school students, his motives and estimates, his mode of life and stereotypes reflected in consciousness is analyzed.

Среди множества работ, посвященных изучению языкового сознания, выделяются работы Т.Н. Ушаковой, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой [2; 3; 4], С.П. Васильевой [1, с. 75] и других ученых, по данным которых языковой тезаурус носителя языка представляет его языковое сознание.

Цель нашей работы – изучение специфики языковой картины мира детей, обучающихся в общеобразовательных школах среднего звена.

Учитывая то, что для ребенка в этом возрасте (с 10 до 15 лет) важны как школа, так и досуговая деятельность, мы рассмотрели содержание ассоциативного поля слова «отдых» от реакции к стимулу для каждой группы опрошенных, а именно городских и сельских школьников.

По результатам свободного ассоциативного эксперимента (основного метода исследования в данной работе) был проведен сопоставительный анализ, в котором была осуществлена количественная и качественная обработка данных: на словостимул – S «отдых» получено от информантов, обучающихся средней общеобразовательной **городской** школы 5–9 классов 448 реакций – R и сельской школы 5–9 классов 225 R, что составило несколько тематических групп (далее – ТГ).

Самой частотной по количеству R в обеих группах стала ТГ «**Активный отдых**», что говорит о желании и необходимости детей проводить свой отдых ак-

тивно, интересно, разнообразно. Кроме того, во время активного отдыха чаще всего дети общаются со сверстниками, что доказывают нам многочисленные реакции *гулять с друзьями* либо чистая реакция *друзья*. Общение со сверстниками – ведущий тип деятельности подростков.

Любопытными являются и последующие реакции, входящие в ядерную зону, такие как *спать, сон, расслабляться*. Такие реакции составили ТГ «**Пассивный отдых**», которая занимает второе место по количеству R. Конечно, дети устают от активной деятельности и такие ассоциации подтверждают то, что отдых часто мыслится как физический покой.

ТГ «**Занятия спортом**» имеет большие различия в разнообразии видов спорта и количестве. Это говорит о том, что у сельских школьников нет возможности посещать различные секции, потому что их просто там очень мало.

ТГ «**Интернет и ТВ**» «выигрывает» в городской группе на 4 %, но в общем в обеих группах занимает одинаковую, достаточно высокую позицию.

Интересным представляется сравнение ТГ **эмоциональной оценки** «**Положительная**» и «**Отрицательная**». Здесь мы увидели разительное отличие одной группы от другой. Нами было замечено, что сельские дети обладают очень богатым спектром эмоций, особенно положительных. Выражены эти эмоции различными частями речи и словосочетаниями. Существительными (*веселье 8 (веселуха); смех 5; радость 4; удовольствие 2; блаженство 2; спокойствие 1; счастье 1*) и словосочетаниями (*приятное (хорошее) времяпрепровождение 3; вызывает наслаждение 1; хорошо проведенное время 1; приятное время 1; хорошее самочувствие 1; отдых душой 1; новая сила 1*).

В группе ассоциатов школьников городской школы таких реакций было немного, но, к счастью, положительных эмоциональных оценок в данной группе опрошенных было больше, чем отрицательных: *радость, смеяться, хорошее настроение, веселиться, красота*.

Вышесказанное свидетельствует о достаточно хорошем психологическом климате жизни сельских школьников и, наоборот, об эмоциональной недостаточности городских школьников.

ТГ «**Лето**» показывает нам большую разницу в разнообразии проведения летнего отдыха у детей городской и сельской школы. Очевидно, что именно у городских школьников много таких реакций, как *море, пляж, песок, отель и т.д.*, сельские жители имеют меньше возможностей на этот счет, только единицы бывали на море.

ТГ «**Сленг**» наиболее полна и разнообразна также у городских школьников (*чилить (chill) 4, расслабон 1, Шавуха 1, устроить тусу-джусу 1 и т.д.*). В АЭ с сельскими школьниками таких слов не встретилось.

ТГ «**Праздники**» и ТГ «**Шоппинг**» присутствуют только в первой группе опрошенных (город). Для современных городских школьников отдыхом стал поход по магазинам.

ТГ «**какое-либо времяпрепровождение**» присутствует только во второй группе (село). Что снова доказывает большую эмоциональность сельских школьников (например, *свободное время 3, интересное проведение времени 1*).

ТГ «Учебная и познавательная деятельность» больше раскрыта в группе сельских школьников. Р: *узнавание какой-либо информации 1; решение задач 1; получение духовного умиротворения от прочтения художественной литературы 1; «узрение» искусства создания среды 1.* Такие реакции говорят о заинтересованности детей в познавательной деятельности, образовательном процессе, саморазвитии в любое время, а также о более развитом кругозоре.

Таким образом, результаты свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) показали, что отдых занимает важное место в языковой картине мира (ЯКМ) школьников, однако ассоциативное поле слова «отдых» имеет в ЯКМ обучающихся 5–9 классов сельской и городской школ разные доминанты, что находит отражение в соответствующих тематических группах. Результаты проведенного САЭ так или иначе отражают изменения в современном обществе и могут быть использованы в области филологии и образования.

Библиографический список

1. Васильева С.П., Низамутинова Т.М. Языковое сознание школьников в содержательном и ценностном аспектах // Базовые ценности этноса в речи и тексте: материалы Международной научно-практической конференции, 8 ноября 2017 г. Красноярск, 2017. С. 75–80.
2. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. URL: https://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html
3. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011, 259 с.
4. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. URL: https://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html

ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

FEMINITIVES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF MEDIA AND SOCIAL NETWORKS)

А.И. Бондаренко

A.I. Bondarenko

Научный руководитель Н.Н. Бебриш
Scientific adviser N.N. Bebrish

Феминитивы, русский язык, СМИ, Интернет, лексика.

В статье анализируются возникновение и особенности образования коррелятов женского рода в русском языке. Предъявляются пути изучения феминитивов, обосновывается актуальность исследования слов женского рода. В работе используются описательный, сопоставительный методы исследования.

Feminitives, Russian language, media, Internet, vocabulary.

The article analyzes the emergence and features of the formation of female correlates in the Russian language. Ways of studying feminitives are presented, the relevance of the study of feminine words is substantiated. The work uses descriptive, comparative research methods.

История русского языка хранит в своих хрониках процесс возникновения слов с обозначением женского лица, правда, в советское время такие обозначения стали сходиться на «нет». Однако с усилением феминистического движения в мире наша речь снова терпит изменения.

Феминитивы – слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, обозначающим профессию или род занятий [2]. Образуются с помощью суффиксов и окончаний, присущих существительным женского рода.

Русский язык древнерусского, старорусского периодов, а также XVIII–XIX вв. демонстрирует тенденцию к образованию различных слов-коррелятов женского рода [1]. Для образования существительных женского рода употребляются следующие суффиксы: -к-а; -ниц-а; -щиц-а, -чиц-а, льщиц-а; -ш-а; -ин-я [3]. Затем мы рассматривали материал, собранный из текстов новостных агентств, электронных газетных изданий («Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Известия», РБК, Lenta.Ru, «Парламентская газета» и др.), интернет-блогов и групп феминистического содержания в социальных сетях (Body Positive, «Феминизм: наглядно»). Анализ материала показал, что

1) российские издания употребляют лишь давно устоявшиеся и принятые нормой феминитивы («актриса», «учительница», «медсестра», «гражданка», «писательница» и т.д.);

2) среди постов в интернет-блогах начали находиться новые феминитивы – «авторка», «блоггерка», «блоггерша», «адвокатесса», «политикесса». Особое внимание заслуживают те группы, где активнее всего происходит процесс об-

разования новых коррелятов женского рода – это паблики и группы ВКонтакте с феминистической тематикой;

3) рассмотрев новые феминитивы, мы сделали вывод, что особенность данных коррелятов женского рода не в способе образования, а в производных словах. Слова эти в литературном языке не имеют пары женского рода. В связи с этим можно выделить следующие группы феминитивов по производным словам:

– слова, к которым не подбиралось аналога женского рода («архитектор» – «архитекторка», «археолог» – «археологиня», «электрик» – «электрикесса») [8];

– слова, которые имеют аналог, но по той или иной причине не представляющий интереса для пользователя. В основном причина кроется в смысловой окраске слова, его уничижительном оттенке («врачиха» – «врачиха», «актриска» – «актриса», «училка» – «учительница»);

– слова с омонимией значений («чтица» – 1. то же, что и читательница. 2. та, кто читает вслух. / «мэтресса» – 1. наставница, учительница, признанная авторитетка. 2. статус, которым мог наделить король Франции одну из своих возлюбленных, официальная фаворитка) [7];

– экзотические феминитивы: («шашистка», «ЕГЭшница», «боица»). Они созданы с целью языковой игры, приукрашивания текста и привлечения к нему внимания, а также обращения внимания на то, что язык способен изменяться.

Цель всех новых феминитивов – создать аналог обозначению профессий или рода деятельности женского рода. Это имеет социально-исторический аспект.

В заключение работы хочется отметить следующее:

1) особенность образования феминитивов исходит из производных слов, не имеющих женского аналога. Это возвращает нас к исторически-социальному аспекту – роли женщины в обществе. Феминистки яро берутся за образование новых форм слов с целью создания себе языкового права;

2) феминитивы имеют возможность войти в словарный состав современного русского языка, но с появлением необходимости в них. На данный момент кодифицированный литературный язык вполне обходится и без них.

Библиографический список

1. Азарх Ю.С. Словообразование существительных женского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа (На материале письменных памятников русского языка с XI века и данных диалектологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
2. Баданина И.В. Функционирование феминитивов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаш. М.: РУДН, 2017.
3. Дмитриева О.Л. Развитие нормы и проблема кодификации вариантов рода профессиональных номинаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973.
6. Протченко И.Ф. Об образовании и употреблении имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1955.
7. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. М. Т. 1.
8. Янко-Триницкая Н.А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ЖИТИЙНОМ ЦИКЛЕ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

FIGURATIVE AND EXPRESSIVE MEANS IN THE LIFE CYCLE OF DIMITRY ROSTOVSKY

А.К. Гладкова

A.K. Gladkova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Изобразительность, выразительность, четьи-минеи, житие, музыкальность.

Цель статьи – изучить изобразительно-выразительные средства в житийном цикле Димитрия Ростовского. Изобразительно-выразительные средства языка – приемы, которые делают речь наглядной, образной и особым образом оформляют ее, привлекая к ней внимание. Димитрий Ростовский прославился как плодотворный церковный автор – составитель сборников житий святых (наиболее известный в четырех книгах «Четьи-Минеи»). Четьи-Минеи Димитрия Ростовского, или «Книга житий святых», – одно из самых крупных произведений славянской литературы. В Четьях-Минеех преобладают агиографические тексты, но они включают в себя и дидактический, и повествовательный материал.

Figurativeness, expressiveness, lives of the saints, the life and musicality.

The purpose of this article is to study the visual and expressive means in the life cycle of Dimitry Rostovsky. Figurative and expressive means of language – techniques that make speech visual, imaginative and in a special way make it, drawing attention to it. Demetrius of Rostov became famous as a fruitful Church the author of the collections lives of the saints (the most famous of the four books of „lives of the saints”). Lives of the saints Demetrius of Rostov, „the Book lives of the saints” constitute one of the major works of Slavic literature. In Chetah-Mina prevalent hagiographic texts, but they include both didactic and narrative material.

Изобразительность – качество речи, которое делает ее наглядной. Она основывается не только на понятийной, но и на образной информации. Изобразительная речь быстрее воспринимается, вызывает эмоции и тесно связана с оценочностью, поэтому она лучше сохраняется в памяти.

Выразительность – качество речи, привлекающее внимание слушателя и заставляющее фиксироваться именно на ней. Выразительная речь способна «удержаться на плаву» в потоке информации. Выразительные средства языка позволяют автору выделить главное в сообщении и этим облегчить его восприятие [4, с. 15].

В настоящем исследовании было проанализировано 10 житий из цикла, ниже проиллюстрированы примеры средств выразительности на основе текстов. Жити́е (греч. βίος, лат. vita) – жанр церковной литературы, в котором описываются жизнь и деяния святых. Житие создавалось после смерти святого, но не всегда после формальной канонизации. Как уже было сказано, в житийных текстах есть лексические, синтаксические и тропеические средства выразительности.

Лексические средства:

1) архаизмы «уста», «стяжал», «сие», «иноческий», «одр» отражают историческую эпоху: «Жизнью в *иноческом* образе два дяди матери его»;

2) церковная лексика «сан», «служба», «исповедую», «обет», «власяница», «келья», «постриг», «Преподобный»: «Григорий и Василий, из которых первый был *игуменом* той обители».

Тропеические средства:

1) синекдоха «колено небесных, земных и преисподних»;

2) сравнение «Он же, как утес стоящий посреди моря, который остается несокрушимым...» помогает увидеть всю непоколебимость героя и несокрушимость, поэтому он сравнивается с утесом (горой). «От этих слов гнев градоначальника возгорелся, как огонь». Гнев сравнивается с огнем для усиления чувства градоначальника [2, с. 33];

3) олицетворение «святая Церковь снова украсилась иконами и стала совершать им поклонение» (церковь кажется нам живой, одушевление неживого предмета) [2, с. 33];

4) гипербола «распалился желанием послужить Богу» используется для того, чтобы показать всю силу желания служить Богу [2, с. 33];

5) метафора «Он же, как утес стоящий посреди моря, который остается несокрушимым, несмотря на то, что на него с силою бьют волны морские, оставался непоколебим в своем добром решении» (под бьющими волнами подразумевается давление иноверцев – противников православной веры) [2, с. 33].

Синтаксические средства:

1) ряды однородных членов предложения «...не разрушается ни от каких сильных ветров, ни от проливных дождей и разливающихся рек» усиливают эмоциональное восприятие;

2) асиндетон (бессоюзное сложное предложение) «...имение христиан предавалось разграблению, дома опустошались, люди избивались» показывает динамику развития действия [2, с. 60].

3) риторическое восклицание «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!» усиливает веру в Бога и еще больше передает чувство торжественности [2, с. 61].

4) градация «Кто он и откуда? Из какого он семейства и рода?» передает усиление образности, эмоциональной выразительности и воздействие силы на героя [2, с. 70].

Изучая жития святых, мы видим, насколько они уникальны. Их уникальность в том, что текст рождает те или иные ассоциации, имеет особую музыкальность, наличие фонетических, лексических и синтаксических средств выразительности позволяют образно представить все события, происходящие с героями повествований. Это используется для придания речи особого смысла и глубины.

Библиографический список

1. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка: учеб. пособие. М: Высшая школа, 1976. 149 с.
2. Житие Димитрия Ростовского. Изд-во «Новое небо», 2018. 6114 с.
3. Кусков В.В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 1996. С. 58–65.
4. Нарушевич А.Г. Средства выразительности. Изд-во Легион, 2018. 88 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ТАКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ, КАК ЯСНОСТЬ, ПОНЯТНОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ В ДИАЛОГЕ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

FORMATION OF SUCH COMMUNICATIVE QUALITIES AS CLARITY AND EXPRESSIVENESS OF SPEECH IN THE DIALOGUE OF THE DOCTOR AND PATIENT

А.Д. Гончарова

A.D. Goncharova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Диалог, коммуникативные качества речи, анализ, врач, пациент.

Работа посвящена необходимости изучения активных процессов в современном русском языке, в частности формирования определенных коммуникативных качеств речи врачей и пациентов.

Dialogue, communication skills, analysis, doctor, patient.

The article is devoted to necessity of researching of active process in the modern russian language particularly creation of definit communicative qualities in doctor's and patient's speech.

В современном лингвистическом учении речь – форма изложения мыслей для передачи информации. Речь обладает важнейшими свойствами, которые отличают ее от языка – системы знаков, символов, предназначенная для общения между людьми [1]. Ясность, понятность и выразительность как коммуникативные качества речи – это система ориентиров, которые помогают сделать речь лучше, эффективнее, совершеннее.

Первым этапом нашего исследования будет анализ диалога врача и пациента с точки зрения коммуникативного качества «ясность». Здесь необходимо уделить внимание стилистическим и грамматическим ошибкам, поскольку они могут негативно отразиться на формировании ясности речи.

В пособии Б.С. Мучника «Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления» говорится, что речь ясна, если каждое слово в предложении при первоначальном восприятии понимается именно в том из возможных значений, в котором оно употреблено (а не в каком-то другом), и если при этом оно сразу же относится практически всеми читающими именно к тому слову в предложении, с которым оно было связано в мысли пишущего (а не к какому-то другому). Такое предложение с точки зрения ясности речи не нуждается в стилистическом улучшении [2].

В предложении «Посмотрим, как у вас полость рта, в каком состоянии» прослеживается нарушение синтаксической структуры предложения. Правильнее

было бы сказать: «Посмотрим, в каком состоянии у вас полость рта». В отмеченном контексте ошибочная смысловая связь слов. Анализируя выбранный диалог врача и пациента, приходилось несколько раз прослушивать и прочитывать реплики доктора. Таким образом, в исключительных моментах речь доктора признается коммуникативно неясной, артикуляционно нечеткой.

Следующим этапом является анализ понятности речи. Понятность речи связана с ее действенностью, эффективностью и зависит от характера используемых слов. Чтобы речь была понятной, необходимо ограничить употребление слов, находящихся на периферии словарного состава языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости. В ходе беседы доктор использует термин «путевая вкладка», который сама и объясняет пациенту. По словам врача, путевая вкладка – «это имитация зуба, уже препарированная под коронку». В словарях не встретился термин «путевая вкладка», но был обнаружен термин «культевая вкладка» – это значит, что речь доктора была невнятной, что не позволило услышать слово правильно. Культевая вкладка в «Словаре стоматологических терминов» – это изготавливаемый индивидуально в лаборатории цельный литой микропротез, который помещается непосредственно в корень очень сильно или даже полностью разрушенного зуба [3]. Речь доктора в выбранном диалоге не перенасыщена профессиональными единицами, врач употребляет их наряду с общей лексикой, попутно разъясняя каждый термин. Отсюда следует, что речь доктора является коммуникативно понятной.

Особенность речи доктора заключается в активном использовании слов общеупотребительной лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *зубчик, зеркальце, водичку* и т.д. Но эта особенность не приводит к нарушению коммуникативных качеств речи.

Заключительный этап анализа коммуникативных качеств речи в диалоге врача и пациента – анализ выразительности речи. Сделать речь разнообразной, эмоциональной говорящему помогают специальные художественные приемы, образные и выразительные средства языка, а также пословицы, поговорки, фразеологические выражения. В данном диалоге доктор использует различные средства речевой выразительности для создания живого, интересного общения. В ходе беседы неоднократно встречаются оценочные прилагательные. Их можно обнаружить в следующей фразе: «зубки очень хорошие, красивые». Для того чтобы заинтересовать пациента, врач задает риторические вопросы: «как закрывается у нас такой дефект?», а также прямой вопрос, требующий ответа: «и ты ложишься спать, и что?». Смысл использования риторического вопроса состоит в том, чтобы усилить эмоциональное воздействие на пациента, привлечь его внимание к предмету речи.

Исходя из вышесказанного, речь доктора является выразительной. Выразительность как коммуникативное качество речи создается за счет уместного использования средств и фигур речевой выразительности и служит для усиления действенности высказывания, поддержания внимания и интереса слушателя.

Анализ речи доктора в диалоге с пациентом показал, что речь доктора является ясной, понятной и выразительной, но имеются некоторые отклонения в формировании коммуникативного качества «ясность». Самой главной ошибкой врача в исследуемом диалоге является нарушение синтаксического строя предложения, что ведет к нарушению смысла повествования. Таким образом, можно прийти к выводу, что диалог с точки зрения такого коммуникативного качества, как ясность, имеет ряд проблем: это подтверждается наличием стилистических ошибок, грамматических ошибок, доктор также неоднократно перебивает пациента, что приводит к нарушению коммуникации.

Библиографический список

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 69–71, 163–211.
2. Мучник Б.С. «Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления: пособие для учащихся 10–11-х классов средн. школ, гимназий. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996.
3. Словарь стоматологических терминов. URL: <https://www.32top.ru/terms/> (дата обращения: 0105.2019).

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

OCCASIONAL EDUCATION IN CHILDREN'S PATRIOTIC LITERATURE

М.В. Иванова

M.V. Ivanova

Научный руководитель В.И. Пихутина
Scientific adviser V.I. Pikhutina

Окказионализм, модели словообразования, словотворчество, анализ текста, детская литература.

Цель статьи – охарактеризовать словообразовательные модели окказионализмов в художественных текстах для детей с точки зрения структурных особенностей и функционально-стилистического потенциала. Анализ индивидуально-авторских слов демонстрирует преобладание узуальных способов образования, а также высокую частотность использования контаминации.

Occasionalism, word formation models, word creation, text analysis, children's literature.

The purpose of the article is to characterize the word-formation models of occasionalisms in literary texts for children in terms of structural features and functional and stylistic potential. The analysis of individual author's words demonstrates the predominance of the usual methods of education, as well as the high frequency of the use of contamination.

Индивидуально-авторские слова как одно из основных средств языкового новаторства не могут не привлекать читателя. Особенно благодатной публикой в этом случае становятся дети, ведь они сами зачастую создают новые слова, полагаясь лишь на свое языковое чутье. В связи с этим несомненный интерес представляет анализ произведений, ориентированных прежде всего на детскую аудиторию. В рамках настоящего исследования рассмотрена серия книг для среднего и старшего школьного возраста Дмитрия Емеца «Мефодий Буслаев», «Таня Гроттер»), а также произведения для младшего и среднего школьного возраста: повесть Т. Крюковой «Чудеса не понарошку» (1998), энциклопедия В. Воронцова «Коты. Шкотливая энциклопедия» (2008), сказка Н. Имановой «Следы невиданных зверей. Маша и Медведь».

Окказионализмы, как слова, зависящие от контекста и ситуации, индивидуальны, могут иметь отклонения от общепринятых правил словообразования, поэтому не претендуют на активное употребление в языке и сохраняют свою новизну независимо от времени их создания. Окказионализмы помогают автору заменить целое предложение одним словом, кратко и емко выразить мысль и свое отношение, дать оценку происходящего.

Многие исследователи выделяют как важный признак окказионализмов экспрессивность, что опять же очень интересно именно детям, воспринимающим

окружающее прежде всего на эмоциональном уровне. В свою очередь, использование словообразовательных окказионализмов в детской литературе помогает ребенку познавать язык через различные стилистические функции слов, развивает мышление и фантазию [1]. Привлекая внимание нестандартностью, индивидуальностью, неожиданностью образования окказионализмов, авторы показывают детям словообразовательные возможности языка.

Найденные в исследуемых произведениях окказионализмы можно разделить на следующие группы с учетом способов образования.

1. Субституция. Окказионализм образуется по аналогии со структурой конкретного слова, но при этом происходит замена морфемы или неморфемного сегмента. Нахождение ассоциаций с вытесненной частью способствует развитию воображения юных читателей.

Морской слонек. Образовано по аналогии «морской конек» путем транссуффиксации – замены суффикса в существующей лексеме «слоник». *Меч-колдунец*. Образован на основе сходства с «меч-кладенец» – наименование меча богатырей из русского фольклора – путем редеривации (замены корня) и одновременным присоединением суффикса «ец» со значением предмета, как в словах резец, рубец.

2. Контаминация. При таком способе образования происходит объединение мотивирующих основ без словообразовательного форманта, что подчеркивает уникальность слова, передает конкретность, особенность ситуации, которую не может выразить каноническое слово как единица языка.

Бабаня (Анна Арбузова, бабушка Ирки). Наблюдается интерференция морфов основ существительного «баба» и имени собственного «Аня». *Маглиция* (полиция). Образовано с использованием апокопы – конечного усечения основы прилагательного «магическая» – и афerezиса – начального усечения основы существительного «полиция». *«Попукан и Пелигай»*. Играя основами, автор путем использования контаминации с метатезой – взаимной перестановки звуков или слогов в словах – объединяет два существительных «попугай» и «пеликан».

3. Голофразис, или слияние. Образование окказионализма на базе словосочетания или предложения путем ликвидации пробелов между словами.

Идиотсюдов – имя собственное, фамилия второстепенного героя. Глагол «иди» + предлог «от» + наречие «сюда» + суффикс «ов» – частотный суффикс для образования русской фамилии. Наблюдается апокопа – конечное усечение основы «сюда». *Скокалетанубрысьотсюданадосовестьзнать*. Местоимение «сколько» + существительное «лет» + союз «а» + частица «ну» + междометие «брысь» + наречие «отсюда» + предикатив «надо» + существительное «совесть» + глагол «знать». *Нувотивсетр* (название рыбы). Частица «ну» + указательная частица «вот» + существительное «осетр». Наблюдается афerezис – начальное усечение основы существительного.

Представленный способ образования привлекает внимание не столько семантикой, сколько нетрадиционной графической формой, вследствие чего подобные окказионализмы в научной литературе нередко называют визуальными неологизмами.

4. Суффиксация. *Игрландия*. Существительное «игра» + -ландия встречается в составе названий разных стран (Гренландия, Ирландия и т.п.). *Лопухоид* – обычный человек, не обладающий магическими способностями. Основа существительного «лопух» (разг., «глупый человек, простак») + суффикс «оид» в значении «представитель определенной расы» (например, монголоид, негроид, австралоид и др.). Нарушение закона продуктивности словообразовательного типа в данном случае состоит в том, что семантика производящей основы иная, чем в литературном языке.

Окказионализмы, образованные данным способом, относятся к разным знаменательным частям речи, особенно продуктивен тип образований именного класса как от слов той же части речи, так и других. При образовании слов данной группы авторы не отходят от традиционных языковых моделей, а так или иначе варьируют уже существующее в языке.

5. Гендиадис, или рифмованное сложение, при котором второй компонент окказионализма является фонетической трансформацией первого. *Гыгли-мыгли-карадыгли* – заклинание, предназначенное для наложения сглаза. *Топтакли-лягакли*. Можно предположить, что окказионализм образован от глаголов «топтать» + «лягать» т.к. это заклинание для уничтожения зачарованной обуви.

Определяя роль окказионализмов в детской литературе можно сказать, что чаще всего они используются как средство языковой игры для привлечения внимания читателей и выражения шутливости или же, наоборот, резко отрицательного отношения к событиям, происходящим на страницах произведения. В произведениях для младшего возраста преобладают окказионализмы упрощенные, в которых можно беспрепятственно с помощью контекста выявить значение, поэтому распространены узуальные способы образования, в частности суффиксальный. В детской литературе, предназначенной для старших школьников, уже активно используются окказионализмы, образованные с помощью контаминации, сращения основ и гендиадиса, что порой вызывает затруднения в выявлении значений авторских слов.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2010. 304 с.

КЕТСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ В НАШИ ДНИ

THE KET LANGUAGE: ISSUE OF THE EXISTENCE OF LANGUAGE IN OUR DAYS

А.Д. Ковалева

A.D. Kovaleva

Научный руководитель А.Г. Тимченко
Scientific supervisor A.G. Timchenko

Кеты, кетский язык, исчезновение языка, сохранение языка.

В статье уделено внимание кетскому языку – языку-изоляту и единственному живому языку Енисейской языковой семьи. Рассмотрены причины исчезновения языка, перспективы развития и возможности существования.

The ket, the Ket language, the dying out of language, the conserving of language.

The Ket language is described in this article. It is an isolate language and the last one of Yenisey language family. Here are described the reasons of death of the Ket language, outlook of development and the opportunity of existence.

Упоминания о кетах встречаются с начала XVII века, после первого контакта с русскими. Издревле кеты занимались рыболовством и охотой, реже оленеводством. Главным спутником на охоте у кетов была собака (кет. *mun*) [6]. Традиционный календарь кетов и быт строился согласно изменениям природных условий [4, с. 169]. Календарь включал пятнадцать периодов, каждый из которых отвечал за новый режим жизни кетов. Например, октябрь считается периодом «замерзания земли» (кет. *бантээль*), а январь «новым месяцем года» (кет. *кикин*). Тесная связь природы и человека отразилась в мировоззрении кетского народа. Зачастую имя кета включало в себя названия окружающих его привычных вещей: птиц, деревьев, водоемов... Так, слово *Hai* (хай, кедр) образует женское имя *Haivalam*. По результатам переписи 2002 года зафиксировано, что на территории Красноярского края проживает больше тысячи кетов [5, с. 149]. Но на кетском языке говорят порядка 20 человек, и все они представители старшего поколения. Кетский язык преподается в школах: на территории Красноярского края действует 8 школ с преподаванием кетского языка в начальных классах [1, с.110].

Причины вымирания кетского языка

Сокращение численности кетов и, как следствие, носителей кетского языка обусловлено рядом причин. Основные из них приведены ниже.

1. Великая Отечественная война. Изначально жителей Севера не должны были отправлять на фронт, однако многие кеты все же были отправлены на войну, где и погибла большая часть.

2. Возникновение интернатов на территории Красноярского края в период существования СССР, где детей отлучали от родного языка посредством наказаний, принуждая использовать исключительно русский язык. Речь идет о процессе *русификации* – способе вытеснения языка (или диалекта) малой группы народов путем укрепления лидерской позиции русского языка на территории РФ. Однако сейчас начиная с 1988 года дети активно изучают кетский язык в местных школах, что является уверенным шагом на пути сохранения языка.

3. Неприспособленность языка для современной действительности и отсутствие должной культуры для его расширения [2]. Многие родители убеждены в том, что родной язык непригоден для существования в современном мире, а изучение иностранных языков (например, китайского) позволит детям достичь большего, чем знание родного языка [3, с. 1880]. Также при неравном соседстве с русскими на одной территории зачастую этническое меньшинство не испытывает гордости за свой язык, стараясь использовать его только в быту или не использовать вообще. Кроме того, изменение образа жизни кетов и развитие общества не позволяет использовать кетский язык в полной мере. В наше время за счет назкой адаптации языка он зачастую оказывается не пригоден для полного функционирования даже на территории проживания кетов.

4. Межнациональный брак [6]. Девушки кетской этнической группы отдают предпочтение вступлению в брак и созданию семьи с русскими мужчинами или с мужчинами, относящимся к другим национальным меньшинствам (эвенки, ненцы и т.д.) В таких семьях рождаются дети, не говорящие на кетском языке и не изучающие язык матери, культуру ее предков и всего народа. В среднем из 10 семей только в одной отцом ребенка может быть кет, чаще – представитель другой нации или этноса. Кроме того, данный факт также подводит к этнической самоидентификации ребенка как русского, а не кета и / или кета и русского вместе, что является причиной потери потенциального носителя кетского языка.

Способы возрождения кетского языка

1. Необходимо понять, что успешное изучение родного языка кетами будет гарантировано, если приступить к его изучению в дошкольном возрасте [2, с. 57]. К концу четвертого класса кет знает 3500–4000 слов на родном языке, отражающих окружающие его явления, события. Занятия обязательно должны проводиться не только в кабинетах, но и на улицах. На прогулках дети изучают окружающий их мир, тем самым пополняя словарный запас и проникаясь любовью к природе. Здесь стоит также отметить необходимость экологического воспитания, суть которого заключается в сосредоточении внимания на жизненной составляющей кета – его единстве с природой, как это мыслится издревле.

2. Успешное обучение будет осуществляться при возможностях выбора учебных пособий. Необходимо пересмотреть как методику преподавания языка малочисленных групп, так и всю учебную литературу. Оптимальным для педагога будет владение как минимум двумя учебниками, на основании которых учитель сможет выстроить свою учебную программу.

3. Немалую роль в данном вопросе играют этнопедагогика и этнопсихология. Развитие национального самосознания, наличие в сознании ребенка понимания о нравственных и моральных нормах также являются залогом успеха в данном вопросе. Детям важно также привить эстетическое и этическое чувство к родному языку и традициям.

4. Адаптация языка к современным реалиям. Невозможно сохранить язык в первоначальном виде, он должен жить и меняться согласно течению жизни.

Невозможно утверждать, что у кетского языка есть будущее наравне с русским языком или более крупными языками национальных республик. Перспектива существования кетского языка определяется лингвистами в пределах трех столетий [1]. Однако в данный момент все активнее предпринимаются попытки по реорганизации учебного процесса, добавляются новые методы преподавания, и, возможно, дети из кетских семей смогут поддерживать общение на двух языках, что позволит им сохранить традиции своего народа, единство собственного сознания с природой. Ведь язык – самое ценное достояние любого народа. Именно он способен отражать душу, характер и самобытность этноса.

Библиографический список

1. Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С. 110–123.
2. Николаева Г.Х. Кеты и их язык: этносоциолингвистическая ситуация. СПб.: Просвещение, 2002. 68 с.
3. Резникова К.В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1879–1880.
4. Сычина Н.А. Календарь в традиционной культуре коренных народов Западной Сибири // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С. 167–171.
5. Этноатлас Красноярского края. Изд. второе, перер. и доп. Красноярск, 2008. 224 с.
6. Edward J. Vajda. The Ket and Other Yeniseian Peoples. 2000.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА В ПРОЗЕ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

EXPRESSIVE MEANS OF SYNTAX IN IGNATIUS BRYANCHANINOV'S PROSE

Е.Р. Макова

E.R. Makova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Брянчанинов, синтаксис, анадиплосис, стилистика, зевгма, эллипсис».

Цель настоящей статьи – изучить выразительные средства синтаксиса в прозе святителя Игнатия Брянчанинова, чтобы определить особенности стиля в трактатах о ведении духовной жизни. Для данной статьи были изучены работы, посвященные роли выразительных средств синтаксиса в художественных произведениях, выделены выразительные средства синтаксиса в прозе Игнатия Брянчанинова.

Bryanchaninov, syntax, anadiplosid, style, zeugma, ellipsis.

The purpose of brilliant reporting is learning expressive means of syntax in Ignatius Brianchaninov's prose. It's need to determine some features of style about spirituality. For this reporting was learn some deals, which devoted to expressive means of syntax in books and was allocate expressive means of syntax in Ignatius Brianchaninov's prose.

Русский синтаксис отличается богатством и разнообразием стилистических средств. Синтаксические единицы характеризуются функционально-стилевой закрепленностью: одни используются в книжных стилях, другие – в разговорном. На синтаксическом уровне ярко проявляется экспрессивная окраска речи.

Игнатий Брянчанинов (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) – причислен к лику святых, епископ православной российской церкви, известный богослов и проповедник. Для современного человека, желающего серьезно проводить духовную жизнь, творения святителя Игнатия Брянчанинова являются незаменимым руководством. В них сосредоточен предшествующий опыт святоотеческой аскетической мысли, и этот опыт святитель Игнатий воплотил в собственной жизни. В его писаниях ясно раскрывается сущность правильного духовного пути, а также разъясняются те тонкости духовной жизни, которые могут быть неверно истолкованы при чтении древних аскетических трактатов.

Трактаты Игнатия уникальны и самобытны. В них широко используются синтаксические средства выразительности. С их помощью любая мысль автора становится более яркой и убедительной. Усиливается образно-выразительная функция речи. В статье рассмотрены основные из них.

Риторическое восклицание – это прием передачи кульминации чувств. Оно передает различные эмоции автора: удивление, восторг, огорчение, радость. За-

ключают в себе особую экспрессию, усиливая напряженность речи (*Так восхотело беспредельное милосердие Отца! Так угодно непостижимой любви Христовой!*).

Риторическое обращение – фигура, представляющая собой условное обращение к предметам и явлениям, которое используется для привлечения внимания к предмету речи слушателей и читателей (*Братия! Всмотримся беспристрастно, при свете Евангелия, в земную жизнь нашу*).

Риторический вопрос – одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа. «*Что такое человек?*» – риторически задается вопросом автор в своем «Слове о Человеке».

Более строгая, книжная окраска характеризует **параллелизм** – одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи. Параллельные синтаксические конструкции нередко строятся по принципу **анафоры** – повторение первых слов предложения (*Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом, не быть жилищем, не быть сосудом. Какое грозное и непрерывное смятение! Какое повсеместное и ожесточенное столкновение!*) или **эпифоры** – повторение последних слов предложения – также усиливают эмоциональное воздействие на читателя (*Святой Макарий Великий говорит, что ангелы имеют образ и вид, так как и душа имеет свой образ и вид, и что этот образ, наружный вид как ангела, так и души, есть образ и вид внешнего человека в его теле*).

Зевгма – в широком смысле античные грамматики называли такие обороты речи, когда какое-нибудь слово, чаще сказуемое, которое должно быть повторено два или несколько раз, ставится один раз, а в других местах лишь подразумевается. В более узком смысле под термином «зевгма» подразумевали повторение слова, например, глагола, поставленного один раз, в дальнейшем не в том же, а в близком значении (*Творец человека представляется сперва глаголющим в Самом Себе, потом действующим; сперва образующим тело, потом вдыхающим в лицо человека дыхание жизни*).

Анадиплосис – синтаксическая фигура, в которой конечные слова стиха или фразы повторяются в начале следующего стиха или фразы (*Конечно, этот молитвенный вопль – вопль души, ходатайствующей о себе и о теле своем, – отнюдь не вопль одного тела. Очень ошибаются, ошибаются в погибель свою те, которые признают плотские пожелания неотъемлемыми свойствами тела человеческого*).

Для интонационного и логического подчеркивания выделяемых предметов используется выразительная стилистическая фигура **многосоюзиe (полисиндетон)** [2, с. 356].

Повторяются обычно сочинительные, соединительные союзы (*Он сладострастен и по телу, и по сердцу, и по уму, он не способен не только к духовному наслаждению и к приятию Божественной благодати, но и к покаянию*).

Большую выразительность обретают строки, в которых рядом с многосоюзием применяется противоположный ему стилистический прием **бессоюзи**е (**асиндетон**) [2, с. 356]. Д.Э. Розенталь говорил: «Отсутствие союзов придает высказыванию стремительность, насыщенность впечатлениями» (*Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей*).

Нанизывание однотипных синтаксических единиц, например, однородных членов, придаточных предложений, часто создает **градацию**, то есть такое расположение слов (словосочетаний, частей сложного предложения), при котором каждое последующее усиливает или ослабляет значение предыдущего, благодаря чему создается нарастание интонации и эмоционального напряжения речи (*Пало на землю проклятие – и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясения*).

Парцелляция – это прием, заключающийся в намеренном расчленении предложения на несколько частей и оформлении этих частей как самостоятельных неполных предложений [2, с. 357].

(С самого рождения своего человек не имеет ни одного дела. Ни одного слова. Ни одного помышления. Ни одного чувствования).

Эллипсис – это стилистическая фигура, состоящая в намеренном пропуске какого-либо члена предложения, который подразумевается из контекста. Пропуск сказуемого придает речи особый динамизм и экспрессию [Там же] (*Изменяют, братия, непременно изменяют нам все тленные блага: богачам изменит их богатство, славным их слава, юным их юность, мудрецам их мудрость*).

Синтаксис имеет исключительно важное значение для стилистики. Он обладает огромными ресурсами, определяет стилевой облик текста, имеет непосредственное отношение к распределению информации в предложении и в тексте. Синтаксис организует повествование, развертывает действие, оформляет картины, облакая их в определенную интонацию, путем расстановки акцентов формирует глубинную перспективу, выдвигая на передний план одни элементы и нейтрализуя другие. Даже отдельные слова получают вполне определенное значение в связной речи; при этом их стилистическая роль чрезвычайно разнообразна в зависимости от их сочетаний с другими словами.

Библиографический список

1. Святитель Игнатий (Брянчанинов). URL: <http://брянчанинов.рф> (дата обращения: 10.05.2019).
2. Стилистика русского языка: учебное пособие / И.Б. Голуб. М., 2010. 448 с.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ

SEMIOTIC OPPOSITION «LOVE – HATE» IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

Е.Д. Мюллер

E.D. Muller

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasileva

Семиотическая бинарная оппозиция, языковое сознание, ассоциативное поле, оппозиция «любовь-ненависть».

Статья посвящена изучению семиотической оппозиции «любовь – ненависть» в языковом сознании русских на основе данных Русского ассоциативного словаря и Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири.

Binary semiotic opposition, linguistic consciousness, association field, «love-hate» opposition.

This article is devoted to the study of semiotic opposition «love-hate» in the linguistic consciousness of Russians based on the data from Russian associative dictionary and Electronic associative dictionary of the western part of eastern Siberia.

Семиотика (греч. semeiotikón, от seméion – знак, признак) – это так называемая «наука о знаках», которая изучает характерные особенности отношения «знак – означаемое» [Шрейдер, URL]. Находясь в отношениях противопоставления, основные элементы семиотических систем формируют оппозиции, которые, в свою очередь, представляют собой одну из разновидностей семиотических закономерностей.

Любовь является одной из важнейших человеческих ценностей, на основе которой базируется духовность и нравственность человека. Современный человек, обладая этой ценностью, наделяет ее разным содержанием: от глубоко религиозного до светского. Уфимцева Н.В. отмечает, что любовь, наряду с понятиями *дом, жизнь, деньги, лес, день, работа, вода, радость, дело, смерть, стол, дорога* является одной из наиболее важных реалий в русском языковом сознании (по данным Русского ассоциативного словаря).

Одним из наиболее ярких психологических факторов, порождающих агрессию, является эмоция ненависти, противоположная чувству любви.

Проведенный анализ лексем, встречающихся в рамках ядерной, околядерной и периферийной зоны ассоциативных полей «Любовь» и «Ненависть» в Русском ассоциативном словаре (далее – РАС) и Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири (далее – ЭАСПС) позволил сделать следующие наблюдения.

Ядро ассоциативного поля «Любовь» в обоих словарях составляют реакции светского содержания: так, сюда относятся следующие ассоциации, зафиксиро-

ванные в РАС: *с первого взгляда* (9), *до гроба* (8), *чувство* (5). Зафиксированные в ЭАСПС: *чувство* (14), *морковь* (10), *сердце* (8), *зла* (7) и *голуби* (6), *счастье* (5), *чувства* (5). Обнаруживается всего одно совпадение в реакциях на стимул *любовь* – *чувство* (в РАС реакция «чувство» на третьем месте по частоте, в ЭАСПС – на первом месте), тогда как остальные реакции различны, что свидетельствует о разном представлении о любви у жителей центральной части России и сибиряков. Отметим, что среди реакций присутствуют устойчивые выражения, пословицы и поговорки, и у жителей центра страны, и у жителей Сибирского региона (*любовь с первого взгляда, любовь до гроба, любовь зла*).

Анализ околядерной зоны ассоциативного поля «Любовь» также свидетельствует о наличии реакций светского содержания: сюда относятся следующие ассоциации в РАС: *зла* – 3, *счастье* – 3, *безответная* – 2, *горе* – 2 и *голуби* – 2, *к женщине* – 2, *ненависть* – 2, *платоническая* – 2, *пришла* – 2, *радость* – 2, *разлука* – 2, *страстная* – 2, *Яровая* – 2; и в ЭАСПС: *радость* – 4, *ненависть* – 4, *жена* – 4, *верность* – 4, *семья* – 3, *взаимная* – 2, *жизнь* – 2, *к родине* – 2, *глупость* – 2, *все* – 2, *девушка* – 2, *амур* – 2, *нежность* – 2, *крепкая* – 2, *доверие* – 2, *секс* – 2, *чиста* – 2. Стоит заметить, что здесь совпадение наблюдается уже в двух реакциях: *ненависть* (с частотой 2 в РАС и 4 в ЭАСПС) и *радость* (2 в РАС, 4 в ЭАСПС), остальные реакции различны. И у жителей центра страны, и у сибиряков возникает ассоциация на стимул *любовь* в связи с явлением антонимии – *ненависть* выступает как антоним к слову «любовь». У сибиряков *любовь* ассоциируется с семейными ценностями (об этом свидетельствуют реакции: *жена, семья, верность*).

Что касается зоны периферии ассоциативного поля «Любовь», то реакции, зафиксированные в РАС, связаны с дружбой (*друга*), с гороскопом (*знак зодиака*), с религией (*земная, неземная, душа, святое, вера*), объектом любви (*к жизни, к людям, к тебе*) и др., тогда как реакции, зафиксированные в ЭАСПС, связаны с конкретными именами (*Костя, Артем, Паша*), географическими объектами (*Париж, страна*), хобби (*к растениям, к музыке*), дружбой (*дружба, друзей*), цветом (*красный*), временем года (*осень*), семьей (*к детям, свекровь, брак*), и т.д. В этой зоне совпадения были обнаружены в 6 реакциях: так, совпали слова: *бывает, вера, вечная, первая, страдание, страсть*. При этом остальные реакции различны.

Анализ ядерной зоны ассоциативного поля «ненависть» в РАС позволил выявить его направленность на врага, что обуславливает его объектное значение. Околядерная зона включает в себя объект или субъект ненависти; чувства, рождаемые ненавистью (*злоба, гнев, зависть, злость*), чувства, противоположные ненависти (*доброта*), синтагматические реакции к ненависти (*ушла*) и ее качественная характеристика (*большая, страшная, жестокая*). Периферийная зона затрагивает субъекта ненависти (но уже в обобщенном виде), сферу искусства, военную сферу, эмоции и чувства.

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам: во-первых, ядерное пространство концепта «любовь», согласно материалу исследования РАС и ЭАСПС, включает в себя *чувства человека, сердечную привязанность,*

счастье и имеет светский характер, тогда как его околядерное пространство характеризуется акцентом на эмоциональное состояние человека и в целом на положительные эмоции (*радость, счастье, ненависть*). При этом периферийное пространство также затрагивает эмоциональную сферу, преимущественно негативные эмоции (*страдание, страсть, брань, глупость, бедность*). С другой стороны, анализ реакций на стимул любовь в РАС и ЭАСПС показывает, что жители Сибири более чувственны, любовь для них глубокая сердечная привязанность (реакция *сердце* (8), отсутствующая в РАС, самая частотная реакция на стимул у сибиряков – *чувство* (14)), наличие ассоциатов *жена* (4), *семья* (3) позволяет говорить о том, что для сибиряка важны семейные ценности, что объясняется укладом жизни сибиряков, где традиционно ценятся семья и дети. Жители Центральной части России связывают чаще слово *любовь* с устойчивыми выражениями (*любовь с первого взгляда*(9), *до гроба* (8)), воспринимают любовь как некое абстрактное понятие, поэтизированное. Реакция-антоним *ненависть* была дана жителями обоих регионов.

Библиографический список

1. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / отв. ред. С.П. Васильева; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 185 с.
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. (РАС). URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
3. Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. изд. 2-е. М., 2003. С. 139–162.
4. Шрейдер А.Ю. Семиотика / Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article101166.html>
5. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (электронная база данных) / авт.-сост: Васильев А.Д., Васильева С.П., Шибяев М.В. (ЭАСПС): URL: <http://react.ftn24.ru/statistic>

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО САДА

SPEECH PORTRAIT OF KINDERGARTEN TEACHER

Т.Ю. Мьянамшева

T.Y. Myanamsheva

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Язык, личность, воспитатель, речь, лексикон.

Изучение речевого портрета личности в настоящее время является важной темой в лингвистике. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что воспитатель – важнейшая профессия в современном мире, поэтому изучение речевого портрета воспитателя и обращение к его языковой личности чрезвычайно актуально.

Language, personality, educator, speech, lexicon.

The study of the speech portrait of a person is currently an important topic in linguistics. The relevance of the chosen topic is due to the fact that the educator is the most important profession in the modern world. Today, the demographic issue and the issue of increasing the number of preschool institutions in our country occupy a leading position. Therefore, the study of the teacher's speech portrait and appeal to his language personality is extremely important.

Цель работы – составить речевой портрет воспитателя М.В., изучив речевые средства.

Материалами данного научного исследования являются аудиозаписи, сделанные в ходе занятий педагога с детьми.

Методами данного исследования являются общенаучные методы (анализа, сопоставления и включенного наблюдения), метод лингвистического и стилистического анализа, контекстологический и компонентный анализ.

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы». Он исследовал две ипостаси художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа [2].

Определение речевого портрета личности неразрывно связано с изучением языковой личности человека. По мнению С.В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [3], а проблема речевого портрета является частным направлением исследования языковой личности.

Предметом анализа при описании речевого портрета является характеристика разных уровней реализации языковой личности. При этом описание всех слов языка необязательно. Исследователи говорят о необходимости «фиксировать яркие диагностирующие пятна» [4, с. 73].

В данной статье продемонстрируем часть анализа особенностей речи педагога на лексическом уровне. Корректное использование лексических единиц педагогом в детском саду крайне важный фактор, свидетельствующий о наличии компетенций данной профессии [5].

В ходе занятия воспитатель нередко обращалась к воспитанникам по именам с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Костик, Крестя, Вероничка*; и без: *Дима, Костя, Кристина, Савва, Маша*. Это свидетельствует о том, что педагог создает на занятии светлую атмосферу, способствуя продуктивной совместной деятельности. Отличительной особенностью речи М.В. в общении с воспитанниками является нередкое использование поощрений. Практически после каждого удовлетворительного ответа ребенка в речи педагога фигурируют восклицания: «Гений!», «Молодец!», «Умница!». Именно за счет правильного поощрения детей в детском саду ребята растут самостоятельными и воспитанными, гармонично развиваются и самосовершенствуются.

Употребление вопросительных и восклицательных предложений – нередкое явление в речи педагога, что придает ей красочность и эмоциональность: «Правда?», «Ну посмотрите!», «А дальше?», «Как он называется?», «Какого цвета?», «Что не хватает?», «Как вы думаете?».

Речь педагога гармонично насыщена различными средствами выразительности. Например, в предложениях М.В. частотны следующие языковые единицы: *в общем, получается, на самом деле, реально, вообще, слушайте, получается*; сравнения: «Крыши синие, как колпачки»; антитезы: «Чеснок для запаха, а не для игры», «точно не фиолетовый, а синий»; фразеологизмы: «Понятия не имею», «Ушки на макушке», «Одна нога здесь – другая там», «Сядь под бочок»; олицетворения, метафоры: «Зима красавица накрыла снежными шапками крыши домов», «Зима пришла», «Снег лежит», «Загорелось окошечко» и др. Педагог владеет искусством употребления выразительных средств, а следовательно, воспитанники с раннего возраста становятся чутки к слову и способны сами метко выразить свои впечатления и наблюдения.

В ходе наблюдений за речью педагога выявлено употребление разговорной лексики: «акалай-макалай», «больно сердобольно», «вот здесь вот», «я не знаю как дело бы было» – и слов паразитов: «ну», «ага», «ух», «так». Описанные особенности не являются значительными недостатками лексики воспитателя и не могут отрицательно повлиять на процесс формирования грамотной речи воспитанников. Таким образом, были определены языковые особенности личности М.В., выявлены недостатки и преимущества.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующий факт, свидетельствующий о том, что вне речевой деятельности невозможно представить себе ни одной сферы человеческой деятельности, общения людей, духовной культуры человечества. Еще Л.С. Выготский выделял речевую деятельность как фундаментальную и видел в ней богатейшие возможности развития личности, сознания, всех познавательных процессов человека [1].

Библиографический список

1. Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 108–116.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1930. 360 с.

3. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента [Электронный ресурс] авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. С. 178–183. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003311100.pdf
4. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюзной научной конференции. М., 1991. Ч. 2. С. 73–75.
5. Якушева С.Д. Основы педагогического мастерства и профессионального саморазвития: учебное пособие. 3-е изд. М.: Неолит, 2017. 416 с. (Высшее образование. Бакалавриат).

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕИНГАШСКОГО РАЙОНА

THE TOPONYMIC PICTURE OF THE WORLD OF THE INHABITANTS OF THE AREA OF NIZHNEINGASHSKIY

А.М. Ротарь

A.M. Rotar

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasileva

Топонимия, язык, мышление, ментальный образ пространства, ментальный образ реки, ментальный образ человека, гидроним, ойконим.

В статье приведены выводы относительно темы «топонимическая картина мира жителей Нижнеингашского района»: определены народные способы параметризации пространства в сознании и его обозначения в топонимии Нижнеингашского района по определенным признакам; смоделирован обобщенный образ реки; сформирован ментальный образ человека; на основе семантического и ономазиологического анализа топонимов определен набор семантических и номинативных моделей, выявлены понятийные и чувственно-эмпирические элементы знания о действительности, заключенные в названиях.

Toponymy, language, thinking, mental image of space, mental image of the river, mental image of a person, hydronym, oikonim.

The article presents the conclusions on the topic “toponymic picture of the world of the inhabitants of Nizhneingashsky district”: the national ways of parameterization of space in consciousness and its designation in the toponymy of Nizhneingashsky district on certain grounds; the generalized image of the river is modeled; the mental image of a person is formed; on the basis of semantic and onomasiological analysis of toponyms a set of semantic and nominative models is defined, conceptual and sensory-empirical elements of knowledge of reality contained in the names are revealed.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что имена собственные представляют собой индивидуализированные словесные знаки, в нашем исследовании мы попытаемся проанализировать топонимические единицы как знаки, представляющие определенные свойства конкретных объектов и выражающие способы восприятия, осмысления и именованя данных объектов.

Цель предлагаемого исследования – воссоздание картины мира на основе структурирования ментальных образов **человека, пространства реки**, выявление ментальных стереотипов восприятия и осмысления географических реалий.

Основным методом данного исследования является реконструкция картины мира, которая выполняется в нашей работе на основе моделирования ментальных образов по материалам топонимии Нижнеингашского района. Моделирование картины мира способствует получению ответа на вопрос о том, как топони-

мия отражает стереотипы восприятия и осмысления действительности, как язык при этом организует и упорядочивает членение и восприятие мира.

В работе структурированы 3 ментальных образа: **человек, пространство, река, человек**. Для каждого образа был выявлен определенный семантический ряд. Рассмотрим их более подробно [1].

В результате нашего исследования мы выявили, что основными способами выражения **пространства** жителей Нижнеингашского района стали: коррелирующая пара *ближний – дальний* в значении относительной удаленности от номинатора, выражаемая синонимичным способом с порядковыми номерами *первый – второй*. Деревенское пространство структурировано: *центр* противопоставлен *краю*, а территория, расположенная вокруг центра, освоена и используется людьми. Топонимы, связанные с идеей близости дома, выражаются только через образ мужчины. Например, *Тимкин покос* (покос мужика Тимки находился в нескольких метрах от дома, в то время, когда многим пришлось проходить несколько километров до своего покоса); *Яковкин околок* (рядом с околком жил дед Яков). Идея удаленности выражена благодаря топонимам, связанным с образами диких животных и птиц. Например, *Петухово озеро* (недалеко от озера был расположен курятник, принадлежавший одному из хозяев деревни. В районе озера всегда было слышно пение петухов); *Овчарня* (место, где держали овец).

В топонимии района в отношении **реки** значимое место занимает семантическое поле *русло*, а именно такие его характеристики, как *верх* и *низ*. Топонимы, характерные для других семантических полей, представлены слабо, что дает нам возможность предположить, что в сознании жителей Нижнеингашского района такие показатели, как *вода, водный поток, природные условия и хозяйственное использование* не отразились в сознании людей, и не стали определяющими в процессе называния географических объектов.

Ментальный образ **человека** для жителя Нижнеингашского района ярко выражен такими семантическими полями, как: *мужчина, религия* и *мифологические представления*. Данный факт можно объяснить тем, что юридически статус владельца закреплялся за мужчиной. Важно отметить, что картина мира жителей района в самом начале XX в. была основана на религиозных представлениях. До Указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и Манифеста 17 октября 1905 г. в Российской империи по закону не допускалось внеконфессиональное состояние, существовал ряд ограничений и запретов в конфессиональной сфере. Возможно, названные Указ и Манифест и стали следствием столь широкого распространения топонимов с религиозной основой [2]. Такое семантическое поле, как топонимы с идеологическими или семантическими значениями, характерно для определенного времени, чаще всего связанного с военными действиями. Например, формирование колхозов на территории Нижнеингашского района происходило после революций и Гражданской войны, поэтому в их названиях можно наблюдать отголоски политической идеологии: «*Красная тайга*», «*Красный октябрь*», «*Красный Ашкеш*», «*Красный партизан*», «*Красный пахарь*», «*Красный сибиряк*».

Определение «красный» употребляется не в прямом значении, обозначающим цвет, а в символическом. Красные (или большевики) составляли оппозицию белым.

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам: основной особенностью картины мира жителей Нижнеингашского района является преимущественное количество отантропонимических топонимов, что обусловлено активной общественной жизнью человека, а также постоянным взаимодействием с природой в процессе хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2005. 166 с.
2. Малышкин П.А., Янченко В.Н., Прохоров С.Т. Земля Ингашская моя. Книга-летопись истории Нижнеингашского района [Электронный ресурс] // <https://ingash-admin.ru/kniga-zemlya-ingashskaya-moya> [Сайт]. URL: https://ingash-admin.ru/DOC/all/book_part1.pdf (дата обращения: 14.04.2019).

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ С. ДОВЛАТОВА

THE PROBLEM OF EQUIVALENCE OF THE LITERARY TRANSLATION OF FICTION TEXTS ON THE MATERIAL OF S. DOVLATOV' S NOVELS

П.С. Солусенко

P.S. Solusenko

Художественный перевод, эквивалентность перевода, стилистический сдвиг, семантическая трансформация, функциональный аналог.

Предлагаемая статья рассматривает явления трансформации как средства достижения эквивалентности при переводе художественных произведений.

Literary translation, equivalence of translation, semantic transformation, functional equivalent.

The given article deals with the phenomenon of texts' transformation as a means of achieving equivalence in the translation of fiction.

Одной из важнейших особенностей художественного перевода является его связь с художественной речью и ее экспрессивно-эстетической функцией. Осуществление информативного перевода существенно отличается от художественного. При художественном переводе наиболее заметно различие между ценностью и эквивалентностью перевода. На первый план при оценке качества перевода выходит не точность перевода, не максимальная его приближенность к оригиналу, а высокое литературное достоинство переведенного текста и его приближенность к художественному стилю текста-оригинала. Таким образом, полноценным переводом может быть признан текст, не просто воспроизводящий с точностью информативное содержание исходного текста, но передающий авторский замысел, его индивидуальный стиль. С этой точки зрения особый интерес для изучения представляют переводы художественных текстов отечественных писателей второй половины XX века.

Сергей Довлатов – один из наиболее читаемых отечественных писателей второй половины XX века. Его проза содержит наименования реалий советской действительности, чуждых пониманию иностранного читателя. Юмор его произведений часто опирается на комическое изображение персонажей. Для создания яркого образа героя автор нередко прибегает к использованию различных средств художественной выразительности, таких как эпитеты, метафоры, сравнения. Но самый распространенный литературный прием, используемый для описания персонажа, – это речь, которую автор вкладывает в уста своего героя, полная просторечий, жаргонизмов, сленга, а также арго и табуированной лексики. «Потому что человек, способный к непредвзятому общению, это свободный человек. Та-

ков герой довлатовской прозы – даже в тех случаях, когда он знает: век ему свободы не видать» [Арьев, 1953, с. 4].

Анализ оригинального и переводного текстов сборника рассказов Сергея Довлатова «Чемодан» позволил выявить, что нередко из-за неточно подобранного функционального аналога или же за неимением абсолютного эквивалента в языке перевода в тексте перевода происходит стилистический сдвиг – замена слов одного функционального стиля нейтральными словами или словами другого стиля, подсистемы.

При переводе следующего ниже фрагмента теряется жаргонная форма высказывания, а вместе с ней и передача непринужденных, доверительных отношений между героями:

1. – Кстати, они волокут по-русски. – *By the way, they speak Russian.* (Кстати, они говорят по-русски.)

2. – Так, может, завязать? – *Then maybe you should stop?* (Так, может, стоит остановиться?)

При переводе отклонений от литературной нормы переводчик прибегает к приему целостного преобразования словосочетаний или предложений. Утрата жаргонных элементов высказывания снимает «приземленность» персонажа, принадлежность его и собеседника к одной социальной группе – фарцовщиков, обезличивает его:

– Полтора куска с довеском чистого навара. – *One thousand seven hundred twenty-eight roubles.* (Тысяча семьсот двадцать восемь рублей.)

Просторечная лексика со значением «лицо» переводится функциональным аналогом с утерей эмоциональной информации, происходит генерализация значения:

1. – У Рымаря идиотская харя плюс оранжевый свитер.

– *He's got the face of an idiot and an orange sweater.* (У него лицо идиота и оранжевый свитер.)

2. – Это с его-то рожей!

– *With his face!* (С его-то лицом!)

Удачным примером подбора функционального аналога переводчиком может служить следующий перевод фразеологизма «морочить голову». Идиома заменяется эквивалентным по смыслу экспрессивным выражением «*trying to pull*», что, согласно теории Комиссарова, соответствует 1 уровню эквивалентности:

– Куда он делся? Чего он нам голову морочит?!

– *Where the hell is he? What's he trying to pull?*

(Где он, черт возьми! Что он пытается провернуть?)

Стилистический сдвиг при переводе происходит довольно часто. Основная причина появления стилистического сдвига – отсутствие в языке перевода эквивалентного эмоционально-экспрессивного функционального аналога.

Нередко при переводе юмористического текста происходит деформация смысла, так как не всегда лексическая единица одного языка совпадает с той же единицей другого.

– Обратите внимание на этого ффраера.

– *See that wannabe?*

«Фраер» – слово из криминального жаргона: 1) человек, не имеющий отношения к уголовной среде, неопытный, наивный; а также 2) человек, выставляющий себя выше своего реального положения, выдающий себя не за того, кем он является.

«Wannabe», согласно Кембриджскому словарю, человек, желающий быть как кто-то другой, в особенности кто-то знаменитый, или который хочет, чтобы его считали известным (a person who wants to be like someone else, especially someone famous, or who wants to be thought of as famous. Cambridge Dictionary).

При чтении переводного текста иностранный читатель может воспринять только одну из двух возможных коннотаций предложения. Перевод в данном случае получается не совсем точным из-за некоторых оттеночных значений слов.

Самое трудное при переводе – полностью воссоздать стиль писателя. Следующей трудностью для переводчика выступает точное сохранение смысла оригинального текста. Семантическая трансформация может быть разной степени значимости: от неточностей до изменения смысла подлинника.

При выборе метода перевода следует учитывать несколько факторов: контекст, фоновые знания иностранного читателя и стиль переводимого текста. Последний фактор для юмористического текста является одним из ведущих, так как часто при переводе реалий текст теряет свою лаконичность, за счет чего комический элемент становится незначительным.

Зафиксированные неточности перевода произведений С. Довлатова связаны с тем, что комический элемент текста осложняет задачу переводчика [Сальмон, 2008]. Помимо осмысления механизмов юмора, необходимо перенести сложившуюся модель на язык перевода так, чтобы не деформировать смысл и стиль, и, следовательно, вызвать у читателя именно ту реакцию, на которую рассчитывал автор оригинального текста. Тем не менее, несмотря на различие национального менталитета и языкового мышления, во многих непростых случаях переводчику удалось найти адекватные и весьма удачные переводческие решения.

Словари и энциклопедии

1. Cambridge Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/>

Источники языкового материала

1. Довлатов С. Чемодан // Собрание прозы: в 3 т. СПб.: Лимбус-пресс. 1993. Т. 2.
2. Sergei Dovlatov. The Suitcase. Translated by Antonina W. Bouis. London: One world Classics, 2011.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия. 2004.
2. Арьев А. Наша маленькая жизнь. Вступительная статья // С. Довлатов. Собрание прозы: в 3 т. СПб.6: Лимбус-пресс, 1993. Т. 1.
3. Довлатов С. Компромисс // Проза. СПб.: Лимбус-пресс, 1993. Т. 1.
4. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. Изд. Международные отношения, 1973.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода, лингвистические аспекты: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
7. Сальмон Л. Механизмы юмора: о творчестве Сергея Довлатова. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ШМЕЛЕВА

COLORFUL VOCABULARY IN LITERATURE OF I.S. SHMELEV

Д.В. Субботина

D.V. Subbotina

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific supervisor V.N. Zamyslova

Колоративная лексика, цвет, семантика цвета, литература.

Статья включает в себя анализ колоративной лексики, использованной в произведениях И.С. Шмелева (Т. 4: Богомолье). Выявлены языковые единицы, имеющие в своей структуре сему «цвет». Колоративная лексика (173 единицы) включена в структуру лексико-семантического поля «цвет» и разделена на микрополя *красного, белого, черного, зеленого, синего, желтого, серого и коричневого* цветов. Рассмотрена морфемная структура колоризмов, выражающих интенсивность цвета.

Colorful vocabulary, color, color semantics, literature.

The article includes analysis of colorful vocabulary used in literature of I.S. Shmelev (part 4: Bogomol'ye). Revealed language units have in their structure the semantics of „color”. Colorative vocabulary (173 units) is included in the structure of the lexico-semantic field „color” and is divided into microfields of red, white, black, green, blue, yellow, gray and brown. The morpheme structure of colorisms expressing color intensity is considered.

Колоративная лексика в лингвистике – это слова, раскрывающие значение цвета. Под колоризмом принято понимать языковую или речевую единицу, в состав этой единицы входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветонаименованием. Слова, обозначающие цвет как описательную единицу, выступают в прямом значении, а также могут обладать дополнительным образным значением [1].

Актуальность данной работы связана с тем, что, несмотря на появление исследований языка художественных произведений И.С. Шмелева, цветообозначение в его произведениях не являлось предметом специального изучения. **Объект** данного исследования – язык и стиль художественных произведений И.С. Шмелева. **Предмет** исследования – колоризмы в произведениях И.С. Шмелева. **Цель исследования** – изучить и проанализировать колоризмы в художественном пространстве произведений И.С. Шмелева. **Методом** сплошной выборки, контекстуального, компонентного, лингвистического анализа было проанализировано 173 колоризма из рассказов И.С. Шмелева.

Самым часто используемым цветом в произведениях И.С. Шмелева является красный (50 единиц). Отсюда в тексте содержится большое число употреблений красного цвета в значении изменения состояния героя. Колоризмы «краснеть» и «покраснеть» чаще всего выступают в значении смущения, заме-

шатательства, застенчивости, стыда: «А она чуть не плачет, **красная**, как свекла, стала и в прыщах»; «И давай по комнате ходить, как в расстройстве, и волосы ерошить. **Красный** весь сделался, воды отпил»; «Весь **красный**, воротник руками тербит, задыхается» [3].

Используя словообразовательные возможности колоратива (добавление префикса по- к основе мотивирующего глагола), автор демонстрирует действие, уже совершенное по отношению к моменту речи: «А он весь **покраснеет** и руки начнет потирать»; «У ней **покраснели** глаза и заслезились»; «Она топотала, кончик носа у ней **покраснел**, а подкраска смазалась и открыла пятнышки на щеках».

Одни из самых часто используемых в творчестве писателя встречаются единицы ЛСП, представленного гиперсемой «белый». Общее количество употреблений слова с его возможными словоизменениями составляет 39 единиц. Выразительную функцию выполняет колоратив «белый» при описании неба: «А тут напозла густая, как дым, туча, закрыла **белое** небо и полила потоки». При изображении объектов природного мира, автором используется колоратив «белый» в номинативном значении «цвета снега» для описания снега: «Светло так стало в квартире, а за окном стена **белая**, сыплет густо-нагусто». Колоративной лексеме «белый» свойственно значение «бледный». Оно выступает в тех случаях, когда автор говорит об изменении состояния героя: «Так все и забилося во мне. А это она, жиличка наша, Раиса Сергеевна, **беленькая-то**... В жакеточке и башлычке...»; «А барышня Гуттелет такая **бледная** и усталая смычком водит, как во сне».

Прилагательные, образованные от слова *бледный* с приставкой по-, выражающие белый цвет, используются писателям для характеристики психологического состояния персонажа: «Увидал, как треплется выбившаяся черная прядка волос, увидал **побледневшее** под тонкой окраской лицо, совсем мальчишеское теперь».

Достаточно часто автором используется черный цвет. При описании цвета рук, кожи героя колоратив «черный» несет номинативное значение «цвет сажи, угля»: «Маленький такой и **черненький**, как блоха, он очень цапкий и может говорить».

Достаточно часто И.С. Шмелев использует синий цвет, который является символом простоты, естественности в героях: «Это был не прежний „святой чертенок“: это был кузнечик с головой женщины, дразнивший его яркой окраской рта и тонко тронутыми наводкой прелестными **синими** глазами». Также данное значение колоризма используется при описании одежды героев с употреблением прилагательного, характеризующего оттенок синего цвета или сам синий цвет, автор хотел показать нравственную чистоту героя или его принадлежность к высшим слоям общества: «Заведующий такой бойкий, франт такой, **голубенький** платочек в кармашке»; «В капоте **голубом**, ну не как девочка, а как солидная барыня».

Серый цвет входит в составе ахроматических цветов, лексико-семантическое поле его представлено большим количеством периферийных единиц («серебряный», «сизый»). При описании внешности персонажей серый цвет в большинстве своем представлен колоративом «сизый». Отрицательную коннотацию приобретает колоризм «серый» при описании цвета лица персонажа: «Под кумачным подзором у образов сердито глядели с опухшего **серого** лица чьи-то оловяно-

ные глаза – так они были тусклы – и щетинились рыжие усы»; «Лесник достал из-под лавки бутылку, взболтнул на огонек и разлил по чашкам. Солдат понес, расплескивая, запрокинулся, поперхнулся и вскинул брови: стало его лицо **сизым**» (сизый – цвет плохого самочувствия персонажа).

Цветопись – это один из приемов литературы, широко используемый писателями в своем творчестве. Использование цвета в художественном произведении интуитивно, подсознательно. Поэтому при изучении творчества того или иного писателя цвет для исследователей имеет особый интерес, так как отражает авторское индивидуальное видение мира [2]. При исследовании цветовой картины мира И.С. Шмелева было выявлено многообразие цветообозначений, используемых писателем в творчестве. Он употребляет как ахроматические, так и хроматические цвета, последние из которых представлены наличием большого количества периферийных единиц. Цветовые предпочтения автор отдает красному, белому и черному цветам. Белый и синий цвета несут в себе положительную семантику чистоты, вечности, духовности. Красный цвет является амбивалентным по своей семантической нагрузке. Преобладание красного цвета в рассказах И.С. Шмелева свидетельствует о многогранной и порой противоречивой натуре писателя. Красный символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни, а с другой стороны – вражду, месть, войну.

Библиографический список

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке: монография. М.: Наука, 1975. 292 с.
2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и название цвета в русском языке: монография. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4: Богомолье: роман. Рассказы. 41 с.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О СЕМЬЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРОПОЗИЦИЙ

RUSSIAN PROVERBS ABOUT THE FAMILY: SEMANTIC TYPES

Тан Кэсинь

Tang Kexin

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser E.V. Osetrova

Пословица, логическая пропозиция, состояние, действие, семья.

В статье на базе семантического анализа выявлены семь типов пропозиций, оформляющих содержание пословиц о семье: состояние, характеристика, сопоставление, сравнение, отождествление, условие и следствие. Преобладает в пословицах положительная некатегоричная оценка семейных взаимоотношений, которая транслирована через понятия *любовь, ласка, забота, доброта, теплота, дружба, совет, согласие, лад, честность*. Вместе с *умом и трезвостью* они становятся основой *славы, почета и благодати*.

Proverb, logical proposition, condition, action, family.

Based on the semantic analysis, the article reveals seven types of propositions that define the content of proverbs about the family: condition, characterization, comparison, collation, identification, condition and consequent. The proverb prevails The proverb prevails positive non-categorical assessment of family relationships, which is described through the concepts of *love, affection, care, kindness, warmth, friendship, advice, consent, harmony, honesty*. Together with *intelligence and sobriety*, they become the basis of *glory, honor and grace*.

Русские пословицы, являясь достоянием всего народа, складывались исторически и обобщили коллективный опыт и общую народную мудрость.

В качестве материала исследования из словарей, книг и интернет-базы отобрано 264 пословицы о семье. Такой выбор обусловлен тем, что устойчивые высказывания хорошо подходят для передачи нравственных норм семейного воспитания. «Всплывая» в сознании в виде сентенций, пословицы дают готовые правила поведения и общепризнанные оценки. В итоге грамматическая фиксированность пословиц как нельзя лучше соответствует сфере «семьи» – сфере традиционного воспитания и жизненной стабильности.

Цель исследования – проанализировать семантику пословиц и выявить типы пропозиций, которые используются для описания семейной сферы.

Пропозиция определена в лингвистике как «некое положение дел» – языковой аналог ситуации (событийная пропозиция) либо логической операции (логическая пропозиция) [1; 2; 3]. Отметим, что здесь рассмотрены только пропозиции «верхнего» синтаксического уровня. Это значит, что если пословица представлена как сложное предложение, то пропозиции составляющих его простых предложений не анализируются.

Анализ показал, что исследуемые пословицы базируются на нескольких основных типах пропозиций. Рассмотрим их, обозначая для каждой пословицы

знак оценки: положительная оценка (+), отрицательная оценка (–), двойственная оценка (+ / –).

Пропозиция психической и как варианты физической и социальной сфер описывает различные **состояния**, например, эмоциональные (эмоции и чувства), познавательные (ощущение, восприятие, внимание, воображение, память, мышление, речь), волевые (воля), физические, как относительно устойчивое явление, имеющее место *в семье*, у ее членов (*жена; у мужа*) или в ее характерной локации – *в материнском сердце*; например: В материнском сердце про всех детей ласки хватит (+); В семье любовь да совет, так и нужды нет (+); В дружной семье и в холод тепло (+); В семье и каша гуще (+); У мужа (перед мужем) жена всегда виновата (–).

Семья в пословицах может быть представлена, кроме того, через пропозицию **качественной характеристики**, где объектом выступает тот или иной член семьи, (или семья в целом), а сама характеристика расположена в позиции сказуемого; ср.: Три друга [характеристика]: отец, да мать, да верная жена [объект](+); Трезвый отец – детям образец (+); Доброю женой и муж честен (+); Для матери ребенок – до ста лет дитенок (+); Ленивый сын хуже петли на шее (–).

Заметим, что объектом характеристики может оказаться и тип семейных взаимоотношений (*ласка, забота, согласие*); ср.: Материнская ласка конца не знает (+); Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет (+).

Совершенно естественно, что в основе многих пословиц о семье лежит **сопоставление** – логический тип пропозиций, который обычно выражается союзом *а* либо синтаксическим нулем. Суть данной логической операции состоит в количественном или качественном соотношении разных свойств (сходств, отличий, преимуществ и недостатков) двух и более объектов: Дерево держится корнями, а человек семьей (+); Деток родить – не веток ломить (+/–); Два брата – две судьбы (+/–); Сынами славен, дочерьми честен (+).

За рамками высказываний, сопоставление регулярно «подталкивает» адресата решить, какой из вариантов является предпочтительным: Жену выбирай не глазами, а ушами (+); Не хвались отцом, хвались сыном молодцом (+); Не мы на детей походим, они на нас (+).

Более того, выделена группа пословиц, в которых сопоставление почти переходит в разряд противительности – настолько контрастны сопоставляемые объекты: Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил (+); Умный сын – отцу замена, а глупый – не в помощь (+/–); В семье не без урода, а на урода все не в угоду (–).

Итак, из анализа 3 представленных типов пропозиций видно, что **состояние** и **качество** семьи в целом – хорошее или плохое – определяется качеством составляющих ее субъектов – *отцом, матерью, детьми – сыновьями, дочерьми*. Эти качества, в свою очередь, **сопоставляются** и могут иметь различный знак оценки. Однако видно, что большая часть из собранных пословиц связывает языковой образ семьи с положительной оценкой.

Сравнение как тип пропозиции представляет уподобление одного субъекта, или предмета, или ситуации, или качества другому субъекту, предмету, ситуации или качеству; выражается эта логическая пропозиция союзами «как», «что», «вроде», «как будто», «словно», «каков ... таков»; например: *Как две капли воды. Точка в точку, как мать в дочку (+); Мужнее (Женино) добро, как зимнее тепло (+); Семья без детей что цветок без запаха (-); Какова мать, таковы и дочери (+/-); Кто красен дочерьми да сынами в почете, тот в благодати (+).*

Сравнение может оформляться и через иносказание, в основе которого лежит метафора – яблоня (родители), яблочко (ребенок): *Яблочко от яблони не далеко падает (+/-).*

Отождествление – тип логической пропозиции, фиксирующий полное сходство, совпадение двух соотнесенных объектов. Семья, ее характеристики и субъекты, ее составляющие, своеобразны и сложны по природе, поэтому абсолютный знак равенства народное сознание ставит очень ответственно: *Муж да жена – одна душа (+).* Здесь, как видно, параметром отождествления определена душа – самая ценная составляющая человека.

Завершают типологию пропозитивных типов – **условие** и **следствие** – определяемые соответственно как первоначальный фактор (условие), способствующий возникновению неких последствий (следствие), превращающих возможность в реальную действительность. При этом данные пропозиции двухчастны и различаются лишь союзными формами, которые актуализируют ту или иную логическую операцию; см. пример, описывающий условие: *Пока не родится сын – не оценишь отца, пока не станешь матерью – не оценишь мать (+).*

Однако типичен вариант, когда условные отношения, связывающие два положения дел, подразумеваются в самом содержании высказывания, а поэтому их языковые формы отсутствуют и мы сталкиваемся с нулевым (имплицитным) выражением пропозиции, ср.: *В мире жить – с миром житье (+); Согласие да лад – в семье клад (+).*

Пропозицию следствия реализуют фразеологизмы: *Вся семья вместе, так и душа на месте (+); Не дал шапки отец, так пусть уши мерзнут (-).*

В заключение раздела сделаем следующие выводы.

Фразеологизмы о семье представлены семью основными семантическими (пропозитивными) типами: состояние.

Событийная пропозиция состояния оказалась весьма популярной в границах семейной тематики, поскольку позволяет делать акценты на эмоциональном и социальном положении семьи.

Шесть других выявленных типов «помещают семью» в рамки логического пространства – характеризуя, сопоставляя, сравнивая, отождествляя ее события, ее параметры и ее субъектов. Для языкового сознания, таким образом, важен не только состав элементов, из которых состоит семья, но и соотношение и взаимосвязи, существующие между этими компонентами.

Показательно, что эти соотношения и связи русское народное сознание оценивает не категорично. Так, логическая пропозиция противопоставления практи-

чески не представлена в собранной базе данных. Это свидетельствует, что русское народное сознание избегает резкости, прямого столкновения различных точек зрения, выбирая более нейтральное сопоставление.

Другой спецификой пословиц «семейной» семантики является то, что они буквально пронизаны оценкой. Все собранные пословицы о семье несут в своем значении оценку: 60 % высказываний передают положительную оценку семьи; 29 % – отрицательную оценку; 10 % – двойственную оценку.

Преобладающей, как видно, оказывается положительная оценка семейных взаимоотношений, которая оформляется через понятия и соответствующие им лексемы *любовь, ласка, забота, доброта, теплота, дружба, совет, согласие, лад, честность*. Вместе с *умом и трезвостью* они становятся основой *славы, почета и благодати*. Противоположные, отрицательные представления о семье связаны с *ленью, нуждой, глупостью, виной*, которые приводят семью к *позору*.

В целом все сказанное показывает особую причастность русского народного языкового сознания к пространству семьи, ее важное место в общей системе ценностей.

Библиографический список

1. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения. Красноярск, 2012. 275 с.
2. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Русский язык сегодня: сб. ст. М., 2003. С. 493–501.
3. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994. 47 с.

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

CONCEPT «HAPPINESS» IN MODERN MEDIA TEXTS

К.С. Федоркина

K.S. Fedorkina

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Концепт, языковая картина мира, медиатексты, счастье, метафора.

В статье на базе семантического анализа раскрыто содержание концепта *счастье*. В медиакартине мира оно представлено в пяти семантических типах: эмоциональный процесс; эмоциональный результат; объект умственной деятельности; человек; оценочная характеристика. Ряд выделенных позиций развивается через языковую метафору: *захлебываться от счастья; построить счастье; счастье выпало*.

Concept, language picture of the world, media texts, metaphor, happiness.

The article on the basis of semantic analysis reveals the content of the concept of happiness. In the media picture of the world, it is presented in five typical meanings: the emotional process; emotional outcome; object of mental activity; subject; evaluation characteristic. A number of selected positions are developed as metaphor: *choking with happiness; building happiness; good fortune*.

Объектом исследования является концепт *счастье* в современных медиатекстах, а его целью – выявление семантики данного концепта на основе синтаксической сочетаемости. В качестве материала использованы статьи, опубликованные на сайтах популярных российских газет «Комсомольская правда» и «Известия» в период с сентября 2013 по август 2014 г.

Научная основа работы – теория языковой картины мира, которая, наряду с языковым анализом целых ситуаций, обращает внимание на отдельные образы и концепты (ср., в частности [3; 6, с. 62]). Исследованию концептов посвящены труды многих современных лингвистов: Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачева, Анны А. Зализняк, В.И. Карасика, И.Б. Левонтиной, Ю.С. Степанова, А. Д. Шмелева и мн. др. (см. обзор работ в [5]). В общем все они понимают концепт как значимую единицу мыслительной культуры, созданную в сознании человека под влиянием множества факторов.

В отношении данного феномена используют разные термины: собственно «концепт», «ключевое слово», «ключевая идея» [1]. Общепринятым, однако, считается первый из названных терминов, который и введен в рамки данного исследования.

Начнем анализ концепта с описания его словарного значения.

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова даются следующие значения: *счастье* – «1. Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью. 2. Успех, удача (преимущ. случайная). 3. Участь, доля, судьба (простореч., обл.)» [7]. В толковом словаре С.И. Ожегова

и Н.Ю. Шведовой *счастье* – это «1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения; 2. Успех, удача» [2] .

Проанализировав лексические значения данного понятия, можно сделать вывод, что *счастье* трактуется как 1) эмоциональное состояние, как 2) результат какой-либо деятельности либо как 3) жизненная предопределенность – неизменяемая характеристика.

Обратимся далее к материалам газетных текстов и зададимся вопросом, какое содержание названного концепта проявилось в медиапространстве. В ходе анализа ключевого понятия «счастье» выявлены следующие характерные для этого концепта семантические позиции.

Счастье как эмоциональный процесс – семантическая позиция, которая описывает ощущения или чувства человека, связанные с данным состоянием.

Чаще всего эта семантическая позиция передается через сочетания одноименной лексемы с глагольными формами несовершенного вида либо с девербативами. Обратимся к примерам: *И я испытываю счастье, когда вижу глаза мальчишек, которых учителя затащили сюда на экскурсию, а потом не могут от этих машин оттащить* (В. Демченко. Комсомольская правда, 2014.08.07); *Но зато все местные телеканалы, захлебываясь от счастья, объясняют зрителям, «как молдавские космические корабли бороздят просторы евроинтеграции»* (Д. Асламова. Комсомольская правда, 2013.11.12).

Счастье как конечный эмоциональный результат некоего процесса образует второе значение медиаконцепта; см. примеры: *Все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на **стремление к счастью*** (М. Соколов. Известия, 2014.04.08); *Сейчас эта женщина **нашла свое счастье*** (М. Шахназаров. Известия, 2014.06.26); *Прожив на этом свете 90 лет, пришлось пройти через многие катаклизмы, переживания, отведать и сладкое, и горькое, **познать счастье** творческое и личное...* (А. Осипов, А. Алексин. Комсомольская правда, 2014.08.06).

Данное значение развивается чаще всего в сочетаниях соответствующей лексемы с глаголами совершенного вида – с семантикой завершенности действия. При этом «счастье» выступает объектом действия, а в предложении является дополнением.

Значение счастья как эмоционального результата (итога), кроме того, фиксируется в позиции вводной конструкции, оформленной соответствующей лексемой в дательном падеже с предлогами «к» или «по» – *к счастью / по счастью*. Примеры с данной семантикой зафиксированы в следующих фрагментах: *Несмотря на пережитое, ребята, **к счастью**, вполне жизнерадостны и держится бодро* (Е. Чинкова. Комсомольская правда, 2014.08.01); ***К счастью**, судебные органы в РФ принимают решения на основании доказательств, а не на основании пиара* (М. Ремизова. Комсомольская правда, 2014.08.05).

В результате видно, что в границах выделенной синтаксической позиции особо актуализируется положительная семантика концепта, усиленная, во-первых,

эмоцией облегчения, а во-вторых, ближайшим контекстом, в котором говорится о каких-то отрицательных событиях, которые в итоге удалось избежать.

В третьей семантической позиции концепт «счастье» предстает как делибератив – объект умственной деятельности человека: *Но станем ли мы верить манипуляторам и обрезать наше понимание любви и счастья?* [В. Маркин; Известия, 2014.05.29].

В ряде контекстов происходит фактическое очеловечивание концепта, когда «счастье» используется в качестве заместителя субъекта, являющегося его источником: *По счастью, подросел чужой двухметровый папа и водрузил мое неуклюжее счастье обратно* [У. Скойбеда. Комсомольская правда, 2014.05.30]. Понятно, что такое использование концепта обусловлено метафорой, что характерно в целом для публичной коммуникации [Осетрова 2007]. В данном случае *неуклюжее счастье* подразумевает ребенка.

Отдельную семантическую позицию занимает в структуре медиаконцепта «счастье» как оценочная характеристика. При этом объектом такой характеристики выступают либо предмет, либо субъект, либо процесс; ср.: *Корка хлеба – счастье, без вранья!* [А. Гамов, Л. Моисеева; Комсомольская правда, 2014.07.16]; *Он для меня самый близкий, родной человек, он – мое счастье, моя жизнь* [Е. Лаптева; Комсомольская правда, 2013.09.19]; *Понять... Что можно быть слабой, и это не преступление. Что любить – это счастье. И ссориться – это счастье* [Н. Киселева; Комсомольская правда, 2014.07.17]. Видно, что такая семантическая позиция оформляется чаще всего в составе именного сказуемого, содержание которого позволяет понять, с чем ассоциируется счастье в современной медиакартине мира.

Подведем итоги исследования.

1. Концепт «счастье» в медиакартине мира представлен в пяти типичных значениях: 1) эмоциональный процесс (*испытывать счастье; захлебываться от счастья*); 2) эмоциональный результат (*стремиться к счастью; построить счастье*); 3) объект умственной деятельности (*понимание счастья*); 4) субъект (человек) (*неуклюжее счастье*); 5) оценочная характеристика (*ребенок / корка хлеба / любить – это счастье*).

2. Ряд выделенных семантических позиций развивается через языковые образы-метафоры: *захлебываться от счастья; построить счастье; дарить счастье; счастье выпало*.

3. Все выделенные семантические позиции *счастья* развивают первое или второе словарное значение, по Д.Н. Ушакову: ‘довольство, благополучие’ (эмоциональное состояние) либо ‘успех, удача’ (результат деятельности). Третье значение – ‘участь, доля, судьба’ (жизненная предопределенность) в пространстве современных медиа-концептов не развивается.

Библиографический список

1. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
3. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения. Красноярск, 2012. 275 с.
4. Осетрова Е.В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник. Иркутск; Красноярск; Москва; Омск; Хабаровск; Чита, 2007. С. 124–138.
5. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62, № 1. С. 49–54.
6. Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. 2011. № 15 (Online). С. 55–82.
7. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.

ИНТЕГРИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА В МЕТОДИКУ РКИ

INTEGRATION OF MUSICAL TEXT IN TRAINING RUSSIAN LANGUAGE OF FOREIGN STUDENTS

Хэ Синьюй

He Xinyu

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Популярная песня, русский язык как иностранный, критерии отбора, аннотирование.

В статье описана популярная песня как оригинальный материал для обучения русскому языку в иностранной аудитории. Представлены этапы работы с музыкальным текстом (отбор песен, их аннотирование, работа в аудитории) и образцы грамматических заданий.

Smash hit, Russian as a foreign language, selection criteria, annotation.

The article describes a *smash hit* as the original material for learning Russian in a foreign audience. The stages of the methodic work with musical text (selection of songs, their annotation, class work) and samples of grammatical tasks are presented.

Музыкальный текст – особый тип текста, в котором содержательная языковая основа поддержана и усилена мелодической рамкой; он и является в данном случае объектом исследования. Рассмотрены, кроме того, обстоятельства использования этого типа текстов на уроках русского языка как иностранного [1; 3]. Определение этих обстоятельств – цель научного анализа. В качестве материала использованы тексты русских популярных эстрадных песен, в частности, «Я – это ты, ты – это я» (исполнитель М. Насыров), «Будь или не будь!» (исполнитель А. Пугачева, Ф. Киркоров), «Туманы» (исполнитель Макс Барских) и др.

На начальном этапе анализа актуализированы **критерии отбора музыкальных текстов**. Автор следует за идеями Е.В. Какориной, которая одной из первых рассмотрела методические возможности песенного материала [2]. Она утверждает, что в выборе песен важно учитывать предпочтения самих студентов и вместе с тем, расширяя их кругозор, воспитывать хороший музыкальный вкус.

Что касается самих критериев, то они представлены в следующих методических установках.

Текст песни должен соответствовать уровню студентов.

Текст не должен быть слишком простым (например, детские песенки для студентов продвинутого уровня владения языком) или слишком трудным (например, русские романсы для студентов начального уровня владения языком). В том и другом случае это может создать трудности с удержанием внимания на содержании языкового упражнения.

Песня предпочтительно должна быть известна, а в лучшем случае – популярна в среде натуральных носителей языка и среди иностранцев, изучающих этот язык.

Совсем не обязательно, чтобы студенты знали ее полный текст. Однако хорошо, если они в целом знакомы с ней, слышали ее раньше – не только на занятии, но и в повседневной жизни. Это способствует удерживанию в памяти лексико-грамматических конструкций, которые связываются со знакомой мелодией и запоминаются таким образом намного легче и быстрее. Кроме того, песня, популярная среди натуральных носителей языка и ее знание способствуют успешной культурной адаптации иностранных студентов.

Текст выбранной песни должен включать в свой состав пример (примеры) по усваиваемой теме – фонетической, лексической или грамматической.

Предпочтительно, чтобы в тексте был целый ряд примеров на отрабатываемую языковую проблему, чтобы студент увидел несколько форм использования слова или синтаксической конструкции. Для этого можно использовать как полный вариант песни, так и его фрагменты.

Наконец, дикция певца должна быть четкой, а темп исполнения более или менее умеренным и ритмичным.

Это очень важный критерий, поскольку слушателями в данном случае оказываются студенты-иностранцы, важнейшая задача которых – оперативно понять общий смысл текста и далее – содержание его конкретных частей.

Второй важнейшей составляющей, связанной с методикой введения музыкального материала, является **аннотирование песенных текстов** в широком его понимании.

Знакомство студентов с содержанием песни (ее аннотацией) в электронной презентации либо в печатной форме снимает возможные лексические и грамматические трудности, мешающие восприятию и пониманию.

Важно заметить, что в зависимости от уровня владения русским языком в группе аннотация может быть более или менее подробной. Кроме полного или краткого пересказа содержания на русском языке, аннотация может включать:

- 1) перевод песни на родной язык аудитории либо на язык-посредник (например, английский);
- 2) толкование новых слов, которое, с точки зрения преподавателя, может быть затруднено;
- 3) краткую биографию композитора, поэта и / или исполнителя;
- 4) рассказ о ярких событиях, связанных с историей создания песни.

Как видно, аннотирование – фаза, требующая детальной предурочной подготовки преподавателя, его общей ориентированности в музыкальной сфере.

После отбора песни и подготовки аудитории к ее восприятию наступает этап практической работы. Поэтому последней – третьей – составляющей введения музыкального текста в методику РКИ является **работа с текстом**.

Некоторые песни как будто специально написаны для отработки грамматики, другие позволяют закрепить лексический материал, третьи – перейти к правилам речевого общения.

Приведем несколько примеров популярных русских песен, которые позволяют организовать грамматическую работу.

Для закрепления грамматической темы «Прошедшее время глагола» хорошо подходит материал песни «Туманы» (исполнитель Макс Барский). Лексика песни несложна, что дает возможность сосредоточиться на отработке глагольных форм в аспекте мужского (*думал, упустил*) и женского (*пришла, поняла*) рода, а также аналитических форм (*был не прав*) и форм с отрицанием (*не пришла, не прав, не поняла*); см. фрагмент песни:

Ты сегодня не пришла.

Я долго думал почему?

Может, что-то упустил, или где-то был не прав.

Может, ты не поняла.

Песня «Буду с тобой» (исполнитель Sasha Dith) может послужить удачной основой для освоения темы «Будущее время глагола»; например:

Я буду с тобой,

Ты будешь со мной,

И Мы вместе пойдем гулять под луной!

Я буду любить,

ты будешь молчать,

В глазах я твоих увиджу печаль.

Как видно, в тексте присутствуют простые (*пойдем, увиджу*) и аналитические (*буду любить, будешь молчать*) формы будущего времени, а также примеры изменения глагольных форм по лицам (*буду – будешь*).

Тему падежных и числовых форм личных и отрицательных местоимений эффективно закреплять с помощью песни «Я – это ты, ты – это я» (исполнитель – М. Насыров); в частности:

Я – это ты, ты – это я,

И никого не надо нам.

Все, что сейчас есть у меня,

Я лишь тебе одной отдам.

В группах с хорошим знанием языка на этом же материале можно говорить и о семантике личных местоимений, зоне пересечения их значений, когда *Я = Ты*, а *Ты = Я* (любовь, дружба, семья).

Изучение на занятии по РКИ песни «Будь или не будь!» (исполнители – А. Пугачева, Ф. Киркоров) гарантирует отработку не только повелительного наклонения глагола *быть* – одного из базовых глаголов русской грамматики:

Будь со мной мальчиком, пушистым зайчиком,

Хрупкою деточкой или не будь со мной.

Будь со мной мастером, Будь со мной гангстером,

Я буду девочкой, или не будь со мной.

Будь или не будь, делай же что-нибудь...

Тот же материал позволяет продемонстрировать его сочетаемость – сопряженные с ним конструкции творительного падежа и разницу в их значениях: *быть кем / чем?* (значение роли) и *быть с кем?* (значение соучастника).

Итак, последовательная организация работы с текстами песен существенно облегчает процесс обучения русскому языку как иностранному как для преподавателя, так и для студентов. Для совершенствования этого процесса и предпринято данное исследование:

- определена специфика песни как методического объекта, содержание которой поддержано мелодической рамкой;
- обоснованы четыре ведущих критерия отбора песни для занятий по РКИ: соответствие текста уровню студентов; популярность песни, наличие в ней языковой (методической) проблематики; четкость и ясность исполнения;
- представлена структура аннотации песни: ее содержание, перевод, толкование слов, биографический и историографический блоки;
- продемонстрированы конкретные примеры грамматической работы с песнями на уроке РКИ.

Для поддержания интереса учащихся рекомендуется менять формы работы с песней, разрабатывать новые виды заданий и упражнений, использовать презентационный аудио- и видеоматериал.

Библиографический список

1. Какорина Е.В., Савченко Т.В. О базовых принципах и методах преподавания РКИ в школе. URL: http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200900713
2. Какорина Е.В. Социокультурный аспект песенных материалов. URL: http://www.gim29.tomsk.ru/files/img/13_publ.doc
3. Клобукова Л.П., Гудков Д.Б. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. 2001. Сер. 9, вып. 6. С. 244–257.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПРОТОИЕРЕЯ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА

SPEECH PORTRAIT OF ARCHPRIEST ARTEMY VLADIMIROV

Т.В. Царинная

T.V. Tsarinaia

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Языковая личность, модель языковой личности, речевой портрет, язык, речь, религия.

Цель работы – дать характеристику речевого портрета протоиерея Артемия Владимировича. Исследовательские поиски направлены на типовые черты речевого поведения языковой личности. Объектом исследования в русле теории церковного дискурса являются смыслообразующие процессы, направленные на трансляцию опыта веры или приобщения к системе религиозных взглядов.

Language personality, language personality model, speech portrait, language, speech, religion.

The purpose of this work is to give a message of the speech portrait of Archpriest Artemy Vladimirov. Research searches differ in typical features of the language language speech behavior. The objects of research in line with the theory of church discourse are semantic processes.

Вопрос о необходимости изучения языковой личности для лингвистики далеко не новый. Актуальным и важным представляется также развитие теории языковой личности в проекции соотношения в личности «языка» и «речи», «внутренней» языковой компетенции и «внешней» ее реализации. Такой подход приводит к осознанию понятия «речевого портрета личности». Именно в последнее время в отечественном языкознании сформировалось особое направление, изучающее языковую личность с точки зрения описания ее речевого портрета.

Цель работы – дать характеристику речевого портрета протоиерея Артемия Владимировича. Предметом исследования являются языковые элементы, формирующие речевой портрет протоиерея Артемия Владимировича, отражающие особенности его речи и речевого поведения. Материалом для анализа послужили тексты различных жанров: тексты-выступления, интересные с точки зрения проявления подготовки протоиерея Артемия Владимировича в выражении своей авторской и гражданской позиции, а также разрозненные высказывания – интервью, представляющие особый интерес, поскольку интервью ближе к живой речи, и поэтому в нем особенности речевого портрета могут проявиться ярче и непосредственней.

Современная духовная речь отца Артемия Владимировича представляет собой совокупность жанровых разновидностей, функционирующих в сфере религии. Духовная речь включает тексты на русском и староцерковнославянском языке (Священное Писание, молитвы, псалмы) и речевые произведения на современном русском литературном языке (проповеди, церковные послания иерархов). В связи

с этим специфика речевой организации заключается в особом соотношении и взаимодействии элементов двух языковых систем – древней и современной.

Система языковых средств пронизана архаичными компонентами всех уровней, образующих в сочетании с единицами современного русского литературного языка стилистическое своеобразие.

В результате анализа текстов устной и письменной речи протоиерея Артемия Владимировича было обнаружено следующее.

1. Несмотря на преобладание в проповеди священника современной орфоэпии, отмечается применение отдельных произносимых звуков, которые сочетаются с традициями старославянского произношения. В духовных наставлениях отмечено: а) сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования в безударных позициях: [о] ни[спо]слании; б) произношения ударного нелабиализованного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными: при[н'эс], возне[с'эт], спа[с'эт], [м'эрт]вых, от[цэм], ду[шэ]ю, ко[п'ијэм]; в) побуквенное произнесение некоторых флексий в грамматических формах: Свят[аго] Духа, кающе[го]ся, императора Феодосия Млад[шэго], свят[аго] Иоанна Златоуста, Свят[аго] Духа. 2. Лексические особенности: славянизмы и церковнославянизмы (богоизбранный, милосердие, Божие повеление, благодеяние, благобытие, славолюбие). 3. Морфологические особенности: императивные формы, представляющие собой соединения спрягаемой формы глагола в 3-м лице единственного числа с частицей да («...да не будет сего...»; «...это вот да будет уроком для всех...»; «...сей день воскресения Христа да пусть будет для нас днем радости...»). 4. С точки зрения синтаксиса проповеди Артемия Владимировича отвечают нормам современного русского языка. В стремлении разнообразить свое выступление проповедник использует устаревшую книжную лексику, особый порядок слов и синтаксический параллелизм. Например, «Слово о Боге-Троице»: «...любовь ко Иисусу Христу открывает нам любовь Божию! Мы любим Христа, а в ответ на эту любовь получаем себе любовь Божию. Любя Христа мы получаем в ответ любовь к Богу...».

Экспрессия речи достигается тем, что владеющий церковнославянским и русским языком священник смешивает в проповеди оба варианта, используя архаизмы и историзмы. Например, высказывания из Священного Писания; обращение протоиерея к прихожанам «братия и сестры»; устаревшее окончание родительного падежа «Во имя Отца и Сына и Святого Духа»; предлоги (Господь ведет ко спасению, погибаем во грехах, пали со страхом).

Повторы слов и фраз усиливают эмоциональность речи и акцентируют внимание слушателей на необходимых нюансах: «Вы народ избранный, народ святой, народ особо усердный к добрым делам, царственное священство. Вы – Божьи, но не свои, не себе сами принадлежите»; «Молящийся Господу – единый дух с Господом». Центром симметрии и семантическим ядром высказываний является понятие «любовь» [1]. При этом повторяющиеся элементы – «любовь к Христу» и «любовь Божия» являются бинарными компонентами, представляющими собой одновременно автономны понятия и единство, воплощающее слова Спасителя: Я и Отец одно.

В рамках одного текста Артемия Владимировича «О страстях человеческих» наблюдается смешение лексики. Данный текст пронизан книжной (уповающая, врачевание, вожделевает, исступление), разговорной (прилепиться, запихнуть, жаждет, страстишка, урвать, сдирает), устаревшей лексикой (дарует, алчет, плоть, очи, риза), а также старославянизмами (волчцы, чрез, вкушение) и цитатами из Священного Писания («Тебе подобает, яко Твое есть царство и сила и слава»). Однако это не нарушает стилистические нормы публицистической речи, а способствует усилению ее действенности. Такое обращение к иноязычной лексике вполне оправданно, разговорная лексика оживляет речь, а книжный стиль добавляет официальности [2]. В своих текстах протоиерей использует нанизывание однородных членов, сравнительные обороты: «Людам еще не поздно одуматься, как благоразумному разбойнику»; «от самолюбия и эгоизма, вокруг которого мы вращаемся, как вокруг своей оси вращается одновесельная шляпка»; «Нам необходимо очиститься от смертоносных страстей: гнева, гордости, похоти во всех ее проявлениях»; «на Господнем суде должны разбить цветник в сердце своем, взрастить живые цветы Христовых совершенств: мира, смирения, чистоты, радости, мужества, долготерпения, а особенно милосердия, любви, непрестанной молитвы» [3]. В проповедях, выступлениях по радио, на телевидении Артемий Владимирович использует разные тональные вариации, громкость, темп речи и длительность пауз.

Библиографический список

1. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. С. 87.
2. URL: <https://vk.com/batushkainfo/>
3. URL: <http://artvladimirov.ru/>

КИТАЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ (СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

CHINESE VIEW ON THE WORLD (SPECIFIC LANGUAGE CHARACTERISTICS)

Чжан Сяоминь

Zhang Xiaomin

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Языковая картина мира, антропоцентричность, образность, действие.

В статье на основе готового методического материала определены особенности китайских представлений о мире. Они сформулированы как «цельность действия», «одномоментность “перехода”», «антропоцентричность действия и звука» и «образность представлений о мире». Это демонстрирует зафиксированную в грамматике и лексике ориентацию на человека, а кроме того, акцент на действие как на важную жизненную характеристику.

Language picture of the world, anthropocentricity, imagery, action.

In the article, on the basis of the methodological material, the features of Chinese ideas about the world are determined. They are formulated as “wholeness of action”, “simultaneousness of transition”, “anthropocentricity of action and sound” and “metaphorical perception of the world”. It demonstrates a person’s orientation, fixed in grammar and vocabulary, as well as an emphasis on action, an important vital characteristic.

Понятие языковой картины мира относится к числу фундаментальных проблем лингвистики, а ее проблематика усиливает свою актуальность с каждым десятилетием. Оно описывает специфику взаимоотношений человека с миром, его особый взгляд на мир, выраженный в языке [4].

В каждом языке зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира другого языка. С учетом сказанного, цель данной работы – исчислить специфические характеристики китайской языковой картины мира на готовом языковом и методическом материале [2].

Существуют разные методы выявления специфики языковых представлений о мире; одним из популярных является, например, использование материала фольклорных текстов, пословиц и сказок [1], анализ сочетаемости слов [3] или наблюдения за звуковой стороной языка [5]. В нашем случае использованы в основном данные грамматики и лексики.

Определим характеристики китайского языкового взгляда на мир, давая необходимые комментарии.

«Цельность действия»

В русском языке существуют глагольные пары, которые описывают одно и то же действие или событие, однако делают акцент на разных его фазах; ср.: *искать – найти, ловить – поймать, смотреть – (у)видеть, слушать – слышать.*

Первые глаголы в приведенных парах мыслятся как неопредельные, обозначающие процесс деятельности, а глаголы типа *найти*, *поймать*, *увидеть* – как предельные, фиксирующие результат.

Иначе обстоит дело в китайском языке, где подобные событийные глаголы образуют однокоренные пары; ср.:

写-写完 xie 3 – xie 3 wan 2 (дословно: «писать – писать закончить»);

找-找到 zhao 3 – zhao 3 dao 4 (дословно: «искать – достичь результата»).

Как видно, данный фрагмент – «действия и события» – в китайском языке регулярно осмысливается как цельное, а не разделенное на фазы, в своем значении уже подразумевает достижение результата, что более соответствует реальному – природному – положению дел и более ясно с позиций наивного взгляда на мир.

«Одномоментность состояния «перехода» как характеристика китайской языковой картины мира выделяется, поскольку для китайской грамматики характерно оформление резкости перехода из одного состояния в другое. Так, китайские глаголы, описывающие моментальные события, ведут себя иначе, чем подобные глаголы в русском: они не могут использоваться для описания растянутой фазы перехода из одного состояния в другое. Действие этих глаголов мыслится китайцами исключительно как точечное либо как переход в другое состояние.

В материалах А. Гришиной и В. Воробьевой это показано на примере глаголов *умирать* и *забыть*.

В русском языке в настоящем времени у соответствующих глаголов есть несовершенный вид – *он умирает*, *вы умираете*; *он забывает*, *вы забываете*. В данном случае точечное событие можно как будто «растянуть», представив его как некий линейный, неопредельный процесс.

В китайском же языке возможны только формы:

他死了 kuai si le (букв.: «Он скоро умер»)

死 倒 离开 忘 ta si le (дословно: «Он умер»);

Важнейшим признаком китайской языковой картины мира является ее **антропоцентричность**. В принципе она характерна для всех языков, поскольку их создает сам человек. Спецификой китайских представлений, зафиксированных в лексике, является в данном случае «захват человеческой точкой зрения» сферы физических **действий**.

Признаками этого являются глаголы, подробно описывающие человека, в частности его положение в пространстве, его действия; *стоять*, *сидеть*, *лежать* и др., а также четкое различие в глагольной лексике действий человека, с одной стороны, и действий животных – с другой; например, человек может *ходить*, *гулять*, *бегать*, а животное просто 跑 – рао 3 ‘бегает’. Кроме того, *ползают* все животные, но 爬山 – ра 2 shan 1 ‘лазить по горам’ – может только человек.

Другим следствием антропоцентричности китайского языка является особый состав глаголов, описывающих «мир звуков» **антропоцентричность звука**.

Если в русском языке *собака лает*, *кошка мяукает*, *лошадь ржет*, *петух кукарекает*, *волк воет*, *тигр рычит*, а *птица поет*, то в китайском языке все это многообразие сведено к звукам, обозначенным глаголом 叫 jiao 4 ‘кричать’. Ина-

че говоря, в китайском языке можно констатировать пренебрежение к «многоголосию» окружающего мира.

«**Образность представлений о мире**» пронизывает языковую картину мира китайцев и влияет на их мышление, психологию и жизненные установки. Эта образность основана на регулярном соотнесении действий, ритуалов, обычаев (действий и процессов) с миром предметов и природных стихий.

В основе этой черты языковой картины мира – широко распространенные в китайском языке омофоны, когда два слова, разные по смыслу, совпадают по звучанию. Эта звуковая общность и дает основание для развития метафоры.

Например, отмечено, что лексема *расставание* (离 li) созвучна с лексемой *груша* (梨 li). Видимо, по той причине, что эти две лексические единицы имеют общую звуковую форму, они образовали устойчивую метафорическую ассоциацию. Данное обстоятельство привело к появлению представления, согласно которому разделение одной груши на двух и более участников трапезы неизбежно приведет к их разлуке.

Таким образом, одним из явных факторов, влияющих на формирование языковой картины мира и образ мышления китайцев, является широко распространенная в языке омофония. Это приводит к метафорическому соотнесению действий, процессов, абстрактных представлений – с предметным миром – и к развитию образного языкового сознания.

Итак, исчислены пять особых качеств китайской языковой картины мира, которые находят отражение в самой языковой системе. Мы определили их как «Цельность действия», «Одномоментность состояния “перехода”», «Антропоцентричность действия», «Антропоцентричность звука» и «Образность представлений о мире».

Этот список не является конечным, но доказывает явную, зафиксированную в грамматике и лексике **ориентацию** китайских языковых представлений о мире **на человека; акцент на действие** (процесс) как на важный жизненный параметр и **образность** отражения мира.

Библиографический список

1. Березовская Я.Л. Особенности языковой картины мира носителей китайского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 20–25.
2. Гришина А., Воробьева В. Языковая картина мира. Китайский язык. URL: <https://present5.com/yazykovaya-kartina-mira-kitajskij-yazyk-grishina-a/>
3. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Русский язык сегодня / отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003. С. 493–501.
4. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
5. Цзян Я. Словесное ударение как фрагмент этнотипа носителей русского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 136 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАГОВОРОВ

LINGUISTIC ASPECTS OF CONSPIRACY

А.А. Черкасова

A.A. Cherkasova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Заговор, деонтология, лингвистический анализ текста, стилистический анализ текста, структура заговоров, фоносемантика, фидеистическое отношение к слову, лингвотерапевтический аспект, заговорно-заклинательная традиция, терапевтический эффект.

Целью работы является определение специфики языковых средств заговоров, которые могут оказывать терапевтическое воздействие на человека. Статья посвящена проблеме соотношения заговоров и деонтологии, что обусловлено гуманистическим аспектом. Источником исследования являются тексты заговоров фольклорной экспедиции В.П. Аникина, проводимой с 1953 по 1998 г., в размере 64 заговорных единиц. Предметом исследования являются лексико-семантические, композиционные, лексико-семантические особенности заговорного текста. Эти соотношения являются выразителями большой смысловой, эмоциональной и эстетической нагрузки, определяются важнейшими составляющими при анализе текстовых структур.

Conspiracy, deontology, linguistic analysis of the text, stylistic analysis of the text, the structure of conspiracies, phonosemantics, fideistic attitude to the word, linguistic aspect, conspiracy-spell tradition, therapeutic effect.

The article is devoted to the problem of the relationship between conspiracies and deontology, which is due to the humanistic aspect. The source of the research is the texts of the plots of the folklore expedition of V.P. Anikin, conducted from 1953 to 1998, in the amount of 64 conspiracy units. The purpose of this work is to determine the specifics of the linguistic means of conspiracies that may have a therapeutic effect on a person. To achieve the goal, the following tasks were set: study the theoretical literature; to identify the semantic components of medical plots; describe the principles of semantic organization of medical plots; conduct a linguistic analysis of conspiracy texts. The subject of the research is lexical-semantic, compositional, lexical-semantic features of a conspiracy text. These relationships are the expression of a large semantic, emotional and aesthetic loads, determined by the most important components in the analysis of textual structures.

Заговор как особый жанр исследовался на протяжении многих десятилетий: «Интерес лингвистов к заговорам был вызван не только композиционно-языковой и поэтической формой, но и тем, что заговор обладает необъяснимой властью над человеческим сознанием» [3]. В медицине важно подобрать нужные слова больному. Именно деонтология может помочь это сделать: «Этические нормы взаимоотношений медика и больного, соблюдение деонтологических норм медиками само по себе дает терапевтический эффект» [1, с. 314]. По мнению Н.Б. Мечковской, ситуация заговорного речевого акта играет большую роль в разновидности фидеистического жанра – в заговоре [4].

Важнейшей составляющей исследования является лексико-стилистический анализ заговорных единиц по Н.С. Болотновой [2]. Лексический анализ и семантический анализ взаимодействуют друг с другом, углубляя, дополняя и усиливая функциональный аспект.

Тексты заговоров в большинстве случаев относятся к повествовательному типу речи. Заговоры имеют определенный сюжет, в них есть динамика, а также временная последовательность действия, обилие глаголов несовершенного вида прошедшего времени, глаголов повелительного наклонения: наличие слов со значением времени.

Со стороны стилистики в заговорах используют различные стилистические фигуры (эпитеты, штампы, эмоционально-экспрессивная лексика). Читающий заговор может произносить его как просьбу, угрозу, пожелание. В жанровом плане заговоры небольшие по объему – от 5 до 90 слов. В них ограниченное количество героев. Очень важны детали, т.к. именно они скрывают тайный смысл. Чаще всего тексты имеют пятичастную композицию. Однако не все заговоры имеют пять структурных частей. Вот пример заговора с неполной конструкцией: «Летит ворон через Черное море, несет нитку шелковинку; ты нитка, оборвись, а ты кровь, уймись». Данный заговор имеет только две части: эпическую: «Летит ворон через Черное море, несет нитку шелковинку»; лирическую: «ты нитка, оборвись, а ты кровь, уймись». Отсутствие тех или иных композиционных частей связано с тем, что запоминались и сохранялись лишь отдельные части заговора.

На лексическом уровне в заговорах отсутствует книжная лексика, преобладают разговорные элементы и диалектизмы. Среди изобразительно-выразительных средств чаще всего используют эпитеты (*летучий огонь*), сравнения (*как мать сыра Земля, так и...*, *как серебро чисто, так и ...*), олицетворения (*икота перейди, жнивка отдай*), инверсия (*шла старуха*) [5]. На синтаксическом уровне используются однородные члены предложения, преобладают повествовательные предложения, почти не используются восклицательные и вопросительные предложения. В фонетическом плане используются аллитерация на [р], [ц], [т], [з], [л], [ж], [ш], сочетания [пр], [тр], [ст]. В большинстве используются зубные, небно-зубные согласные. Они настраивают на положительное движение и стремление к выздоровлению.

Важным составляющим нашего исследования является использование психолингвистической системы ВААЛ [6]. Нужно сказать, что результаты анализа разнообразны. Некоторые из заговоров не имеют фоносемантических характеристик. Большинство заговоров имеют характеристики от тихого, слабого до громкого и яркого. Это связано с их построением, семантикой, а также выразительными средствами.

Подводя итог нашего исследования, можно сказать, что заговоры по-прежнему играют важную роль в жизни людей, продолжающих верить в силу слов. Проведенный нами анализ позволил выявить особые черты лингвистической организации текста. Нам удалось частично проникнуть в концептуальное пространство заговоров, в их замысел и определить средства его выражения, а также рассмотреть эмоционально-смысловую доминанту.

Библиографический список

1. Байрамова Л.К. Заговоры, пословицы и поговорки о здоровье и болезни как средства лечения и элемент врачебной деонтологии // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. № 12. С. 313–317.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
3. Борисова И.Н. Магическая сила заговора: цветовая гамма текста // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 104–109.
4. Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
5. Русские заговоры и заклинания / под ред. В.П. Аникина. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 478 с.
6. Шалак В.И. ВААЛ-мини. 2001.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЛЮРАЛИЗМ И ТЕРПИМОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)

CONCEPTS OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: PLURALISM AND TOLERANCE (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PROVERBS)

Чэнь Кэюй

Chen Keyuy

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Языковая картина мира, пословица, поговорка, плюрализм, терпимость.

В статье проясняется содержание понятий *плюрализм* и *терпимость* как ключевых единиц русской языковой картины мира. В качестве материала использованы словари и сборники пословиц и поговорок русского народа. *Толерантность* относится к модным языковым заимствованиям и широко используется в публичной речи. Ее аналогом в традиционных представлениях о мире оказывается понятие *терпимость*, которое развивает несколько значений, связанных, в частности, с *любовью*. *Любовь* трактуется как оправдание страданий и неприятностей, которые переносит человек.

Language picture of the world, proverb, saying, pluralism, tolerance.

The article reveals the content of the concepts of *pluralism* and *tolerance* as units of the Russian language picture of the world. The material used dictionaries and collections of Russian proverbs and sayings. *Tolerance* refers to language borrowings and is widely used in public speech. Its counterpart in the traditional ideas about the world is the concept of “terpimost”, which develops several meanings related, in particular, with *love*. *Love* is treated as an excuse for suffering and unpleasantness that a person endures.

Цель автора статьи – прояснить содержание понятий *плюрализм* и *терпимость* как ключевых единиц русской языковой картины мира. В качестве материала использованы словари и сборники пословиц и поговорок русского народа.

Плюрализм определен Л.П. Крысиным как «множественность мнений, взглядов, направлений, партий и т.п., как один из принципов общественного устройства». Слово *плюрализм* является иноязычным и пришло в русский язык из французского языка [2, с. 542].

Уточняет понимание данного концепта трактовка *плюрализма* как множества «интересов, видов бытия, идей, взглядов, социальных институтов, не сводимых к чему-то единому и независимых друг от друга» [3].

Данное понятие активно используется в русском языке последние 30 лет в связи с общественной и экономической реформой современной России и в отношении к различным сферам общественного устройства; ср.: *идеологический плюра-*

лизм; космический плюрализм; философский плюрализм; политический плюрализм; правовой плюрализм; религиозный плюрализм.

Особо распространено в современных СМИ словосочетание *плюрализм (множество) мнений*. Человек должен считаться с этим разнообразием, искать способы взаимодействия с комплексом точек зрения и по возможности принимать их [7]. Это активно демонстрируют диалоги публичных субъектов [4] и речевая практика обычного человека – слухи [5].

Для более точного представления о месте *плюрализма* в современной русской языковой картине мира требуется детальный анализ слов его словообразовательного гнезда, в частности *плюралист* и *плюралистический*. Кроме того, необходимо исследовать понятия и слова, относящиеся к похожим семантическим полям.

Более подробно остановимся здесь на понятии *терпимость*, которое соотносится с *плюрализмом* и существовало в русской наивной этике задолго до появления иноязычного заимствования.

По А.Д. Шмелеву, *терпимость* в русской языковой картине мира формируется в границах двух представлений [1, с. 411]. Во-первых, *терпимость* как установка на *примирение с действительностью*, с теми аспектами жизни, которые не устраивают человека. Во-вторых, *терпимость* как *широта взглядов*, то есть учет чужого мнения. Это представление встраивается в более общее представление о широте *русской души*, которая традиционно считается определяющей чертой *русского характера*.

Различные аспекты терпимости проявляются в значении глагола *терпеть* и его производных. Исчислим эти представления с опорой на научный источник [1, с. 417–423], уточнив их материалами из сборника «Русских пословиц и поговорок» [6, с. 149–150].

Данный языковой материал показывает, что выделяются четыре основных значения *терпимости*, а также соотношенных с ним *терпения* и более широкой *терпеливости*.

А) Значение **‘терпеть неприятное’** только указывает на некую неприятную ситуацию либо событие, переживаемые человеком: *терпеть нужду / поражение / неудачу; терпеть от начальства / от соседей / от мужа*.

То же значение *терпения* развивается в приставочных дериватах – *потерпеть, натерпеться, претерпевать* – и в формах причастий *потерпевший, потерпевшая*.

Б) Значение **‘терпеливо переносить неприятное’** толкуется как ‘испытывая воздействие неприятного, не пытаться его прекратить, и одновременно не терять контроля над своим поведением’: *терпеть уколы; вытерпеть боль; стерпеть обиду; перетерпеть разрыв отношений; немного потерпеть*.

Как отмечает А.Д. Шмелев, «терпение, соотносимое с данным кругом употреблений, в традиционных народных представлениях оценивается скорее положительно [1, с. 419]; ср.: *Христос терпел и нам велел; С бедой не перекоряйся, терпи!*; *Терпенье лучше спасенья; Не потерпев, не спасешься; Работой – сыт будешь, молись – спасешься, терпи – взмилуются*; а также: *Терпение приносит*

спасение; При горе терпение – невольное спасение; Лихо терпеть, а обтерпится – слюбится; Час терпеть, а век жить [6, с. 149–150]. Вместе с тем анализ русских пословиц показал, что именно в границах этого значения часто делается акцент на предельности терпения (терпимости); ср.: Всякому терпению бывает конец; Терпишь, терпишь да и лопнешь; Чаша терпения переполнилась; Терпя, и горшок надсадется; Терпит брага долго, а через край пойдет – не уймешь; Человек – не камень: терпит, терпит, да и треснет.

В) Семантический вариант **‘терпеливо ждать’** предполагает следующее понимание терпимости: *‘желая... событие... не пытаться его ускорить и не демонстрировать желание, чтобы оно скорее произошло’ [1, с. 420].*

Такое понимание фиксируется в глагольных словосочетаниях типа: *он потерпел и все получил; сгорать от нетерпения; не утерпел и все рассказал*, – а также в производных от глагола словообразованиях *терпение, терпеливо, терпеливый*; сравните с пословицами, в которых развивается то же значение: *Терпеть не беда, было бы чего ждать; Там счастье не диво, где трудятся не лениво; Кто с нетерпением ждет, тот долго ждет, а кто с терпением – меньше; На всякое хотение имей терпение; Терпение исподволь свое возьмет; Нет ничего сильнее времени да терпения.*

У существительного *терпение* на этом основании развивается еще один содержательный оттенок – *‘способность к кропотливой, долгой работе’*, что фиксируют пословицы: *Терпенье и труд все перетрут; Всякое дело терпением одолеть можно.*

В этом отношении народ особо выделяет два типа деятельности: военный труд и учение; ср.: *Терпением города берут; и Есть терпение – будет умение; Не имея терпения, ничему не научишься; Терпение – мать учения.*

Г) Наконец, словосочетание **‘терпимо относиться’** означает *‘мириться с неким отрицательным явлением’* и ближе всего к современному пониманию *толерантной терпимости*: *он терпит ее уже очень давно, потому что любит.*

В современных контекстах часто это значение *терпимости* используется в отрицательном модусе; например: *терпеть это не могу; не потерплю в коллективе; все это совершенно не терпимо.*

Однако однозначной оценки терпимости или нетерпимости русская языковая картина мира, по мнению А.Д. Шмелева, не содержит. Такая оценка устанавливается в каждом отдельном тексте и зависит, скорее, от этических принципов, которых придерживается конкретный автор.

Что касается традиционных представлений о терпимости, народное сознание регулярно связывает их с *любовью*. *Любовь* оказывается оправданием всех страданий и неприятностей, которые переносит человек: *Без терпенья, без любви хоть на свете не живи; Оттого терплю, что больше всех люблю; Стерпится – слюбится.*

Вероятно, именно это соединение двух нравственных ценностей ведет к высокой положительной оценке терпимости: *Терпение – цветок, который растет не в каждом саду; Честь – драгоценный камень, терпеливость – золото.*

Здесь представлена только первая попытка анализа понятий *плюрализм* и *терпимость* в русской языковой картине мира. Более детальный анализ предполагает, в частности, рассмотрение смежных семантических полей, образованных понятиями *великодушие*, *мужество*, *невозмутимость*, *стойкость*, *выдержка*.

Библиографический список

1. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 848 с.
3. Новейший философский словарь // URK: <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%9F%D0%9B%D0%AE%D0%A0%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%9C>
4. Осетрова Е.В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник. Иркутск; Красноярск; Москва; Омск; Хабаровск; Чита, 2007. С. 124–138.
5. Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. 2011. № 15 (Online). С. 55–82.
6. Русские пословицы и поговорки / сост. А.М. Жигулев. М.: Наука, 1969. 448 с.
7. Что такое.net // URL: <http://что-такое.net/что-такое-plyuralizm/>

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАВЫ «ДЕТИ» В КНИГЕ МИХАИЛА ЛАБКОВСКОГО «ХОЧУ И БУДУ: ПРИНЯТЬ СЕБЯ И СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ»

LINGO-STYLISTIC ANALYSIS OF THE CHAPTER “CHILDREN”
IN THE BOOK BY MIKHAIL LABKOVSKY “I WANT AND I WILL:
ACCEPT MYSELF AND BECOME HAPPY”

Г.К. Шакирова

G.K. Shakirova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Анализ, словарный запас, произведение, структура, диалог.

В статье рассматривается лингвостилистический анализ текста главы «Дети» в книге Михаила Лабковского «Хочу и буду: принять себя и стать счастливым».

Актуальность данной работы определяется интересом современного языкознания к проблеме внутреннего мира человека и развития ребенка как личности. Жизнь общества постоянно меняется. Язык быстро реагирует на эти изменения. Публицистический стиль в большей степени, чем все остальные стили языка, воспринимает эти изменения. Предметом исследования являются лингвистические особенности текста главы «Дети» в книге Михаила Лабковского «Хочу и буду: принять себя и стать счастливым». Целью работы является рассмотрение лингвистических особенностей текста на материале книги Михаила Лабковского «Хочу и буду: принять себя и стать счастливым».

Analysis, vocabulary, work, structure, dialogue.

In this article, considered at the Linvostilistic analysis of the text of the chapter “Children” in the book by Mikhail Labkovsky “I want and I will: accept myself and become happy”.

The relevance of this work is determined by the interest of modern linguistics to the problem of the inner world of a person and the development of a child as a person. Community life is constantly changing. The language responds quickly to these changes. The journalistic style more than all other styles of language, perceives these changes.

The subject of the research is the linguistic features of the text of the chapter “Children” in the book by Mikhail Labkovsky “I want and I will: accept myself and become happy”.

The aim of the work is to consider the linguistic features of the text on the material of the book by Mikhail Labkovsky “I want and I will: accept myself and become happy.”

Современный лингвостилистический анализ нехудожественного текста основывается на ряде теоретических работ, которые составляют методологическую базу настоящего исследования [1; 2; 3; 4; 5].

Источником анализа является текст популярного психолога Михаила Лабковского «Хочу и буду: принять себя и стать счастливым». Нами проведена общая статистика книги, в частности главы «Дети». Полученные данные представлены в таблице.

Параметр	Количество знаков
Длина текста	322 230 знаков
Длина диалогов	40 574 знаков
Слов в произведении	49 809 слов
Приблизительно страниц	180 с.
Средняя длина слова	5,15 знака
Предложений в произведении	3722 предл.
Средняя длина предложения	83,72 знака
Доля диалогов в тексте	12,59 %
Доля авторского текста	87,41 %
Средняя длина диалогов	88,57 знака
Средняя длина авторского текста	101,79 знака

На основании данных таблицы видно, что уникальность данной книги заключена в диалогичности. Максимальный фрагмент авторского текста – 66 105 знаков, начинается он с 121 страницы. Основной объем приходится на главу «Дети», в которой преобладают неполные диалоги. Автор стремится передать живую речь, в которой зачастую опускаются зачин и завершение.

Использует такой структурно-стилистический прием, как объективная сложность речи, и потому в тексте много эллиптированных предложений. Экспрессивность и эмоциональность изложения обусловлены задачей активного воздействия на аудиторию. В связи с этим в книге Михаила Лабковского «Хочу и буду: принять себя и стать счастливым» используются самые разнообразные лексические и грамматические средства. Основные языковые особенности указанного стиля – в главе «Дети», в которой применяется разнообразная лексика и фразеология, в том числе слова, выражающие эмоции и экспрессию. Например: «...что единственная здоровая причина рожать детей – это хотеть иметь детей». Для названного стиля характерны стандартизированные сочетания, в которых слова употреблены в переносном смысле: «...Память уходит, а ребенок остается и раздражает...».

Вкрапления разговорной, просторечной лексики, лексики, стоящей вне литературного языка: «...Я из тебя щас всю дурь выбью!..»; неологизмы или новые авторские словообразования: «...«прогнул свою линию...», «...Вконтактке...»; синонимы: «16-летние юнцы, подростки...»; многозначные слова, омонимы, антонимы, паронимы как средство выразительности: «...иллюзии и реальность...»; аббревиатуры: ЕГЭ – единый государственный экзамен.

Таким образом, рассмотрев главу книги Михаила Лабковского «Дети», можно сказать, что произведение представляет собой повествование о воспитании детей, взаимоотношениях родителей и детей. В книге точно подмечены российские неврозы. В основном используется последовательное чередование реплик. И как следствие, каждый пункт начинается высказыванием и заканчивается выявлением ошибок, подведением итогов и описанием рекомендаций. По цели высказывания преобладают диалоги-побуждения. По структуре чаще всего встреча-

ются неполные диалоги, в которых отсутствуют зачин и завершение. Основными языковыми особенностями указанного стиля в главе являются: неологизмы, фразеологизмы, антонимы, паронимы профессиональная лексика, вкрапления разговорной, просторечной лексики, лексики, стоящей вне литературного языка.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. М.: Академический проект, 2004. 400 с.
2. Баевский В.С. Эпитет // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 512–513.
3. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов: монография. М.: ЛКИ, 2013. 280 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 144 с.
5. Гольдман А.А. Стратегия и тактика анализа текста: в 4 ч.: учебное пособие. М.: Флинта, 2014. 184 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЖА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

FEATURES OF THE EMOTIONAL FIELD OF THE CHARACTER ON THE MATERIAL OF ROMANS F.M. DOSTOYEVSKY

А.А. Шамовская

A.A. Shamovskaya

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Эмотивное поле, эмоции, эмоциональность, эмотив, вербализация, художественный текст, личность, характер, Ф.М. Достоевский, «Подросток», «Бедные люди».

В статье приводятся содержание и характеристика эмотивного поля персонажа романов Ф.М. Достоевского. Для этого обозначены основные понятия исследования, данные различными учеными-лингвистами, работавшими в этой области языкознания. Также приводятся примеры эмотивов с положительной и отрицательной коннотацией, встречающихся в речи главного персонажа романов Ф. М. Достоевского «Бедные люди», «Подросток». В качестве вывода представляется авторское понимание связи между эмотивным полем персонажа и его характеристикой.

Emotional field, emotions, emotionalit, emotive, verbalization, artistic text, personality, character, F. M. Dostoevsky, «Teenager», «Poor people».

The article provides the content and characteristics of the emotive field of the character of the novels of F. M. Dostoevsky. For this purpose, the basic notions of research are given, given by various linguists who worked in this field of linguistics. There are also examples of emotive themes with positive and negative connotations found in the speech of the main character of the novels of F. M. Dostoevsky “Poor People”, “Teenager”. The author’s understanding of the relationship between the character’s emotive field and its characteristic is presented as a conclusion.

Эмоции в современном мире являются важной и неотъемлемой частью любой социальной структуры. С помощью *вербального* и *невербального* выражения различных чувств, состояний люди осуществляют коммуникацию. Также мы часто сталкиваемся с эмоциями, воплощенными в тексте художественной литературы языковыми средствами. Для нас наибольший интерес представляют *категория эмотивности* и *эмотивное поле* главных персонажей романов Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и «Подросток». Выбор данных текстов продиктован задачей сравнить особенности *категорий эмотивности* и *эмотивных полей*, представленных в романах автора разных периодов творчества – раннего и позднего, для того чтобы выявить сходства и отличия *эмотивов* в создании языковой личности персонажа.

Под *категорией эмотивности* мы понимаем «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [4, с. 24].

В пространстве художественного текста категория эмотивности может реализовываться за счет взаимодействия языковых средств, т.е. не всегда непосредственно словами отражать эмоциональное отношение. «Учитывая формальные признаки проявления эмотивности, можно выделить *эксплицитные* и *имплицитные* эмотивные средства» [3, с. 138]. В рамках данной работы мы рассматриваем только эксплицитные средства выражения эмоций.

Несмотря на то что персонаж художественного текста является виртуальной личностью, он переживает эмоции, свойственные каждому человеку, т.е. реальной личности. Анализ художественного текста позволяет выявить круг эмоций, испытываемых персонажем. В нашей статье рассматриваются эксплицитные эмотивы, образующие эмотивное поле главных героев романа Ф.М. Достоевского: «Бедные люди» – Макара Алексеевича Деушкина; «Подросток» – Аркадия Макаровича Долгорукого.

В ходе анализа романа «Бедные люди» мы выявили следующие эмотивы, составляющие микрополе положительных эмоций (+): *счастье, приязнь, радость, удовольствие*. Пример: «Вчера я был *счастлив...!*» [2, с. 19].

Определяющими для микрополя негативных эмоций являются следующие эмотивы: (-): *треволнения, грусть, беспокойство, стыд* и др.

«...и друзей своих в *горе* и в *уныние* не вводит» [2, с. 83].

Отдельно можно выделить глагольные эмотивы положительной и отрицательной семантики: *поразвеселить, доволен, пугаете, досадовать*: «... чтобы вас только *поразвеселить* чем-нибудь» [2, с. 27].

Ввиду вышеизложенных примеров мы можем утверждать, что Макар Алексеевич Деушкин – человек беззлобный, который видит радости своей бедной жизни, что входит в круг черт, характерных для типа «маленького человека». Однако он осознает несправедливость жизни, что мы можем выявить из анализа отрицательных эмотивов, используемых для создания речевого портрета Деушкина.

Анализ художественного текста романа «Подросток», более позднего произведения писателя, позволил нам выявить следующие эмотивы, организующие микрополе положительных эмоций: *счастье, восхищение, радость*. Микрополе отрицательных эмоций образуют эмотивы: *стыд, досада, грусть, нелюбовь, омерзение*. К этому микрополю также относятся глаголы: *вызлиться, озлился, злился, ненавижу, боится, трусит, подлещаться, обижен, хандрит*. Дополнительными маркерами эмоций выступают бранные слова: *дурак, баба*.

Количественный анализ показал, что преобладают отрицательные эмотивы. Самые употребительные (-): *ненависть, унижить, обидеть*. Например: «Сам я *ненавидел* и *ненавижу* все эти мерзости всю мою жизнь» [1, с. 9].

Из микрополя положительных эмоций чаще встречаются (+): *счастье, радость*. Например: «...даже и в том случае, если б они мне все там понравились, и дали мне *счастье*» [1, с. 18].

Исходя из того, что в эмотивном поле данного персонажа преобладают эмотивы с отрицательной коннотацией, можно судить о том, что он меланхолик со скептическим взглядом на жизнь. Кроме того, данный персонаж склонен к само-

анализу. Эмотивы с положительной семантикой говорят о том, что герой романа «Подросток» имеет высокие идеалы.

Если сравнить категории эмотивности и эмотивные поля двух персонажей романов Ф. М. Достоевского «Бедные люди» и «Подросток», мы можем заметить, что наблюдаются явные отличия в эмотивах речи данных героев. В своем раннем романе Достоевский стремился показать жизнь «бедных людей», «маленького человека». В романе «Подросток», относящимся к позднему периоду творчества, акценты изображения главного героя несомненно меняются. В образе Аркадия Долгорукого воплощается более зрелый взгляд Ф. М. Достоевского на душу человека. Мы видим здесь молодого, эгоцентричного подростка, склонного к рассмотрению экзистенциальных вопросов бытия. На основе данного исследования мы смогли проследить путь автора от одного типа героя к другому, на основе репрезентации категории эмотивности увидеть изменения, произошедшие с его героями и в творчестве писателя.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Подросток. М.: Аст, 2017. 640 с.
2. Достоевский Ф.М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова. М.: Правда, 1981. 384 с.
3. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 2. С. 200–206.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА ПОЭТИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВИКТОРА ТЕПЛИЦКОГО

COLORATURA VOCABULARY OF POETIC AND PROSE TEXTS OF VICTOR TEPLITSKY

Ю.С. Шинкоренко

J.S. Shinkorenko

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific supervisor V.N. Zamyslova

Цветонаименования, семантика цвета, цветовой символизм, цветовая картина мира, лексико-семантическое поле, «Дом на холме», «Открытия художника Карелина».

В русском языке представлена группа лексических единиц, включающих в состав корневой морф, связанный этимологически и семантически с цветонаименованием, а именно колоризмы. Интерес к изучению происхождения «цветового символизма» занимает центральное место в истории человечества, т.к. это связано с психическими процессами и отношениями к определенным событиям в жизни людей. Цель настоящей статьи – определить особенности функционирования слов колоративной семантики в текстах Виктора Теплицкого. В данной работе рассматривается колоративная лексика поэтических и прозаических текстов протоиерея Виктора Теплицкого в аспекте семантики и функционального значения слов – колоризмов.

Color naming, color semantics, color symbolism, color picture of the world, lexico-semantic field, “House on the hill”, “discoveries of the artist Karelin”.

Russian language is represented by the group of the lexical units, which includes in the morph root, linked etymologically and semantically with color naming, namely – colorisms. The interest in studying the origins of the color symbolism occupies the main place of humanity history, as it associated with the mental processes and relations to certain events in people’s lives. The aim of this article is to define the peculiarities of functioning of color semantics words in the V. Teplitskiy’s texts. In this work, the colorful words of the poetic and prosical texts of Archpriest V. Teplitskiy are considered in the aspect of semantics and functional meaning of words – colorisms.

Цвет нельзя осознать до конца, в него можно верить или не верить. Его можно чувствовать, но нельзя понять. От античных легенд до современных текстов XXI века цвет всегда имел особое место в культуре различных народов, семантический смысл передавался от одного поколения к другому. У каждого этноса свое цветообозначение и цветовосприятие.

Актуальность работы определяется тем, что проблема использования слов-колоризмов в творчестве анализируемого писателя не исследована с точки зрения психолингвистики. *Объект* – художественный мир поэтических и прозаических текстов Виктора Теплицкого. *Предмет* – лексические единицы, формирующие цветовой художественный мир писателя. *Источник исследования* – поэтические и прозаические тексты Виктора Теплицкого из сборников «Дом на холме», «Открытия художника Карелина», публикации в журналах «День и ночь», «Человек на Земле», «Алтай».

Творчество протоиерея Виктора Теплицкого уникально. В каждом произведении автор поднимает социальные темы, актуальные для молодого поколения: одиночество, любовь, вера в Бога, природа Красноярского края, страшные грехи и пороки человека. Последнему стоит уделить особое внимание, т.к. при исследовании текстов было обнаружено больше всего колоративов из темных групп цветовой палитры. Цвет – это «сила», которая используется художниками и писателями как важное экспрессивное средство, помогающее читателю воспринимать не только душой, но и рецепторами кожи и сетчатки глаза. Колоративом **красный** Виктор Теплицкий дает цветообозначение предметам обыденного мира и местам хранения икон святых, обращая внимание на сохранность традиций христиан: *Ехали мы на **красной** «Ниве с Денисом (он за рулем) и Славой – высоким мужчиной в очках* («Бог подарил мне Ергаки»).

*В правом **красном** углу
светит иконостас...*

(«Где-то там вдалеке о дорог и тревог...»). Метафорически автору удается передать образ заката, который предстает перед читателями в необычном ампула:

*Я храню то, что мне нацарапал
на душе хулиган – Енисей
красным лезвием рваных закатов,
острием грузовых кораблей
(«Никогда москвичом я не был...»).*

Художественная картина мира в творчестве В. Теплицкого не представлена гиперсемой оранжевого цвета, но встречаются периферийные оттенки: *проржавелый, бронзовый, кирпичный*. В стихотворении «Двухтысячный январь»: «...холодный вагон **проржавелый** – в нем каждый из нас пассажир...». При исследовании текстов автора был обнаружен индивидуально-авторский колоратив «кофейно-кирпичный»: *И все-таки я продолжал искать брешь в этом **кофейно-кирпичном** монолите* («Шелест дыхания»). Автор употребляет цветообозначения **желтого** цвета для описания явлений и предметов, преимущественно осеннего времени года, а также душевного состояния и человеческого образа. В данном исследовании выделяется отдельная группа слов «осеннего» цвета, т.к. преобладают традиционные колоративы *желтый, золотой, золотистый* – символы этого времени: *Октября **золотые** конверты* («Я не рвусь стать великим поэтом...»); *Глаза его увлажнились, когда на плечо вдруг упал **желтый** лист* («Кириллыч»).

Осень для Виктора Теплицкого предстает в образе человека преклонного возраста, обратим внимание на то, что цвет волос в значении «седины» не из группы серых оттенков, а желтых:

*Дерева качают **желтою** проседью,
Баюкая ночь – непослушную дочку
(«Я снова настигнут стрелами осени).*

Желтый цвет для лирического героя выступает символом разлуки:

*У меня в руке только мел,
желтый мел и последний конверт.*

Виктор Теплицкий сравнивает душу героя рассказа «Улетевшая птичка» с желтым листом тополя: «*Она трепещет, как **желтый** тополиный оборвыш...*» («Улетевшая птичка»). Цветопись помогает передать психологическое состояние лирического героя:

***Желтая** грусть – мой порванный флаг
над пластилиновым городом.*

В ходе исследования было проанализировано 107 колоризмов. Частотными колоративами являются группы цветов: желтого – 19 цветообозначений, серого – 18, синего – 16, белого – 15, красного, зеленого и черного – 11 и т.д.

Изучив поэтические и прозаические тексты Виктора Теплицкого, мы пришли к выводу, что на протяжении всего периода творчества, с 1993 года по настоящее время, в произведениях писателя преобладают оттенки серого, желтого, синего, черного и белого цветов. С помощью цветописы выполняется изобразительно-выразительная, предметно-изобразительная и эмоционально-экспрессивная функции.

Библиографический список

1. Теплицкий В. Дом на холме. Красноярск: ИПЦ «КаСС», 2005.
2. Теплицкий В. Открытия художника Карелина. Красноярск.: ИПЦ «КаСС», 2001.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, РКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА «ТРУДНОГО РЕБЕНКА» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

APPROACHES TO THE STUDY OF THE IMAGE OF „DIFFICULT CHILD” IN THE LESSONS OF LITERATURE

А.В. Бардакова

A.V. Bardakova

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

«Трудный ребенок», хронотон, взаимодействие с социумом, специфика конфликта, уроки литературы, методологические особенности.

В статье приведены выводы относительно темы «трудных детей» в текстах мировой литературы, возможных для рассмотрения на уроках внеклассного чтения, указана актуальность исследования в рамках методики преподавания литературы, отмечены стилистические особенности художественных произведений, выявлена роль социума в становлении подростка.

«Difficult child», chronotop, interaction with society, specificity of conflict, literature lessons, methodological features.

The article presents conclusions on the topic of «difficult children» in texts of world literature that are possible for consideration during extracurricular reading lessons, indicates the relevance of the research in the framework of literature teaching methods, highlights the stylistic features of works of art, reveals the role of society in the development of a teenager.

Актуальность проблемы «трудных детей» обусловлена тем, что целью воспитания и обучения является личность, имеющая возможность реализовать себя в обществе, умеющая существовать в нем и взаимодействовать с различными социальными группами. Личность ребенка формируется в окружающей его среде. Особенно важна роль малых групп, в которых подросток взаимодействует с другими людьми. Прежде всего, это касается семьи и образовательных учреждений.

В рамках нашего исследования выявлено, что проблема «трудных детей» в XXI веке обостряется. Мы предполагаем, что это происходит в связи с ускорением жизненных темпов в обществе XXI века, с большим потоком информации, имеющей негативные последствия для психики ребенка. Также становится очевидным тот факт, что проблема «трудного» ребенка изучена недостаточно.

Целью работы является представление возможностей обращения к образу «трудного ребенка» на уроках литературы, в частности внеклассного чтения.

Основой для изучения рассматриваемой нами темы могут послужить следующие художественные произведения: «Педагогическая поэма» А.С. Макаренки, «Кража» В.П. Астафьева, «Пеппи Длинныйчулок» А. Линдгрена, повесть Ю.Я. Яковлева «Гонение на рыжих», роман П. Хега «Условно пригодные», повесть Е.В. Мурашовой «Класс коррекции».

Мы выделили 4 основных критерия сопоставления образа «трудного ребенка» в рассматриваемых текстах: своеобразие взаимоотношений «трудного ребенка» с социумом, раскрытие темы дружбы в произведениях, особенности хронотопа повествования, специфика конфликта.

Тема дружбы в произведениях о трудном детстве играет огромную роль. Изучение темы дружбы в произведениях о трудном детстве и «трудных детях» позволяет нам раскрыть их типы, выявить специфичность отношений детей в социуме. Хронотоп также имеет отличительные особенности, указывает на разрыв между общественным миром и миром ребенка.

Кратко отметим особенности образов в произведениях. В «Педагогической поэме» характерным становится тот факт, что в романе описывается не жизнедеятельность коллектива, а человек в нем. Коллектив – среда, в которой подросток обретает себя. Перевоспитание происходит в жесткой трудовой дисциплине. Детдомовцы Краесветска – «трудные дети», нуждающиеся в опеке, имеющие сложную судьбу, горький опыт, своеобразное видение мира, остро реагирующие на социальную несправедливость. Образ заведующего, как и в «Педагогической поэме», является одним из важнейших в повести. Пеппи Длинныйчулок – «трудный ребенок», имеющий повышенную эмоциональную реакцию. «Гонение на рыжих» – это многоаспектное произведение с открытым финалом, заставляющее нас задуматься о судьбе юной девушки. В рассматриваемых нами текстах более позднего периода (конца 1990–2013): «Класс коррекции» Е.В. Мурашова, «Условно пригодные» П. Хег, – наблюдаются новые тенденции, например, «трудным ребенком» считается тот, кто имеет физиологические особенности развития.

Так, широкий спектр образов позволяет нам выбрать тип урока и его структуру в зависимости от способностей класса и его возрастных особенностей. В то же время мы отмечаем, что в современных программах не предлагается к изучению тема «трудного детства», несмотря на то, что в работах о подростковом чтении рассматриваемая нами повесть Е. Мурашовой «Класс коррекции» рекомендована для чтения школьникам. Исследователи Е.С. Романичева, Г.В. Пранцова в монографии «От „тихой радости чтения“ – к восторгу сочинительства» включают «Класс коррекции» в два тематических списка, составленных с учетом возрастных особенностей для читателей-школьников: 1) «Другое детство»; 2) «Недетские проблемы моего детства». Исследователь Н.В. Уминова в своей работе «Особенности разработки элективного курса „Школьная тема в современной литературе“ в рамках предпрофильной подготовки учащихся» рассматривает ряд произведений, в том числе и повесть, но в иных аспектах.

Исследуемая нами тема открывает широкие возможности для воспитательной работы в процессе внеклассного чтения учащихся. Так, нами был проведен урок внеклассного чтения в шестом классе МБОУ «Тальская СОШ», посвященный проблеме «трудных детей» в тексте Е.В. Мурашовой «Класс коррекции», вызвавший живой отклик обучающихся.

Для изучения текста в старших классах возможен элемент сопоставления с романом Питера Хега «Условно пригодные». Так, например, пространство учебных заведений и временные разрывы повествования – неотъемлемые координаты мира, введенные П. Хегом в структуру романа. Е.В. Мурашова также использует хронотоп, но опирается на категорию пространства, изображая два художественных мира. Мы отмечаем, что социальному имиджу учебного заведения, в котором находится рассказчик, подбору педагогического и ученического состава уделено большое значение: Питер, воспитываясь ранее в нескольких учебных заведениях, учится в элитной частной школе Биля, Антон обучается в гимназии, являющейся одной из лучших в городе. Друзья Антона реальны, в то время как Питер общается с мальчиком из воспоминаний, и т.д.

Таким образом, подходы к изучению образа «трудного ребенка» на уроках литературы могут осуществляться несколькими способами. Урок, посвященный данной теме, позволяет учителю через изучение содержания поговорить о проблемах, близких подростку. Повесть, написанная детским психологом от лица подростка, поможет учителю подтолкнуть обучающихся к важному разговору с самим собой.

Анализ художественного текста о «трудном детстве» является основополагающим действием в приобщении подростков к чтению, учителю же остается выбрать, каким подходом и художественным текстом следует воспользоваться.

Библиографический список

1. Рожкова М.И. Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением. М.: Владос, 2003. 240 с.
2. Романичева Е.С., Пранцова Г.В. «От „тихой радости чтения” – к восторгу сочинительства»: монография. М.: Библиомир, 2016. 232 с.
3. Уминова Н.В. Особенности разработки элективного курса «Школьная тема в современной литературе» в рамках предпрофильной подготовки учащихся // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 1 (39).

МЕТОДИКА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ С РАССКАЗОМ В.П. АСТАФЬЕВА «АХ ТЫ, НОЧЕНЬКА!»

METHODS OF LINGUISTIC WORK
WITH A STORY V.P. ASTAFIEVA «OH, NIGHT!»

Т.А. Голощапова

T.A. Goloshchapova

Научный руководитель В.И. Пихутина
Scientific adviser V.I. Pikhutina

Русский язык как иностранный (РКИ), методика, лингвострановедение, текст, предтекстовые упражнения, притекстовые упражнения, послетекстовые упражнения.

В статье приведены примеры упражнений с лингвокультурологическим текстом В.П. Астафьева «Ах ты, ноченька!» для студентов-иностранцев продвинутого уровня.

RCTs, methods, linguistic studies, text, pre-text exercises, pretext exercises, post-text exercises.

The article provides examples of exercises with the linguistic-cultural text of V. P. Astafyev “Oh, Night!” for advanced foreign students.

В методике преподавания русского языка как иностранного работа с художественной литературой играет значительную роль в языковом учебном процессе. Благодаря изучению русской литературы иностранные студенты не только знакомятся с богатством русского языка, но и обогащают свой активный, пассивный и потенциальный словарь. У студентов-иностранцев развивается способность к языковой догадке, формируются речевые навыки и умения. При этом происходит познание не только языка, но и культуры страны.

План работы над художественным текстом в аспекте лингвострановедения в практике РКИ традиционно отражает этапы, предполагающие различные приемы и способы моделирования страноведческих знаний и раскрытия содержания словесных образов, имеющие целью воссоздания модели национального восприятия художественного произведения.

Как материал для реализации познавательного и воспитательного (в частности, эстетического) направлений образовательного процесса при обучении русскому языку как иностранному может быть использован рассказ В.П. Астафьева «Ах ты, ноченька!». В.П. Астафьев – яркий представитель «русской глубинки», его автобиографичные тексты, включающие в себя описание природы, являются отражением национального осознания природы русским человеком, передают «национальный характер», знакомство с которым позволит иностранным студентам наиболее продуктивно освоить язык и культуру нашей страны. Целью работы с данным текстом является переход от буквального восприятия студентами текста к осознанию авторского мироощущения, описанного в рассказе.

В работах В.Г. Костомарова, Н.В. Кулибиной представлен развернутый методический аппарат, отражающий особенности и последовательность аудиторной работы над художественным текстом в аспекте лингвострановедения. Данная методика включает в себя предтекстовый этап работы, различные варианты ознакомления с текстом произведения и послетекстовую работу.

Предтекстовые упражнения готовят учащихся к глубокому и полноценному чтению художественного текста, целенаправленно формируют психологические механизмы чтения, объясняют значения новых слов и грамматических явлений.

Примеры упражнений на данном этапе работы

1. Прочитайте текст без словаря. Постарайтесь понять содержание. Скажите, чем занимаются герои в данном рассказе?

2. Рассказ называется «Ах ты, ноченька!». Как вы думаете, почему автор использовал междометие «ах»? Какую эмоцию оно отражает?

Н.В. Кулибина через подбор соответствующих упражнений предлагает осмыслить средства языкового выражения с целью воссоздания в воображении учащихся и описании вслух возникших образов, среди которых одними из важнейших являются время и место действия, персонаж / персонажи, событие / события и т.п. [4, с. 125].

Например:

1. Прочитайте начало произведения. Предположите, какое время суток описано в отрывке текста? Как вы представляете место, которое описывает автор? Знаете ли вы, что такое «широкое плесо»? Как вы думаете, что делают люди в этом месте? Как вы это поняли?

2. Прочитайте следующие слова: *марево, курлычут, трясогузка, блесна, поклевки, плесо, уха, куличка*. Определите значения этих слов. Можете ли вы перевести эти слова на ваш язык? Перечитайте текст. Помогла ли работа со словарем при повторном прочтении?

Притекстовые задания формируют коммуникативную установку на чтение. Задача этого типа упражнений – сделать процесс чтения целенаправленным: нацелить учащегося на извлечение главной информации из текста, на понимание и осмысление конкретных текстовых единиц. Студент-иностранец, определяя для себя выразительные средства языка, замечая различные морфологические единицы и анализируя множество языковых явлений, приходит к пониманию текста и может отчетливо пересказать содержание рассказа. Например:

1. Найдите описание природы. С помощью, каких средств она изображена? Как, по вашему мнению, автор относится к природе? Докажите.

2. Прочитайте отрывок. Объясните выражение «кумушка пиратничает». Что имеет в виду герой рассказа? Как это свидетельствует об его отношении к природе? Почему?

3. Автор использует в тексте слова-просторечия. Найдите их и объясните значение. Как изменится текст, если просторечия заменить на литературные аналоги?

Последнюю группу упражнений составляют послетекстовые упражнения.

В послетекстовые задания включены «упражнения-рассуждения». Данные упражнения расширяют речевые, познавательные и культурологические возможности иностранных учащихся и позволяют решать различные задачи, выражать оценочные позиции. Например:

1. Как вы думаете, для героя рассказа рыбалка – это просто добыча рыбы или что-то большее?

2. С наступлением ночи герой рассказа думает о Родине, почему? Расскажите, что заставляет вас задуматься о своей Родине?

3. Напишите мини-сочинение «Моя Родина». Попробуйте описать свою природу такими же выразительными средствами, как В.П. Астафьев.

Таким образом, именно через такую последовательность работ происходит распредмечивание словесных образов разных типов и формирование истинных читательских представлений. Художественный текст начинает постигаться на уровне восприятия носителя языка. Данная методика работы раскрывает учащегося в различных видах речевой деятельности, поэтому носит практический коммуникативный характер.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Затеси: Миниатюры. Короткие рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1982. 336 с.
2. Камолова С. Д. Методический аспект лингвострановедческих занятий с использованием художественного текста // Вестник института языков: сб. статей. Душанбе: Таджикский государственный институт языков им. Сотима Улугзода, 2013. Вып. 3. С. 33–38.
3. Кулибина Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом: учебное издание. М.: Русский язык, 1987. 143 с.
4. Кулибина Н.В. Когнитивная модель чтения художественной литературы в лингводидактическом осмыслении // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 10. С. 123–131.

ТЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

THE THEME OF CHILDHOOD IN THE MODERN HUMORISTORY STORY (LITERATURE AND METHODOLOGICAL ASPECTS)

С.С. Молчанова

S.S. Molchanova

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Современный юмористический рассказ, тема детства, воспитание, методические рекомендации, внеклассное чтение, психотерапевтическая функция.

В статье представлены выводы относительно темы детства в современном юмористическом рассказе и его функционировании в образовательной среде, к которым пришел автор в ходе исследования, руководствуясь литературоведческим и методическим аспектами.

Modern humorous story, the theme of childhood, education, guidelines, extracurricular reading, psychotherapeutic function.

The article presents the conclusions regarding the topic of childhood in the modern comic story and its functioning in the educational environment, which the author came to during the study, guided by literary and methodological aspects.

Тема детства в отечественной литературе освещается в работах И.Г. Минераловой, И.Н. Арзамасцевой, М. Черняк и др. Общей чертой данных исследований является прослеживание художественно-педагогической составляющей в детской литературе.

Нами была исследована юмористическая составляющая детской темы в отечественной литературе, поскольку она является значительным пластом детской литературы и имеет свою специфику и функции. Юмор связан с витальными потребностями человека, так как выступает в качестве важного фактора адаптации, создает переживания положительных эмоций, которые, как известно, способствуют укреплению здоровья. Актуально это потому, что современный юмор, как социокультурный феномен, получает весьма опасное развитие – сарказм, цинизм, отсутствие нравственности и безразличие к окружающей действительности. В СМИ культивируются шутки над религией, образованием, общечеловеческими ценностями, доходящие до абсурда. Поэтому для исследования детской юмористики в художественной литературе нами было выбрано творчество современных писателей Евгения Мамонтова («Приключения Славки Щукина») и Тamarы Крюковой («Потапов, к доске!») как образец для воспитания адекватного и здорового чувства юмора, которое является одним из важнейших факторов

лично-нравственного развития. Данные авторы не только следовали традициям таких авторов отечественной юмористики, как Н. Носов, В. Голявкин, В. Драгунский, но и проявили новаторство в изображении мира ребенка и приемах комического. Именно поэтому сборники Евгения Мамонтова и Тамары Крюковой представляют наибольший интерес для нашего исследования.

Тексты сборников имеют свою специфику, которая проявляется в структурном аспекте, в создании образов главных героев, в методе изложения, в особенностях сюжетостроения. У Е. Мамонтова комическое зачастую выражается непосредственно в речи персонажей и в их подходе к решению бытовых ситуаций, который и вызывает смех у читателя. У Т. Крюковой вместе с тем доминирует комедия положений, которая является основным сюжетобразующим мотивом. Оригинальность Т. Крюковой в изображении темы детства состоит также в новом подходе к структурно-композиционному аспекту сборника: в цикле рассказов размещены стихотворения, которые являются некими авторскими лирическими отступлениями.

В рамках нашего исследования был осуществлен анализ действующих рабочих программ по литературе для 5 класса. Нами были выбраны программы В.Я. Коровиной, В.Г. Маранцмана и Г.С. Меркина. Проведя анализ, мы выявили, что в современных учебно-методических комплексах недостаточно внимания уделяется современным юмористическим рассказам о детстве. Расширение данной рабочей программы кругом авторов в области детской юмористики позволило бы не только расширить диапазон информационного поля ученика, но и нивелировать чрезмерно насыщенный процесс обучения. В практической части нашего исследования мы пришли к выводу, что на современного ребенка зачастую возлагается непомерная нагрузка в образовательной среде и процесс социализации и культурализации становится чрезмерно насыщенным, что, безусловно, сказывается на эмоциональном фоне школьника. Вследствие этого ребенок становится не только раздражительным и уставшим, он теряет интерес к чтению и обучению. Литература же как предмет искусства лишается, таким образом, одной из основных своих функций: психотерапевтической.

Исходя из этого, мы составили методические рекомендации по реализации детского юмористического рассказа в рамках школьного курса. Во-первых, нами были учтены основные методологические подходы: системный, личностный, деятельностный, диалогический и культурологический. Во-вторых, в ходе апробации одного из конспектов мы выявили повышенный интерес учеников к чтению юмористического рассказа. Мы по достоинству оценили юмористические рассказы сборников В. Драгунского, Е. Мамонтова и Т. Крюковой как материал для создания и проведения уроков внеклассного чтения.

Основными задачами в реализации конспектов уроков были следующие: выявить художественное своеобразие юмористического рассказа, научить определять роль юмористических приемов в произведении, развить творческие способности учащихся. Мы использовали такие методические приемы, как кластер, прием чтения с остановками, проектная деятельность в формате театральной по-

становки, создание собственного завершения рассказа. Наше исследование показало, что образцы детской отечественной юмористики в полной мере могут дарить массу эмоций, в том числе и смех, исследователи которого сходятся в мнениях о его оздоровительном эффекте.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965. 324 с.
2. Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2005.
3. Дьячкова М.А. Детская литература и ее педагогический потенциал // Вопросы образования: история, теория, практика. Екатеринбург, 2016. Ч. 1.
4. Ликок С. Юмор, как я его понимаю. Государственное издательство художественной литературы, 1969.
5. Минералова И. Детская литература: учебное пособие для студ. высш. учеб. завед. М.: Владос, 2007.
6. Пичугина О.Ю. Учебные проекты как способ повышения интереса к чтению художественной литературы // Литература в школе. № 7. С. 34.
7. Черняк М.А. Актуальная словесность XXI века. Приглашение к диалогу: учебное пособие. М.: Наука, 2015.

РАБОТА ПО ОБОГАЩЕНИЮ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА БИЛИНГВОВ ЛЕКСИКОЙ ПО ТЕМЕ «ВРЕМЕНА ГОДА»

WORK ON ENRICHMENT OF A DICTIONARY STOCK ON THE TOPIC: „SEASONS” BY BILINGUALS

Б.О. Монгуш

B.O. Mongush

Научный руководитель О.В. Лукьянова
Scientific adviser O.V. Lukanova

Времена года, словарный запас, лексика, билингвизм, двуязычие, обогащение.

В статье представлена тема «Времена года». Лексикой на эту тему обогащаем словарный запас билингвов. Важен не сам по себе словарный запас, а умение активно пользоваться имеющимися словами, правильно сочетать их между собой.

The article presents the topic “The Seasons” on this topic is enriching the vocabulary of bilinguals, it is not the vocabulary itself that is important, but the ability to actively use the available words and to correctly combine them with each other.

Современные условия жизни общества сопряжены со значительной миграцией населения или проживанием некоренного населения в русскоязычной среде, в которой оно, как правило, не теряет родной язык, в связи с чем развитие речи детей протекает в условиях билингвизма.

Проживая в местности, которую населяют представители двух или нескольких национальностей, ребенок с младенчества впитывает оба языка и пользуется ими как родными. Но в случаях приоритета одного из языков возникают нарушения речи, связанные со звуковым строем этих языков. В условиях миграции у ребенка, попадающего в другой район, где средством общения является русский язык, возникают трудности речевого общения со сверстниками и окружающими.

Формирование лексики ребенка тесно связано с развитием его познавательной деятельности. Овладение словом отражает, прежде всего, процесс соотношения мышления и речи в сознании ребенка и во многом определяется уровнем его интеллектуального развития, оно тесно связано с формированием восприятия, памяти, других психических процессов. В свою очередь, лексическая система речи оказывает существенное влияние не только на речевое развитие в целом, но и на формирование познавательной деятельности ребенка, так как именно значение слова, по мнению Л.С. Выготского, является единицей речевого мышления [3, с. 34].

Таким образом, развитие лексической стороны речи является важным моментом в общем речевом развитии. Еще более актуальным является изучение лексики детьми-билингвами, ведь им приходится овладевать двумя, а нередко и тремя языками сразу.

В качестве лингвистического термина понятие «билингвизм» впервые использовал У. Вайнрайх [2, с. 25]. Но еще до него, в XIX веке, этой проблемы касались такие ученые, как В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.М. Жирмунский, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др.

Билингвизм – способность тех или иных групп населения объясняться на двух и более языках.

Широкое распространение получила точка зрения В.Н. Ярцевой, согласно которой под двуязычием понимается «способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [4, с.15].

Работу над обогащением словарного запаса ребенка нельзя рассматривать как самоцель. Важен не сам по себе словарный запас, а умение активно пользоваться имеющимися словами, правильно сочетать их между собой, образовывать от них новые слова. Важна и правильность грамматического оформления слова. Необходимо обращать внимание на правильность звуко-слоговой структуры слов.

Работа над обогащением словарного запаса у детей-билингвов должна проводиться не изолированно, а одновременно с совершенствованием звукопроизношения и грамматического строя речи.

Для работы над обогащением словарного запаса мы взяли тему: «Времена года». И она была проведена на практике со студентами-билингвами.

Целью работы является формирование знаний о временах года и умений использовать полученные знания в нестандартных условиях.

При отборе упражнений были поставлены следующие задачи.

1. Формировать знания о временах года, умение наблюдать, обобщать, сопоставлять времена года.

2. Познакомить учащихся с особенностями времен года и изменениями в природе в течение года.

3. Совершенствовать умение анализировать, делать выводы и сравнивать.

В процессе работы по обогащению словарного запаса наиболее интересными нам показались следующие упражнения.

Дети-билингвы должны внимательно прочесть стихи, которые перед ними представлены. Затем, ссылаясь на определенные слова, отгадать, к какому времени года относится данное стихотворение. Для проверки на следующем слайде показываем картинки. Обогащать словарь двуязычных детей именами существительными помогут серии картинок. Каждую из этих картинок обучающийся постепенно должен научиться правильно называть.

На слайде следующей серии представлены 4 слова: лето, осень, зима, весна. Билингвы должны выбрать одно слово и построить ассоциативный ряд.

Далее раздаем сигнальные карточки 4 разных цветов: красного, желтого, синего, зеленого. Преподаватель показывает слова, относящиеся к каждому времени года: *прилетают птицы, море, снег, февраль, метель, загар, каникулы, кондиционер, муха, урожай, грибы, листопад, масленица, грязь, лужи*, а дети поднимают ту карточку, которая относится к этому времени года. Например, слово МОРЕ – карточка КРАСНАЯ (лето).

Рис. 1. Стихи о временах года

Рис. 2. Картинки о временах года

Таким образом, «Времена года» – одна из познавательных тем для обогащения словарного запаса детей-билингвов. Они научились применять полученные знания для сопоставления времен года, правильно отвечать, доказывать свое мнение.

Библиографический список

1. Аникина А.Е., Павлова Н.В. Обучение детей с двуязычием русскому языку // Школьный логопед. 2008. № 3.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 25–60.
3. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2010.
4. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М.: Наука, 1969.

ОСВОЕНИЕ ШКОЛЬНИКАМИ ТОПОСА «ОГОРОД» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА (СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД)

MASTERING THE CONCEPT (TOPOS) OF VEGETABLE GARDEN BY THE PUPILS IN THE WORKS OF V.P. ASTAFIEV (SYSTEMATIC APPROACH)

К.В. Риве

K.V. Rive

Научный руководитель Н.В. Лебедева
Scientific adviser N.V. Lebedeva

Топос огорода, художественное пространство, бытовые реалии огорода, лирико-философское произведение «Ода русскому огороду», мир огорода, педагогический эксперимент, система изучения школьниками.

В.П. Астафьев – признанный мастер художественного слова, знаток сибирской природы, тонко чувствующий ее. Авторы школьных программ достаточно часто обращаются к произведениям В.П. Астафьева. Однако обходят вниманием такой важный топос в его творчестве, как «огород». Мир огорода в понимании писателя является и благодатным местом, земным раем, способным доставлять удовольствие трудящимся своими дарами, и «клочком родной земли», испытывающим на себе злую силу страшного военного времени. Мы предлагаем системный подход освоения школьниками (12–18 лет) топоса «огород» в произведениях В.П. Астафьева.

The concept (topos) of vegetable garden, artistic space, household realities of the garden, lyrical and philosophical work «Ode to the Russian vegetable garden», the world of vegetable garden, pedagogical experiment, pupil learning system.

V.P. Astafiev is a recognized master of artistic expression, a person who was able to feel and protect the beauty of Siberian nature. The author of school programmes refer to the works of V.P. Astafiev. But they pay little attention to the important concept “vegetable garden”. The author believes that a vegetable garden is a wonderful and beautiful world that is an Earthly Paradise that gives its gifts for Russian people who enjoy work on the piece of native land, which withstood the evil force of wartime. We offer a systematic approach to mastering the concept (topos) of vegetable garden in the works of V.P. Astafiev.

Проза В.П. Астафьева, содержащая богатый нравственный потенциал, востребована в наши дни. Обращение к базовым методическим рекомендациям РФ В.Я. Коровиной и Г.С. Меркина показало, что в школе к творчеству и личности В.П. Астафьева сохраняется устойчивый интерес. Школьного учителя ориентируют на отдельные произведения В.П. Астафьева, которые вобрали в себя традиционную для русской классической литературы гуманистическую концепцию мира.

В программе под редакцией В.Я. Коровиной представлены следующие произведения В.П. Астафьева: «Васюткино озеро» (5 кл.), «Конь с розовой гривой» (6 кл.), «Фотография, на которой меня нет» (8 кл.); 11 класс – обзор «деревенской прозы» В.П. Астафьева. Таким образом, ученикам открывается тема взаимоотношений человека и природы, нравственного становления личности и тема памяти. Для самостоятельного чтения автор школьной программы в большей степени советует произведения В.П. Астафьева, в которых раскрываются взаимоотношения человека и природы: «Зачем я убил коростеля?» (5 кл.), «Белогородка» (5 кл.), «Деревья растут для всех» (6 кл.), «Царь-рыба» (9 и 11 кл.), а также социальное звучание: «Мальчик в белой рубахе» (7 кл.), «Ангел-хранитель» (8 кл.), «Где-то гремит война» (11 кл.). Таким образом, для данной программы характерно разнообразие тематических блоков.

Программа под редакцией Г.С. Меркина практически созвучна программе В.Я. Коровиной. Для самостоятельного чтения Г.С. Меркин предлагает произведения, в которых звучит тема взаимоотношений человека и природы: «Зачем я убил коростеля?» (5 кл.), «Белогородка» (5 кл.), «Родные березы» (7 кл.), «Весенний остров» (7 кл.), «Царь-рыба» (11 кл.), но автор программы, вслед за В.Я. Коровиной, также акцентирует внимание и на социальном звучании, советуя для чтения произведения «Пастух и пастушка», «Прокляты и убиты», «Бабушкин праздник» и «Ангел-хранитель» (11 кл.).

Произведения В.П. Астафьева, представленные в учебных программах и рекомендуемых списках литературы для самостоятельного чтения, имеют разнообразие тематических блоков: взаимоотношения человека и природы, нравственное становление личности, любовь к родине, война, семейные ценности и традиции, нравственное и физическое выживание человека. Представляется важным постижение учениками такого интересного для них топоса, как «огород», столь ярко воплощенного в творчестве писателя (в книге «Последний поклон», в цикле «Затеси», в произведении «Ода русскому огороду»). В произведениях В.П. Астафьева огород олицетворяет не только бытовую план, но и бытийный, что позволяет дать оценку миру и человеку с позиции вечных ценностей.

Мы провели эксперимент в группах разного возраста и разработали систему педагогических действий с целью постепенного изучения произведений В.П. Астафьева и подведения учащихся к пониманию сложного произведения «Ода русскому огороду».

Предварительный подготовительный этап был проведен с учащимися городской школы. Ученики 5–6 классов изучали рассказы В.П. Астафьева «Васюткино озеро» и «Конь с розовой гривой»; в 7 классе проводилась внеурочная деятельность – экскурсия в Мемориальный комплекс В.П. Астафьева в с. Овсянка, где подростки смогли наглядно ознакомиться с биографическими фактами писателя и конкретизировать для себя базовые понятия: земля, труд, огород, крестьянин, посадки, деревенский дом.

Первый поисковый этап: 1) внеклассное занятие в 8 классе в школе г. Красноярска по миниатюрам «Чудо» и «Худого слова и растение боится» В.П. Астафьева;

2) внеклассный урок в группе смешанного состава (5–8 кл.) в сельской школе (с. Солонцы) по миниатюрам «Чудо» и «Худого слова и растение боится» В.П. Астафьева. Задачи: направить учащихся к пониманию авторского идеала и сравнить, как учащиеся из разных населенных пунктов (город и село) откликаются на произведения сибирского писателя; подготовить их к изучению сложного, но важного произведения «Ода русскому огороду». Эксперимент показал, что большинство учеников городской школы смогли открыть «бытовой план» содержания произведений, но на «бытийное» осмысление того, что «кочок родной земли» является чудом, святыней в понимании писателя, выходят лишь единицы. Результат эксперимента в сельской школе показал, что у учащихся нет видения огородного мира как земного рая для человека.

Второй поисковый этап: работа со студентами 1 курса филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева. Задачи: определить наиболее эффективные методы и приемы для выявления чуда природного мира в малых эпических формах В.П. Астафьева; привести обучающихся к пониманию огородного мира как «живого организма», читая рассказ «Осенние грусти и радости», и направить студентов к изучению сложного произведения «Ода русскому огороду» В.П. Астафьева. Результат эксперимента показал, что большинство студентов выходят на бытийный уровень понимания произведений.

Таким образом, открыть бытовое и бытийное понимание топоса «огород» возможно при системном подходе к изучению произведений В.П. Астафьева с учетом возрастных особенностей.

Учащиеся осознают две ступени познания топоса огорода в понимании В.П. Астафьева: первая ступень – встреча с обыденным и восприятие его как чудо, вторая ступень – мир в его космическом охвате.

Библиографический список

1. Ростовцев Ю.А. Виктор Астафьев. М., 2009.
2. Швецова В.Г. Река жизни Виктора Астафьева. Красноярск, 2010.

ТЕМА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВОГО ЧТЕНИЯ

THE THEME OF THE FIRST LOVE IN MODERN RUSSIAN LITERATURE FOR THE TEENAGE READER

Д.Н. Сорокина

D.N. Sorokina

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Современная литература, рассказы о любви, тема первой любви, подростковое чтение.
В статье анализируются и сравниваются рассказы о любви четырех современных авторов: Е.В. Габовой, В.Н. Крупина, С.В. Малицкого, Е.А. Ярцевой. Выявляются особенности темы; дается обоснование для включения исследуемых текстов в круг подросткового чтения.

Modern narratives, love stories, the first love, teenage reading.
The article analyzes and compares the love stories of four modern authors: E.V. Gabova, V.N. Krupina, S. V. Malitsky, E. A. Yartseva. The features of the topic are revealed; the justification for the inclusion of the studied texts in the circle of teenage reading is given.

«Я думал о ней в тревожные предвоенные годы. Мне захотелось подготовить сердца моих юных современников к грядущим жизненным испытаниям. Рассказать им что-то хорошее, <...> показать очарование первых робких встреч, зарождение любви высокой, чистой», – писал в своем дневнике Рувим Исаевич Фраерман, работая над своей знаменитой повестью «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви» (1939). Во все времена мотивы обращения к теме любви имели свои особенности. Литература XIX века выводит на сцену жизни героя-бунтаря, готового отдаться чувству, но понимающего, что он обречен на гибель. В этот период тема первой любви носит трагический характер. Писатели-реалисты старались показать любовь такой, какой она есть в жизни. Они пришли к выводу, что любовь «легкая», нежная, возвышенная, тающая загадку, не может выжить. Любовь связана с жизненными обстоятельствами, которые делают ее обыденным явлением.

В XX веке тема первой любви видоизменяется. Все больше она наполняется психологизмом. Авторы подробнее объясняют поступки героев, поясняя, почему именно так они поступили в сложившейся ситуации. Тема первой любви связана с мотивом взросления человека. Как и в литературе XIX века, первая любовь чаще всего не имеет счастливого продолжения и заканчивается трагично. Часто

первая любовь в ее искренности контрастна по отношению к фальшивому и лицемерному взрослому миру.

Современные авторы продолжают традиции предшествующей литературы в раскрытии данной темы, погружая своих героев в новые социально-исторические реалии: например, Э. Веркин, О. Раин, А. Жвалевский, Е. Пастернак, Е. Габова, Е. Ярцева, В. Крупин, С. Малицкий, С. Лубенец и др.

В данной статье мы рассмотрим тему первой любви в современных подростковых рассказах.

Рассказ Е. Габовой «Двойка по поведению» повествует о жизни пятиклассников. Основная линия в рассказе – чувство симпатии детей друг другу. Приходнов хоть и двоечник, но он неплохой мальчишка. Проявлять лучшие качества ему помогает симпатия к девочке Тане. Но так как он из неблагополучной семьи, он не знает, как нужно правильно обращаться с девочками; у него нет отца, к которому он мог бы обратиться за советом. И когда он узнает о том, что Тане нравится Соловьев, он злится и равняет ее со всеми остальными девчонками («бабами»); он не осознает, что и девочкам иногда трудно сказать правду, особенно мальчику, который ей нравится. И он совершает жестокий поступок, вместе с бандой мальчишек избивает и мальчика, и девочку. Он не пытается выяснить отношения лично, а решает проблему силой. В глазах девочки он уже не выглядит героем, тем смелым, задорным мальчишкой, который вчера на прогулке так ей понравился.

Похожую жестокость мальчика к девочке мы видим в рассказе Сергея Малицкого «Танька-дурочка». Это рассказ о влюбленной девочке, которая верит в неосуществимое чудо – понравиться Борьке Силаеву. Автор с иронией относится к своей героине, об этом свидетельствует и название рассказа. Но в то же время он ей сочувствует, жалеет ее из-за наивности. Эта девочка героически ходит через овраг и ранит кожу ради любимого, но она не знает, что все это игра. Как жить, если ты сталкиваешься с негативной реакцией человека, который тебе сильно нравится? К сожалению, Боря оказался тем самым, кто не захотел ответить взаимностью. Но вместо того чтобы помочь девочке разобраться в этой истории, он ее запутывает и завязывает узел, а в этом узле осталась любящая его Танька-дурочка, которая даже и не предполагала, что так жестоки могут быть люди друг к другу, что так жестока может быть любовь. Танька прошла трудные испытания, но она еще не понимает, что Боря – это еще маленький мальчик, который не осознает, что значит «жертвовать ради любви». Танька ждет от Бори поступков принца, но, к сожалению, чтобы стать принцем, нужно многому в жизни научиться: ответственности, смелости, уважению, милосердию и т.д. По нашему мнению, эти рассказы можно изучать в возрасте 11–14 лет.

Если в данных рассказах любовь обошлась с героями жестоко и судьба их трагична, то в произведении В.Н. Крупина «Песок в корабельных часах» происходит чудо: Таня становится красивой, а Сергей – из труса становится смелым. А чудо здесь – это поддержка другого человека, любовь, вера в себя, надежда. Идея рассказа в словах: «Только на том самом обрыве, выше полета чаек, встречаются мальчишка и девчонка. И становятся: она – красивой, он – смелым» [3].

Если рассказ Крупина в какой-то мере немного похож на сказку, то рассказы из сборника Е. Ярцевой «Апельсиновый зонтик» более реалистичны. Главы «Мы влюбляемся», «Задача» наполнены иронией восьмиклассницы Саши; свою историю она начинает так: «Сколько же раз я влюблялась!» [5]. Девочка не только вспоминает свою первую любовь в пятом классе, но и описывает изменения сверстников внешне и по характеру. Дневниковые записи делаются от лица девочки, где Саша пишет не только о любви, но и о кумирах, непростых взаимоотношениях с родителями, своих увлечениях и победах на «любовном фронте». Хочется верить, что подростки после прочтения этого рассказа поймут, что жизнь не заканчивается на первой любви, и впереди будет много всего интересного, даже если пока обстоятельства складываются не так, как хочется.

Возможно, эти рассказы помогут подростку в принятии себя, в понимании того, что каждый заслуживает любви, но не каждый умеет любить и этому нужно учиться. Данные истории рассказаны от лица современного подростка, присутствуют реалии нашего времени, такие как гаджеты, Интернет. Все это в совокупности позволяет подростку почувствовать, что рассказы адресованы именно ему и что автор, говоря на его языке, может явиться советчиком в некоторых подростковых трудностях. Такой сложный возраст... И такая прекрасная возможность взять в руки книгу и посмотреть на себя со стороны. И, возможно, ответ на вопрос «Кто я?» станет чуть-чуть яснее.

Библиографический список

1. Габова Е.Н. Двойка по поведению: сайт. URL: <https://e-libra.ru/read/397455-dvoyka-po-povedeniyu.html>
2. Книга о первой любви / И.Е. Чеснова; худ. М. Кудрявцева. М.: АСТ, 2018.
3. Крупин В.Н. Песок в корабельных часах: сайт. URL: <https://litrossia.ru/item/7506-vladimir-krupin-pesok-v-korabelnyh-chasah/>
4. Малицкий С. Танька-дурочка: сайт. URL: http://samlib.ru/o/ono/k_03_tanka.shtml
5. Ярцева Е. Апельсиновый зонтик: сайт. URL: <http://deti-knigi.com/component/k2/item/889>

ШКОЛЬНАЯ ТЕМА В АБСУРДИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА А. ГИВАРГИЗОВА «ЗАПИСКИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДВОЕЧНИКА»)

SCHOOL THEME IN ABSURDIST LITERATURE ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTION OF A. GIVARGIZOV „THE PROMINENT LOSER’S NOTES”

К. Суровцева

K. Surovtseva

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Детская литература, современная литература, абсурд, юмористические произведения, тема школы.

В статье представлено, художественные средства, с помощью которых отражается в современной детской литературе тема школы. Описаны основные тенденции и функциональная направленность литературы абсурда. В качестве материала используются рассказы Артура Гиваргизова из сборника «Записки выдающегося двоечника».

Children’s literature, modern literature, absurd, humorous works, school theme.

Abstract: The article presents the means by which the theme of the school is reflected in the modern children’s literature. The main trends and functional orientation of the literature of absurdity are described. As a material, the stories of Arthur Givargizov from the collection „The prominent loser’s notes” are used.

Тема школы неисчерпаема и близка каждому: через нее прошли все. «Школа – больной вопрос для всего общества, центр притяжения сил и эмоций. Школа как особый социальный феномен объединяет и разъединяет общество одновременно» [2, с. 7]. Главная «составляющая» этого феномена, безусловно, ученик. Педагогов, родителей, читателей волнует, что он чувствует, думает, поэтому необходимость текстов о школе очевидна. Художника (в общем смысле) интересует настоящее, он говорит о том, что происходит здесь и сейчас. Хочется понять сегодняшнего школьника – читайте современную детскую литературу о школе. Одна из тенденций современного литературного процесса – традиции абсурда – не обошла стороной и детские произведения: используются особые приемы, функции, жанры, образы. Артур Гиваргизов – автор, в творчестве которого ярко проявляется абсурдистское начало. Он учитель (преподавал игру на классической гитаре), поэтому знает школьную жизнь изнутри.

Его сборник «Записки выдающегося двоечника» (2016) делится на три раздела: заглавие книги повторяет название первого, второй – «Школьные друзья», третий – «Наша надежда». По структуре первая и вторая части напоминают школьный дневник ученика или его же ежедневник (автор дает именно такое опреде-

ление в содержании): перед каждым рассказом записаны дата и название урока, на котором описанное действие произошло («2 сентября, урок физики», «4 сентября, на литературе», «6 сентября, на уроке истории» и т.д.). Вместе с главными героями мы проживаем первую четверть учебного года: сентябрь – октябрь. Вспомните, как вы заполняли дневник в средней школе: в первые учебные дни скрупулезно записывали каждое домашнее задание, ничего не пропуская; со временем записей становилось все меньше («с 22 по 31 октября – страницы куда-то пропали»), они ведутся неаккуратно («7 октября все зачеркнуто»). Так же поступают со своими заметками герои Гиваргизова. На месте ожидаемой записи появляется: «5 октября (воскресенье) ничего интересного не произошло», «12 октября (воскресенье) опять ничего интересного». Впервые упоминается день недели. В воскресенье дети не ходят в школу. Значит, жизнь «кипит» для школьников именно там. Автор начинает играть с читательскими ожиданиями. На месте записи от 19 октября (а это, следуя логике, воскресенье) появляется «интересно было, но это секрет». Что не запишет в дневник ребенок в этом возрасте? Смеем предположить, что дела сердечные. Гиваргизов не упускает тему школьной любви. Двоечник Сережа Гаврилов ради «круглой» отличницы Сереберцевой готов и пластическую операцию сделать («Пластическая операция»), и посвятить победу в драке с одноклассником («Сколько стоит веер?»). Дети не боятся признаваться в любви: они пишут на заборе о своих чувствах («Одна буква»); звонят ночью, чтобы убедиться, что их не разлюбили («Обычно Сережа списывал») и т.д. Напротив, взрослые стесняются говорить на эту тему, скрывают свои влечения, тайно пишут записки друг другу («Странно»). Этот принцип (условно названный «перевертышем») встречается в текстах Гиваргизова постоянно: взрослый ведет себя как ребенок, а ребенок – как взрослый.

Главный герой – «выдающийся двоечник». И уже в заглавии – **сочетание несочетаемого**, разновидность парадокса. Но это только внешний прием, привлекающий читательское внимание. «Выдающийся» – выделяющийся какими-нибудь качествами (обычно положительными), «двоечник» – школьник, учащийся на двойки. Неужели ученик, получающий плохие оценки на уроках, не может (судя по определению «выдающийся» выше) совершать добрые дела, не может быть сообразительным или смелым, справедливым? Конечно, может. Может получить, в порядке исключения, по труду восьмерку («Шпаргалка на рисовом зернышке»); может придумать новый способ держать ручку («Шифровальщик»); может считать в уме огромные цифры (« $344835 \times 84315525 = 29074944063375$ »); может не бояться медведей («Не выдержал испытания») и т.д. К Сереже всегда обращаются за советом: например, как поступить с дневником, в котором появилась двойка? А как с родителями, не покупающими компьютер?

В сборнике «Записки выдающегося двоечника» автор описывает явления, при столкновении с которыми в школе ребенок ощущает трудности или страх: взаимоотношения с одноклассниками, преподавателями, родителями; первая любовь; плохие оценки и т.д. Гиваргизов эти феномены переворачивает и осмеивает, чтобы снять напряжение у маленьких читателей (**смехотерапия** – так опреде-

ляют исследователи детской литературы функциональную направленность творчества Артура Гиваргизова). Уборщица тетя Тамара – не ворчливая женщина, которой без сменной обуви лучше на глаза не показываться, а добрая, родная бабушка, которая всегда за тебя заступится и допишет твою надпись на стене («Что новенького на стенках?»); на педсовет вызывают не чтобы ругать за плохое поведение, а чтобы послушать доклад «Почему дети не хотят учиться и не делают уроки» [1, с. 34]; а учителя тоже, оказывается, нуждаются в советах («Хочешь похудеть?»). Гиваргизов отвечает (как и главный герой Гаврилов) на вопросы маленьких читателей: как себя вести в той или иной ситуации. В свойственной автору манере показывается, как нелепо и смешно выглядят недоверие и проверки родителей («Дневник»); как бессмысленно, странно и даже глупо представляются со стороны издевательств одноклассников друг над другом.

Произведения Гиваргизова обвиняют в «непедагогичности». Автор отказывается от описания идеального поведения героев, не дает образец для подражания, но в то же время демонстрирует, что можно с юмором относиться ко всем жизненным неурядицам. Поэтому он и нравится маленьким читателям: предоставляет свободу самостоятельно делать выводы.

Вернемся к названию частей в сборнике. Автор завершает книгу разделом «Наша надежда». Кто это, как не все эти «выдающиеся» школьники, которых описывает Гиваргизов в своих рассказах? Дети всегда будут детьми (здесь автор не открывает новую теорию в литературе, а лишь смотрит на тему школы через призму абсурда): они всегда будут нуждаться в поддержке и заботе родителей и учителей.

Библиографический список

1. Гиваргизов А.А. Записки выдающегося двоечника. М.: Время, 2016. 144 с.
2. Черняк М.А. Школа как диагноз: опыт современной прозы// Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 7–18.

ЭПИТЕТЫ В ПЬЕСЕ Ф. ШИЛЛЕРА «РАЗБОЙНИКИ»

EPITHETS IN THE PLAY OF F. SCHILLER'S „THE ROBBERS”

М.А. Дубинина

M.A. Dubinina

Научный руководитель В.И. Пихутина
Scientific adviser V.I. Pikhutina

Эпитет, средства художественной выразительности, анализ художественного текста.
Цель статьи – охарактеризовать средства художественной выразительности на примере эпитетов в пьесе Ф. Шиллера «Разбойники». Анализ изобразительных средств показал их значимость в создании эмоционального напряжения и психологизма художественного произведения.

Epithet, means of artistic expression, analysis of artistic text.
The purpose of the article is to characterize the means of artistic expression by the example of epithets in the play «Robbers» by F. Schiller. The analysis of visual means showed their importance in the creation of emotional tension and psychologism of a work of art.

Эпитет как средство художественной выразительности известен как один из наиболее древних филологических терминов и изучается лингвистами достаточно широко. Однако до сих пор нет единой классификации и терминологии, необходимой для характеристики различных видов эпитетов.

В литературном энциклопедическом словаре под общей редакцией В.М. Кожевникова и П.А. Николаева эпитет определяется как один из тропов, образное определение предмета (явления), выраженное преимущественно прилагательным, но также наречием, именем существительным, числительным, глаголом [1, с. 512–513]. Художественное определение не просто характеризует объект с какой-либо стороны, а выражает его свойства, пропущенные сквозь призму эмоционально-психологического и индивидуально-авторского видения мира. И чтобы не допустить ошибок в определении эпитета, всегда нужно учитывать три важных показателя: лексическое значение, его соотношение с контекстом и эмоциональную выразительность.

В основу нашего исследования положена семантическая классификация В. П. Москвина, разделяющего эпитеты исходя из их функций, способов номинации, семантики, степени освоенности, степени устойчивости и стилистической характеристики [2].

Самой многочисленной группой эпитетов в пьесе Ф. Шиллера «Разбойники» является группа оценочных эпитетов (187 единиц), что легко объясняется темой и идеей произведения. В основе «Разбойников» лежит вражда и ненависть между близкими людьми, способная убивать; ответственность человека за свой выбор и свои поступки, за моральные обязательства. Проблемы, поднимаемые в драме, – влияние человеческих страстей: месть и предательство, клевета стар-

шего сына, горе обманутого отца, верность разбойников слову. Оценочные эпитеты служат для обозначения отношения героев друг к другу, а также их взглядов на то или иное событие, предмет и даже эпоху. Так, например, в предложении «*Погребение совершается с отменным великолепием*» с помощью эпитета *отменное* можно глазами Шпигельберга увидеть церемонию погребения, вернее, оценить ее с точки зрения данного героя. Кроме этого, благодаря эпитету в предложении чувствуется легкая ирония: мрачное событие сочетается с неуместной для него роскошью. Другим примером могут служить следующие предложения: «*Милое дитя, ты плачешь? Горе тому, кто исторг драгоценные капли из твоих божественных глаз!*». Здесь сразу можно заметить теплое отношение говорящего к героине: для Франца Амалия является *милым* ребенком с *божественными глазами* и именно ее слезы для него *драгоценны*.

Следующей по численности группой являются эпитеты, относящиеся к психологической, поведенческой и портретной характеристике лица (63 единицы). В предисловии Шиллер признается, что его цель как драматурга – «подсмотреть самые сокровенные движения души». И как раз в этом Фридриху Шиллеру помогает данная группа эпитетов. Такие эпитеты способны создать психологическое пространство произведения и раскрыть многогранность героев, их человеческие качества, стремления и психологические состояния. Так, в предложении «И вот этот „*сухой, заурядный человек*“, этот „*холодный, деревянный Франц*“...» с помощью эпитетов ярко выражена характер героя, его психологическая и поведенческая характеристика. Благодаря им читатель может составить общее представление о Франце – бесчувственный человек, который ничем особенным не выделяется. Именно эпитеты формируют отношение читателей к героям произведения. Кроме этого, они способны передать отношение и оценку самого автора к тому, кого (или что) он изображает (через слова своих героев). Ярким примером может стать следующее предложение: «*Непостижимый, коварный, гнусный злодей*», которое недвусмысленно говорит о негативном мнении Моора о Франце, а следовательно, и Ф. Шиллера.

Портретные характеристики лиц пьесы также могут быть представлены через восприятие героями друг друга: «...он выдает себя *мертвенно-бледным*, осунувшимся *лицом*...» (Франц о самом себе).

Портретируемым может быть не только человек, но и его психологические особенности и образ жизни. В эпитетах передаются краски жизни, фактура вещей, предметов, звуковые и вкусовые впечатления. Эпитеты придают представлениям об увиденном необходимую огранку. К таким эпитетам относятся цветочные эпитеты, представленные в тексте единичными случаями: *черная дымящаяся кровь* – эпитет демонстрирует психологическое восприятие описанного предмета, и *белая горячка* – представлен фразеологизмом, поэтому лишь условно может быть отнесен к эпитетам.

К эпитетам, характеризующим объект по форме, размеру, температуре и подобным характеристикам, можно отнести *безграничный океан, тысячерукая смерть, вечный сон, бездонный омут проклятья и т.п.* (33 единицы). Данные

эпитеты помогают читателям составить наиболее точное представление о рассказываемом, однако Ф. Шиллер предпочитал гиперболизированные эпитеты, усиливающие эмоциональное напряжение повествования, а не просто наполняющие произведение конкретными описаниями объекта.

Фридрих Шиллер стремился раскрыть психологическое состояние героев в трудной жизненной ситуации, в атмосфере ненависти, предательства, мести и лжи. Именно поэтому он использовал эпитеты, способные передать внутренние переживания человека, его отношение к происходящим событиям и к людям, которые его окружают. Практически все эпитеты в произведении так или иначе играют роль в формировании психологического напряжения, даже если отнесены не к герою, а к какому-либо описанному предмету.

Охарактеризовывая в целом группы эпитетов в пьесе Ф. Шиллера «Разбойники», можно сказать, что каждая из них имеет важную смысловую функцию. Оценочные эпитеты не только раскрывают отношения героев и их взгляды на окружающий мир, но и показывают отношение автора к персонажам. Вместе с эпитетами, относящимися к лицу, они создают тяжелую атмосферу психологического напряжения, угнетения, мрачности и страха в произведении. Эпитеты, характеризующие объекты, с конкретизацией описания предметов усиливают эмоциональное восприятие всего повествования и являются необходимой, неотъемлемой частью пьесы, без которой не получилось бы создать в полной степени драматическое, психологическое произведение.

Библиографический список

1. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Москвин В.П. Эпитет как предмет теоретического осмысления // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2011. Декабрь. № 4 (14). С. 1–5 [Электронный ресурс]. URL: ww.grani.vspu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРТЕМЬЕВА Анастасия Борисовна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: artemon_147@bk.ru

АЩЕПКОВА Лилия Дмитриевна – учащаяся 10 класса МБУ ДО «ЦО „Перспектива”» (Зеленогорск); e-mail: liyasandrs@gmail.com

БАДЬИНА Дарья Алексеевна – учащаяся 9 класса МАОУ «Гимназия № 15»; e-mail: badyina.daria@yandex.ru

БАЗАРЖАПОВА Мария Сергеевна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: bzrm16@yandex.ru

БАРДАКОВА Анжела Валерьевна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: anzhelika.bardakova.1996@mail.ru

БЕБРИШ Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка и методики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nadejdanick2@mail.ru

БОБРОВА Ангелина Дмитриевна – учащаяся 7 класса МАОУ «Гимназия № 15»; e-mail: t89069110065@mail.ru

БОЛЬШАГИНА Ольга Дмитриевна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: m.boldina@bk.ru

БОНДАРЕНКО Александра Игоревна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета

Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: albond1396@mail.ru

БУКАЛ Ирина Сергеевна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: bukal_is@mail.ru

БУРМАКИНА Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Михайловна – учитель русского языка и литературы МАОУ «Гимназия № 15»; e-mail: 23.02.1973@mail.ru

ВЕТРЕНКО Александр Валериевич – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: Al.vetrenko@mail.ru

ГОЛОСОВА Александра Филипповна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: alegra12@mail.com

ГОЛОЩАПОВА Татьяна Александровна – магистрант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: miss_tanycha@mail.ru

ГЛАДКОВА Александра Константиновна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: alexagladkova98@gmail.com

ГОНТАРЕВА Альбина Игоревна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: albka_kaza@mail.ru

ГОНЧАРОВА Анна Дмитриевна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: goncharova_9898@mail.ru

ДАНИЛОВА Екатерина Васильевна – педагог дополнительного образования МБУ ДО «ЦО „Перспектива”», г. Зеленогорск;
e-mail: danilova-katja@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО Марина Степановна – учащаяся 7 класса МАОУ «Гимназия № 15»;
e-mail: marinalena@bk.ru

ДУБИНИНА Мария Анатольевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: mary_lermont@mail.ru

ЗАМЫСЛОВА Вера Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: zamyslova@inbox.ru

ИВАНОВА Марина Васильевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: marishka.ivanova0415@mail.ru

КЛИМУК Юлия Вакильевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений Сибирского федерального университета;
e-mail: juliana.86@mail.ru

КОВАЛЕВА Анастасия Дмитриевна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nafanyaa28@mail.ru

КОЗЛОВА Софья Сергеевна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: kozlovacophie@gmail.ru

КОВТУН Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nkovtun@mail.ru

КОНДАКОВА Ольга Анатольевна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: ms.olu@list.ru

ЛУКЪЯНОВА Ольга Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: olgaluk2009@mail.ru

МАКОВА Екатерина Романовна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: makovka1998@gmail.com.

МАТВЕЕНКО Анастасия Олеговна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факульте-

та Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: matveenko-1997@inbox.ru

МОЛЧАНОВА София Сергеевна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: sonya_molchanova@mail.ru

МОНГУШ Байлакмаа Олеговна – магистрант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: mongush.bajlakmaa@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: natapedagog@mail.ru

ЛИПНЯГОВА Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: lipnjagova@list.ru

ЛИСОВА Ульяна Алексеевна – учащаяся 10 класса МБОУ СОШ № 10 (Красноярск); e-mail: n.astroff@mail.ru

МУРАВСКАЯ Татьяна Николаевна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: kartawaja.tatiana2017@yandex.ru

МЯНАМШЕВА Татьяна Юрьевна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: myanamsheva98@mail.ru

МЮЛЛЕР Евгения Дмитриевна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: galmizevgeniya@mail.ru

НИКАНОРОВА Тамара Маратовна – старший преподаватель кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nikantm.19-05@yandex.ru

НОВИКОВА Елизавета Олеговна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

ПОНАМАРЕВА Алина Олеговна – учитель русского языка и литературы МАОУ Гимназия № 15; e-mail: SveTLANA.Ponamar@mail.ru

ПИХУТИНА Валентина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: vip-niva@rambler.ru

ПУДОВА Ольга Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: ol.pudova2012@yandex.ru

РИВЕ Карина Владимировна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: rina.rive3@yandex.ru

РОТАРЬ Александра Михайловна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: aleksa.rotar@mail.ru

СОЛУСЕНКО Полина Сергеевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: psolusenko@mail.ru

САДЫРИНА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: tsadyrina@list.ru

СОРОКИНА Дарья Николаевна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: dasha-cat.ru@mail.ru

СТЕПАНЕНКО Юлия Николаевна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: zozulik1981@mail.ru

СТЕПАНОВА Василина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: burivouh@mail.ru

СУББОТИНА Дарья Викторовна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: subbotina.darya2014@yandex.ru

СУХАРЕВА Анна Сергеевна – учащаяся 9 класса МАОУ «Гимназия № 15»; e-mail: sukhareva_2003@list.ru

СУРГУТСКАЯ Юлия Викторовна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: Julia-1995@list.ru

ТИМЧЕНКО Анастасия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: ooo.otdohkni@gmail.com

СУРОВЦЕВА Кристина Александровна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: kris.surov@yandex.ru

ТОЛКАЧНИКОВА Ксения Константиновна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: ksynka188@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВА Екатерина Валерьевна – бакалавр кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: katerina24.97@mail.ru

ТАН Кэсинь – магистрант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: tangkexin19943914@mail.ru

УМИНОВА Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: umna2804@yandex.ru

ЧЭНЬ Кэюй – магистрант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: chenkeyu@yandex.ru

ФЕДОРКИНА Ксения Сергеевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: fedorkina.ksenia@yandex.ru

ШАКИРОВА Гульнара Каримовна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: shakirova.g98@gmail.com

ХЭ Синьюй – магистрант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: hexinyu@yandex.ru

ШИНКОРЕНКО Юлия Сергеевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: yuliasinkorenko@mail.ru

ЦАРИННАЯ Татьяна Витальевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: carinnaya@yandex.ru

ЦАРИННАЯ Татьяна Витальевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: carinnaya@yandex.ru

ЧЕРКАСОВА Анна Александровна – бакалавр кафедры общего языкознания филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: cherkasovanna98@mail.ru

ШАМОВСКАЯ Анастасия Анатольевна – бакалавр кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
e-mail: hiroshimizuki90@gmail.com

ЧЖАН Сяоминь – магистрант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: 1524646489@qq.com

Молодежь и наука XXI века

XX Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы IX Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Красноярск, 25 апреля 2019 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 04.07.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 20,5